

Министерство образования и науки РФ
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Ж.И. Солжцев

**«История русской церкви»
Е.Е. Голубинского:
теоретические основы
и историографическое значение**

Монография

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2010

БК ТЗ 63.013-82

С 60

Рецензенты:

С.Н. Пушкин – д. филос. н., проф. кафедры философии
Нижегородского государственного педагогического университета ;

В.П. Кожевников – д. и. н., проф. кафедры философии и политологии
Нижегородского государственного архитектурно-строительного
университета

Научный редактор

д. и. н. А.А. Кулаков

С 60 **Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение.** Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – 195 с.

ISBN 978-5-91326-133-5

Монография посвящена творчеству академика, профессора Московской духовной академии Е.Е. Голубинского и главному труду его жизни – «Истории русской церкви». Рассматриваются концептуальные положения и теоретические основы этого произведения, дается оценка его историографического значения.

Для специалистов-историков, студентов исторических факультетов и любителей истории.

Печатается по решению Учёного совета ННГУ

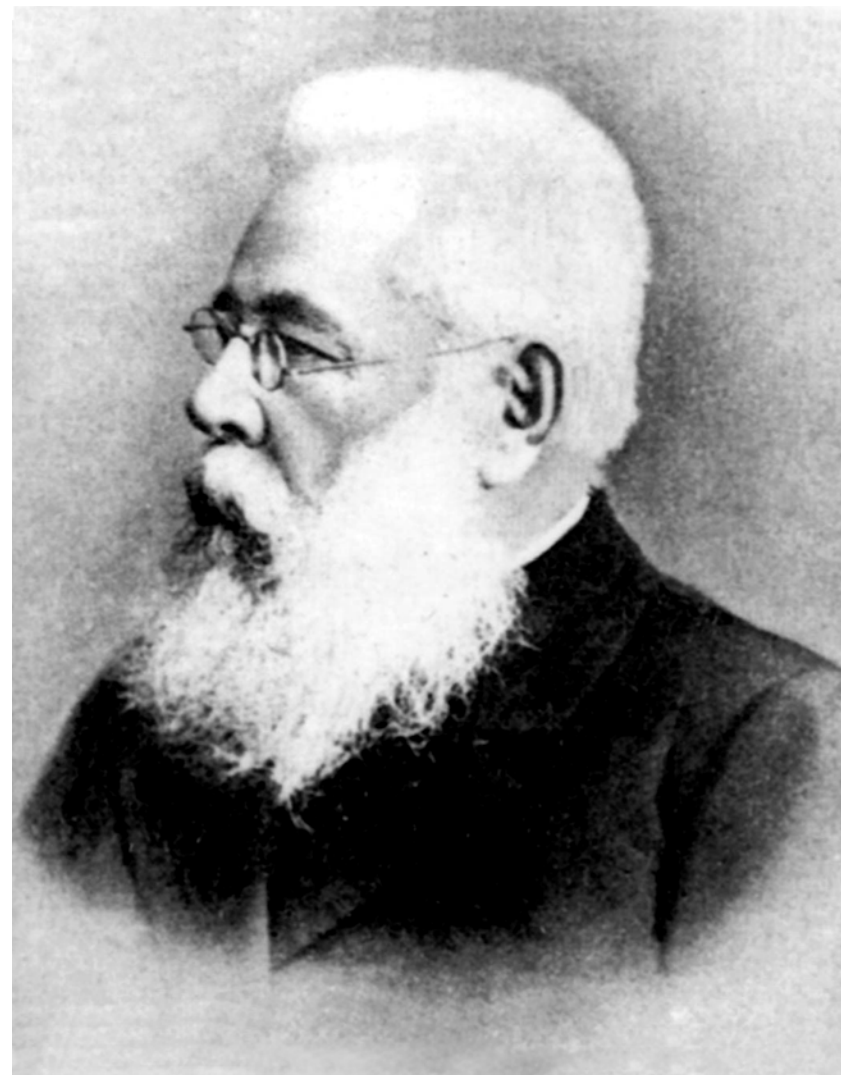
ISBN 978-5-91326-133-5

БК ТЗ 63.013-82

© Солнцев Н.И., 2010

© Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, 2010

**Евгений Евсигнеевич Голубинский
(1834–1912)**

Введение

одоходил к концу 1880 год, улицы Сергиева Посада были белы от снега, проходящие по улицам горожане едва виднелись из-за подросших сугробов, приближалось Рождество. 16 декабря к одиннадцати часам пополудни актовый зал Московской духовной академии был уже полон.

Собравшиеся ждали начала диспута, на котором Е.Е. Голубинский – тогда ещё экстраординарный профессор академии – защищал только что вышедшую первую часть первого тома «Истории русской церкви» в качестве диссертации на степень доктора богословия. Съехалось так много народу, что обычных мест в актовом зале стало недостаточно. Среди приглашенных были наместник Троице-Сергиевой лавры известный церковный историк и археолог архимандрит Леонид (Кавелин), этнограф и историк А.В. Барсов. Присутствовали редакторы таких популярных духовных журналов, как «Православное обозрение» – П.А. Преображенский и «Душеполезное чтение» – протоиерей В.П. Нечаев. Прибыли известные церковные историки граф М.В. Толстой и А.Е. Винокуров, приват-доцент духовной академии по кафедре византийской истории И.И. Соколов. Оппонентами диссертанта выступали ординарные профессора академии Н.И. Субботин и В.О. Ключевский.

Диспут выдался жарким: впервые на защиту выносились положения, коренным образом пересматривающие концептуальные основы русской церковной истории. Общественный резонанс, вызванный публикацией сочинения Е.Е. Голубинского, наглядно показывал те глубокие социальные и духовные изменения, которые произошли в пореформенной России к концу семидесятых годов. Не случайно в ходе острой полемики между диссертантом и протоиереем Нечаевым вспыхнул спор о возможности совмещения монашеского звания и архиерейского служения. Этот вопрос, прямо не относящийся к теме диспута, был для современников весьма актуальным. Идеи обновления духовной жизни русского общества, новых взглядов на роль церкви и её историю были весьма популярны в кругах русской интеллигенции. Именно поэтому защищаемая работа не стала сугубо академическим событием, а вызвала массу споров, надолго определивших последующее к ней отношение и её сложную судьбу. Симпатии большинства

собравшихся были на стороне диссертанта. Публика награждала его ответы в прениях «шумными и сердечными овациями, которым не было конца». Продолжавшийся более четырех часов диспут был прекращен только ввиду наступающих сумерек. Короткий зимний день подошел к концу и смирил желания спорящих изложить свои возражения докторанту.

Высокий накал дискуссии не был случайностью. Русская церковно-историческая школа к тому времени обладала уже значительной историографической базой и сложившимися традициями. Публикация выдающейся по своему объему и полноте «Истории русской церкви» митрополита Московского Макария (Булгакова), казалось, надолго сделала не актуальной широкомасштабные произведения, посвященные церковной истории. Трудно было что-либо противопоставить многотомному произведению, соединившему в себе весь опыт русской богословской и церковно-исторической школы. Тем не менее такой вызов был брошен. В декабре 1880 года в жаркой полемике родилось историческое произведение, навсегда изменившее представления о характере и возможностях церковной истории. Критический подход автора, обрушившегося на легендарные исторические предания, надолго приковал к нему внимание читающей публики. Впервые источники, составлявшие фундамент представлений о церковной истории России, подверглись столь беспощадной ревизии. Многие исторические представления были разрушены. Потрясение было столь значительным, что научное сообщество заговорило об особом критическом методе, присущем автору этого произведения профессору Московской духовной академии Е.Е. Голубинскому. Это представление надолго определило отношение к автору и его произведению. Тиражированное впоследствии исследователями его творчества, оно заслонило собой более глубокие новации, введенные Голубинским в историю русской церкви. Пресловутый «критический молот» автора засланил от внимания исследователей принципиально иные концептуальные основы произведения. Раскрытие этих новаций и определило направление данного исследования.

Безусловно, главным трудом всей жизни Голубинского стала его «История русской церкви», над которой он работал всю жизнь, горько сожалея в старости о том, что этот труд так и не был закончен. Это произведение и стало историографическим источником данной работы. «История русской церкви» (первая и вторая половина первого тома) Е.Е. Голубинского впервые увидела свет в 1880–1881 годах и охваты-

вала домонгольский период русской церковной истории¹. В 1881 году за эту работу автор был удостоен полной Уваровской премии. Вслед за публикацией первого тома работы Голубинский стал готовить к печати второй том. Однако в момент наивысшего расцвета его научной деятельности произошло событие, сильно повлиявшее не только на возможность его дальнейшей научной самореализации, но и на судьбу всей России. Защита докторской диссертации и выход в свет первого тома «Истории...» совпали с трагической гибелью царя-преобразователя Александра II. Политические изменения, произошедшие в стране, надолго задержали публикацию второго тома сочинения.

Только в 1900 году по инициативе бывшего гонителя Голубинского, К.П. Победоносцева, печатание работы было возобновлено. В свет выходит второй том «Истории русской церкви»². За этим томом в 1901 и 1904 годах последовало переиздание первого тома работы³. Дождав-

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. Т. I. М., 1880. *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Т. I. М., 1881.

² *Он же*. История русской церкви. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. Т. II // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1900. Кн. 1. (192), Голубинский Е.Е. История русской церкви. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университ. тип. 1900.

³ *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1901. Кн. 3. (198), *Он же*. История русской церкви. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университ. тип., 1901, *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1904. Кн. 2. (209), *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Отдельный оттиск. Изд. 2-е, испр. и доп. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университ. тип., 1904.

шись наконец заслуженного признания в 1904 году, Голубинский начинает готовить к печати вторую половину второго тома своей работы, но наступившая слепота делает невозможным это предприятие. Материалы этого издания были систематизированы и изданы только в 1911 году С.А. Белокуровым⁴.

Следующего переиздания «История русской церкви» ждала почти сто лет. Переиздание работы Е.Е. Голубинского было осуществлено в период с 1997–2002 годы «Обществом любителей церковной истории» при Крутицком патриаршем подворье. Таким образом, в распоряжение современного исследователя попало репринтное воспроизведение издания 1901–1904 и 1911 годов, выпущенного Императорским Обществом истории и древностей российских. В данной работе использовано это последнее издание⁵. Хочется отметить, что репринтное воспроизведение текста позволяет увидеть этот ставший редкостью историографический источник и открывает возможность современного изучения этого замечательного исторического произведения.

Литература, посвященная биографии и творчеству Е.Е. Голубинского, невелика. Жизненный путь ученого ярче всего отразился в его «Воспоминаниях». Сам Голубинский был не склонен к написанию фундаментальных мемуаров, «Воспоминания» были записаны с его слов учеником профессора С.И. Смирновым. Перу самого Голубинского принадлежит в них только первая глава, озаглавленная «Детство» и опубликованная С.И. Смирновым в юбилейном сборнике «У Троицы в академии» в 1914 году⁶. Остальные главы «Воспоминаний» составлены

⁴ *Он же*. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Вторая половина тома. Т. II // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1911.

⁵ *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Т. I. Первая половина. М., 2002, *Он же*. История русской церкви. Период первый, Киевский или домонгольский. Т. I. Вторая половина. М., 2002, *Он же*. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Первая половина. М., 1997, *Он же*. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Вторая половина. М., 1998.

⁶ Смирнов С. Из воспоминаний Е.Е. Голубинского // У Троицы в академии. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 708–720.

из записей самого Смирнова, которые он оформлял во время бесед с учителем в довольно долгий срок с 1905 по 1908 годы. В окончательной редакции «Воспоминания» вышли на родине ученого в Костроме в 1923 году⁷. Издание практически сразу стало редкостью, тем ценнее тот факт, что мемуары профессора Московской духовной академии были переизданы в наши дни и вышли как составляющая часть книги А.Ю. Полунова и И.В. Соловьева «Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского» в 1998 году⁸. Можно уверенно говорить, что публикация «Воспоминаний»⁹ стала неотъемлемой частью той большой и кропотливой работы, которую проделали исследователи. В книге заботливо собрано огромное количество материалов, зримо характеризующих жизненный путь академика. Приводятся документы, касающиеся его публикаций, письма, составлен список опубликованных Голубинским работ. Издание содержит авторский очерк, посвященный жизни и творчеству историка. Несмотря на небольшой объем этой работы, она дает весьма объективную оценку жизненного пути этого замечательного исследователя. Исключительным можно назвать и тот факт, что эту работу можно считать практически единственным современным исследованием посвященным жизни незаслуженно забытого ученого.

Литература о творчестве Е.Е. Голубинского также скромна по объему. Ученый вел довольно замкнутый образ жизни, чуждался шумных компаний, общение с коллегами «по цеху» сводил к минимуму. В то же время его докторский диспут вызвал к жизни ряд возражений, касающихся его работы и опубликованных после дискуссии в стенах Московской духовной академии. К таким работам можно отнести возражения А.С. Павлова¹⁰, которое он высказывает на страницах «Православного обозрения», и письмо Е.В. Барсова, опубликованное отдельным изданием¹¹. Вскоре интерес к Голубинскому и его работе падает. Это

⁷ Голубинский Е.Е. Воспоминания. Кострома, 1923.

⁸ Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.

⁹ Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Указ. соч. С. 141–207.

¹⁰ Павлов А. О сочинениях, приписываемых русскому митрополиту Георгию // Православное обозрение. М., 1881. Т. I. № 1. С. 344–352.

¹¹ Барсов Е.В. Письмо профессору Е.Е. Голубинскому с возражениями на его книгу: История Русской церкви. Т. I. Период домонгольский. М., 1880.

В Мае 1904-го года, по призыву
домой из Петербурга, я принялся
делать за приготовления и печати
2-й половины II тома И.Р.У.. Но
вскоре увидал свое старое со-
сисе смятое дело, и оставил его.
Да простит меня Бог и да про-
стят меня люди, которые интере-
суются делом!

Е. Голубинский

29 Мае
1904.

можно объяснить как характером ученого, так и трудной судьбой его работы, первое издание которой быстро стало библиографической редкостью. Как следствие, первыми произведениями, в которых была сделана попытка оценить его жизненный путь и творчество, стали некрологи. В присущей этим произведениям форме в них была сделана попытка ещё раз обратить внимание на научные заслуги ушедшего из жизни историка. Спустя тридцать лет авторы постарались воздать должное новизне и смелости «Истории русской церкви» – произведения, составившего главный труд жизни Голубинского. В этом жанре можно отметить статьи И.А. Бородовича¹², П. Цветкова¹³, С.И. Смирнова¹⁴, М.Д. Приселкова¹⁵ и священника Иоанна Филевского¹⁶. Авторы некрологов вновь обратили внимание публики на те дискуссии, которые разгорелись по выходе в свет работы Голубинского. Был отмечен авторами и исключительный критический талант исследователя. Во многом этот взгляд на творчество Голубинского был вызван публикацией в «Богословской энциклопедии», вышедшей в 1903 году, статьи ученика профессора и его преемника на кафедре Московской духовной академии С.И. Смирнова¹⁷. В статье Смирнова появился «беспощадный критический молот» Голубинского как характеристика его научного метода. Блестящие по выразительности слова Смирнова, посвященные учителю, как ни странно, послужили не во благо. Последующая литература, охотно подхватив красиво построенную фразу, облекла её в характер основной идеи, проходящей через все творчество ученого, где апогеем, безусловно, стала его «История русской церкви». Как следствие, все дальнейшие оценки этого произведения стали сводиться к характеристике критического накала, представленного автором в разных то-

¹² *Бородович И.А.* Е.Е. Голубинский (Песков). Некролог. Харьков, 1912.

¹³ *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. 1912. № 1.

¹⁴ *Смирнов С.* Е.Е. Голубинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5.

¹⁵ *Приселков М.Д.* Памяти Евг. Ев. Голубинского // Известия Общества русского языка и словесности. СПб., 1912. Т. XVII. Кн. 2–9. С. 149–150.

¹⁶ *Филевский Иоанн.* Памяти академика – профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912.

¹⁷ *Смирнов С.И.* Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. СПб., 1903. С. 505–506.

мах работы. Критический подход Голубинского стал, с этой точки зрения, чуть ли не единственным его вкладом в исследования по истории русской церкви.

Окончательно закрепляется это мнение о Голубинском после выхода в 1928 году в Варшаве работы Н.Н. Глубоковского «Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии»¹⁸. Глубоковский сделал попытку охарактеризовать развитие русского богословия с начала XIX до начала XX века. Этот труд стал продолжением обзора состояния русской духовной науки, который ученый выпустил ещё в 1919 году¹⁹. Профессор Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский, первоначально заявивший о себе как историк церкви блестящим сочинением о блаженном Феодорите, епископе Кирском, все силы последующих лет своей жизни посвятил изучению Священного Писания, успешно сочетая эту деятельность с немногочисленными высказываниями о современной ему церковно-общественной ситуации.

Авторитет это ученого не позволяет утверждать, что работа была написана поверхностно, однако «Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии» скорее напоминает краткие очерки, посвященные отдельным богословским дисциплинам. Зачастую автор даже не удосуживается сделать после сказанного какие-либо выводы, дать те или иные оценки. В оценке развития русского богословия он явно стоит на стороне традиционалистов. Во многом этой позицией и был определен глубокий пафос той характеристики, которую Глубоковский дает научной деятельности Е.Е. Голубинского. Критические взгляды московского профессора на русскую церковную историю определенно раздражают автора. Голубинский предстает как некий разрушитель устоев, бесцеремонно сломавший основы русской церковно-исторической науки и не предложивший ничего взамен. Старательно подчеркнуты ошибки, которые он совершил в процессе напи-

¹⁸ *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. Эта книга переиздана в недавнее время дважды: Б.м.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992, и М., 2002. В работе цит. по: *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Б.м.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992.

¹⁹ *Глубоковский Н.Н.* Богословие. Обзор науки. Пг., 1919.

сания работы. В частности, приведены разыскания профессора А.С. Павлова, доказавшего подлинность Устава митрополита Георгия, которому Голубинский отказал в доверии. Вспоминает Глубоковский и мнение профессора Н.И. Субботина, высказанное им как оппонентом ещё на докторском диспуте в стенах Московской духовной академии²⁰. Глубоковский не отказывает Голубинскому ни в даре источниковеда, ни в таланте историка, тем не менее лейтмотивом его характеристики становится описание «безбрежного скептицизма» исследователя, выразившегося в «убийственном» для церковно-исторической науки применении²¹. По его мнению, критическая сторона исследования Голубинского была гораздо выше чем конструктивная. Подобный вывод окончательно закрепил за автором «Истории русской церкви» репутацию критика-крушителя, ниспровергателя авторитетов в русской церковной истории. Остается только сожалеть, что Н.Н. Глубоковский, ошеломлённый смелостью критического подхода Голубинского, не смог в полной мере оценить нестандартность и новизну работы. Представленная автором критика настолько приковывала внимание, что всё остальное просто не нашло себе места в представленном очерке.

Характеристика особенностей исторических подходов Голубинского, данная Н.Н. Глубоковским, практически сразу становится классической. Этому способствовал как научный авторитет исследователя, так и полное отсутствие других обобщающих работ. Как следствие, оценки Глубоковского не пересматривались и не расширялись, а копировались. Не удивительно, что когда в 1937 году в Париже выходит фундаментальный труд протоиерея Г. Флоровского «Пути русского богословия»²², критика в работе Голубинского уже преподносится как некий метод построения исторического изложения, свойственный этому автору²³. Нельзя отказать Флоровскому ни в эрудированности, ни в

²⁰ А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 149–178. *Корсунский И.* Отчет о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 декабря 1880 года // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1880. Ч. III. № 12 (декабрь). Отделение II. С. 473–489.

²¹ См.: *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Б.м. Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992. С. 83.

²² *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

²³ См.: Там же. С. 372.

умении оперировать большим объёмом научного материала, ни в умении делать точные и емкие обобщения. Его работа до сих пор может служить основным библиографическим справочником по истории духовной культуры в России. Взгляды ученого не устарели до сих пор, а его меткие характеристики многих русских церковных иерархов поражают своей афористичностью, краткостью, конкретностью и четкостью. Оценивая Голубинского как историка, он ближе всех подходит к тем особенностям творчества исследователя, которые ярко выделили его из общего ряда историков церкви. Прежде всего, это желание Голубинского рассматривать русскую церковную историю и русскую историю вообще не как исключительное явление, а как часть общеевропейских исторических процессов. Это дает Флоровскому право говорить об «остром западничестве» Голубинского²⁴. Отмечает исследователь и желание автора «Истории русской церкви» видеть историческое изложение как подборку очищенного от легенд исторического материала, изложенного в источниках, то есть стремления к «чистому» историческому знанию²⁵. Даже эти краткие наблюдения уже позволили бы приблизиться к более точному рассмотрению концептуальных положений «Истории...» Голубинского, но автор уходит от этого, сворачивая свои рассуждения в привычное русло. В характеристике Голубинского основное место опять занимают рассуждения об излишнем критицизме исследователя. Таким образом, новых оценок не последовало. Отчасти это можно объяснить тем, что главную цель своего сочинения Флоровский видел отнюдь не в анализе развития русской церковной истории. Фигура Е.Е. Голубинского дана им скорее как иллюстрация настроений 60–70-х годов XIX века, когда критика всего старого стала частью общественной жизни. Этим в какой-то степени и объясняется краткость данного историографического сюжета.

Не мог обойти стороной личность Е.Е. Голубинского и его работу А.В. Карташев²⁶. Представленный им историографический обзор более полон по сравнению с работой Г. Флоровского. Впервые сделана попытка представить историографию истории русской церкви как развивающуюся систему исторических представлений. Несмотря на неизбежную краткость, Карташеву удалось в масштабах введения к своим «Очеркам по истории русской церкви» создать полноценное историо-

²⁴ *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 372.

²⁵ Там же. С. 373.

²⁶ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. I, II.

рафическое сочинение²⁷. Фигуре московского профессора отведено значительное место как по объёму, так и по приведенным характеристикам. Выстраивая своё повествование, Карташев во многом следует духу и смыслу произведения Голубинского, полностью повторяя его периодизацию и схему подачи материала. Не удивительно, что материал, посвященный Голубинскому подан с удивительной теплотой и желанием понять суть работы историка. Надо отдать должное Карташеву, это ему удалось. Впервые «История русской церкви» получает столь исчерпывающую и объективную характеристику. Впервые автор историографического исследования сосредотачивает внимание на созидательной части работы, признавая за ней исследовательскую глубину и научность достоверность. Тем не менее и в этой характеристике звучат уже знакомые слова о «критическом таланте» Голубинского²⁸. Следует отметить, что Карташев, в отличие от своих предшественников, не ставит критику в работе Голубинского на первый план, но и разбираться в её назначении и смысле не собирается. Для него работа Голубинского просто ещё один шаг историографии русской церкви в XIX веке. Оценить принципиальные новации, содержащиеся в авторской концепции, Карташев не смог или не захотел. Масштабы вводной статьи скорее всего не предполагали подобного историографического анализа. Как следствие, эта особенность творчества Голубинского опять осталась за рамками исследования, а критический аспект работы получил ещё одно авторитетное подтверждение.

Говорит о «критическом методе» Голубинского и И.К. Смолич²⁹. Характеристика Е.Е. Голубинского как ученого и преподавателя Московской духовной академии дана им в главе, посвященной духовному образованию в России после школьной реформы 1867–1869 годов³⁰. Прежде всего Смолич отдает должное Голубинскому как источниковеду, критически осмыслившему летописное наследие, относящееся к русской церковной истории. Однако тут же, несколькими строками ниже, следуя сложившейся традиции, начинает говорить о «научно-

²⁷ См.: Систематические построения истории русской церкви // *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 12–39.

²⁸ *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 31.

²⁹ *Смолич И.К.* История русской церкви. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 1996. Ч. I., М., 1997. Ч. II.

³⁰ Там же. С. 452–490.

критическом методе», примененном автором в «Истории русской церкви» и в лекциях, прочитанных в академии³¹. Таким образом, критический подход, примененный Е.Е. Голубинским, вновь выходит на первый план при характеристике его как исследователя.

Научные имена Н.Н. Глубоковского, Г. Флоровского, А.В. Карташева, И.К. Смолича, придали даже кратким определениям, вышедшим из под их пера, хрестоматийный характер. На основании их оценок, Голубинский стал рассматриваться как историк, поставивший критику во главу угла своего исследования и превративший её в метод написания своей «Истории...». Исходя из вышесказанного, стоит ли удивляться, что коллектив издающейся ныне «Православной энциклопедии» в статье, посвященной Е.Е. Голубинскому, рассуждает о критическом методе профессора как о само собой разумеющемся факте³², сравнивая степень его применения в первом и втором томах «Истории русской церкви»³³.

На фоне приведенных выше мнений незаметной остается статья священника Якова Кротова, опубликованная в «Католической энциклопедии» в 2002 году³⁴. Опуская имеющую место досадную опечатку в отчестве Голубинского, стоит отметить исключительную прозорливость автора. Масштабы энциклопедической статьи не позволили дать развернутую характеристику творчества ученого, однако Кротов смело отрицает применение исследователем «критического метода» и, главное, обобщая все научное наследие академика, называет его историком-позитивистом. Это последнее наблюдение делает заметку Кротова исключительно интересной. Несмотря на то что объем представленной статьи не позволил ему развернуто доказать свои выводы, сам факт столь глубокого обобщения вызывает уважение. В отличие от своих предшественников, Кротову удалось отметить в научном наследии ученого принципиальную новизну – построение исторического изложения на основе философии позитивизма.

³¹ *Смолич И.К.* Указ. соч. Ч. I. С. 480.

³² Голубинский Евгений Евсигнеевич // *Православная энциклопедия.* М., 2006. Т. XI. С. 719–721.

³³ Там же. С. 720.

³⁴ *Кротов Я.* Голубинский Евгений Евсигнеевич // *Католическая энциклопедия.* М., 2002. Т. I. С. 1362–1363.

Тем не менее, несмотря на проницательность автора статьи, его заметка кардинально не меняет отношение к Е.Е. Голубинскому, сложившееся в историографии.

Всё вышеизложенное сформировало однобокое и весьма упрощённое представление о концептуальных основах изложения «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского. Это явное научное упущение и определило цель данного исследования – дать всесторонний развернутый анализ концептуальных положений названной работы.

Поставленную цель невозможно было бы достичь без последовательного разрешения ряда исследовательских задач, в частности:

- реконструкции основных положений исторической концепции с указанием в ней роли и функции критики,
- определения основных особенностей авторского исторического изложения на примере древней истории русской церкви,
- анализа авторской методологии исследования,
- выявления историографического значения работы.

Поставленные задачи, в свою очередь, определили и структуру работы и позволили последовательно разрешить поставленную цель исследования.

Глава I. Академик Е.Е. Голубинский и его научная деятельность

«История русской церкви» Е.Е. Голубинского увидела свет в 1880–1881 годах. Попечительством митрополита Московского Макария (Булгакова) была опубликована первая и вторая половина первого тома этой большой работы. Судьба произведения сложилась непросто. Первая половина второго тома вышла в тираж только в 1900 и 1904

годах, спустя двадцать лет после выхода первой части. Вторая половина была автором не закончена. Преклонный возраст и быстро прогрессирующая слепота не позволили Голубинскому завершить дело его жизни. Последняя часть произведения в виде сборника отобранных автором материалов выходит только спустя пять лет после его смерти – в 1917 году.

Работу смело можно отнести к числу выдающихся произведений русской исторической науки. «История...» Голубинского обладала для того времени беспрецедентной научной насыщенностью, она опиралась на огромную источниковую и историографическую базу, была чрезвычайно критична и смела в выводах. Подвергнув беспощадной критике сложившиеся догмы церковной истории, Голубинский создает произведение, свободное от церковной апологетики. Даже старое, принятое и унаследованное от предшественников получает новый вид и неожиданное освещение. Работа, выявляющая множество научных проблем, давала сильнейший толчок для критического источниковедческого изучения, чем способствовала появлению большого числа работ по истории церкви.

Эта особенность работы в дальнейшем делает её весьма актуальной. Историки неоднократно обращались к материалам Голубинского. Авторитет Голубинского как историка церкви Киевской Руси позволяет широко цитировать его произведение и полемизировать с ним. На-

пример, М.Д. Приселков неоднократно ссылается в своей работе на материалы Голубинского¹, Е.Ф. Шмурло, рассматривая процесс христианизации Руси, также ссылается на мнение академика². Оригинальность взглядов и фундаментальность исследований Голубинского находят отклик в работах современных историков, посвященных истории русской церкви. Здесь следует упомянуть работы О.М. Рапова³, Н.С. Борисова⁴, Б.В. Кричевского⁵. Отметим, что если Борисов и Кричевский смотрят на данные Голубинского как на источник, то Рапов время от времени полемизирует с академиком⁶. В современной историографии трудно найти работу об истории русской церкви, где бы не привлекались материалы или умозаключения Голубинского. Значение выводов, к которым приходит в своей «Истории...» Голубинский, отмечает в своей работе основоположник советской школы историков-марксистов М.Н. Покровский⁷. Интересно и то, что многие умозаключения академика, отвергнутые современниками как излишне критичные, получили блестящее подтверждение в последующих исторических работах А.А. Шахматова⁸. Все это позволяет охарактеризовать работу Голубинского как выдающееся произведение в комплексе историографии

¹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 11, 29, 72, 85, 113, 115, 169, 175, 194, 199, 221.

² *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства. СПб., 2000. С. 398.

³ *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.

⁴ *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси. XIII–XVII вв. М., 1988.

⁵ *Кричевский Б.В.* Митрополичья власть в средневековой Руси. (XIV век). СПб., 2003.

⁶ См., например: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 63, 88, 313.

⁷ «Казалось бы, невозможно преувеличить значение православия в истории русского самодержавия – и, тем не менее, приходится признать, что до появления II тома известной работы профессора Голубинского все, что говорилось на эту тему, было слишком слабо и – главное, било мимо цели». См.: *Покровский М.Н.* Русская история. СПб., 2000. Т. I. С. 398.

⁸ См.: *Шахматов А.А.* Киево-Печерский патерик и Киево-Печерская летопись // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. С. 94–95, *Он же.* Корсунская легенда о крещении Владимира // Там же. С. 345, *Он же.* Киевский начальный свод 1054 г. // Там же. С. 459.

русской церкви, во многом определившее облик последующих сочинений по русской церковной истории.

Евгений Евсигнеевич Голубинский⁹ (1834–1912) родился 28 февраля 1834 года в семье священника села Матвеево Кологривского уезда Костромской губернии Евсигнея Пескова. При поступлении в духовное училище города Солигалича отец записал его под фамилией Голубинский в честь знаменитого земляка, профессора Московской духовной академии, философа Ф.А. Голубинского. После окончания училища Голубинский продолжает образование в Костромской духовной семинарии.

Из семинарии в числе трех её воспитанников был за казенный счет определен в Московскую духовную академию¹⁰. Его учеба приходится на период, когда академия переживала научный подъем. В это время в ней преподают такие известные ученые как Ф.А. Голубинский, С.К. Смирнов, П.С. Казанский, А.В. Горский. Общение с А.В. Горским, профессором академии, читавшим курсы библейской, общей и русской истории, во многом определило судьбу Е.Е. Голубинского. Впоследствии, став ректором академии, Горский всячески покровительствует Голубинскому.

Во время обучения в академии Голубинский обнаруживает склонность к таким предметам, как история, словесность, «расколоведение». Преподаватели отмечали в его сочинениях «замечательную способность мыслить и писать»¹¹. Магистерская диссертация Голубинского «Образ действия императоров греко-римских против еретиков и раскольников в IV веке» привлекла к нему внимание самого обер-прокурора Синода и была опубликована в журнале Московской духовной акаде-

⁹ Биография Е.Е. Голубинского. См.: *Афанасьев В.В.* Евгений Евсигнеевич Голубинский // Памятники Отечества. 1988. № 1. *Бородович И.А.* Е.Е. Голубинский (Песков). Некролог. Харьков, 1912. *Филевский Иоанн.* Памяти академика – профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912. *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. 1912. № 1. *Смирнов С. Е.Е.* Голубинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5. *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.

¹⁰ *Голубинский Е.Е.* Воспоминания // *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998. С. 174.

¹¹ *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Указ. соч. С. 7.

мии («Прибавления к творениям святых отцов», 1859 год.)¹². С 1861 года Голубинский в качестве бакалавра направляется на кафедру истории русской церкви Московской духовной академии, где и проработает тридцать пять лет.

Начало творческого пути Е.Е. Голубинского приходится на период общественного подъема, связанного с отменой крепостного права в России. Перемены в обществе не могли не сказаться на настроениях научной элиты того времени, затрагивают они и церковь. На фоне наступившей «оттепели» ещё ярче проявляется убожество того сословия, откуда выходит Голубинский. С.М. Соловьев с горечью писал: «Выросший в бедности, в черноте, в избе сельского дьячка, он приходил в семинарию, где та же бедность, чернота, с латынью и диспутами...»¹³. Сам Голубинский в своих воспоминаниях отмечает: «...духовенство всех приходов... без преувеличения можно и должно сказать, предано было безмерному пьянству или совсем погружено было в пьянство»¹⁴. Протоиерей Г. Флоровский впоследствии напишет о нем: «Голубинский принадлежал к тому поколению, из которого выходили вожди нигилизма»¹⁵. Осознание пороков и несовершенства системы, в которой он находился, толкало молодого ученого к прямолинейной, зачастую безжалостной критике действительности, с одной стороны, и возбуждало «...общее желание работать каждому по мере сил на пользу общую»¹⁶ – с другой. Отдавая дань своему времени, Голубинский с первых лет своего пребывания в академии подвергает критике многие устоявшиеся к тому времени исторические положения и «уже в половине шестидесятых годов имел твердо установившуюся репутацию независимого и незаурядного профессора»¹⁷. В это время и складывается его «критическое» отношение к истории, «его историко-критический скептицизм, излишняя иногда подозрительность, с которой он относит-

¹² *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Указ. соч. С. 7.

¹³ *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати томах. М., 1995. Т. 17. С. 534.

¹⁴ *Голубинский Е.Е.* Воспоминания // *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Указ. соч. С. 152.

¹⁵ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 372.

¹⁶ *Рункевич С.Г.* Русская Церковь в XIX веке. Исторические очерки. СПб., 1901. С. 148.

¹⁷ *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // *Богословский вестник.* 1912. № 1. С. 2.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

Ординарнаго Академика Императорской Академіи Наукъ, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

Періодъ второй,

МОСКОВСКІЙ.

ТОМЪ II,

отъ нашествія Монголовъ до митрополита Макарія включительно.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1911.

ся к источникам нашей истории»¹⁸. Этот научный подход ярче всего был продемонстрирован в главной его работе – «Истории русской церкви».

В 1880 году выходит первая половина I тома «Истории русской церкви», представленная на соискание степени доктора богословия. Исследование Голубинского вызвало широкий интерес в научных кругах того времени. Появляются рецензии и отзывы в светской и церковной печати. Прежде всего отмечается, что в работе «все ново: и своеобразная постановка и разрешение общих... теоретических вопросов по истории церкви, и самый план, и задачи научного исследования и изложения, и критическое отношение к изучаемому историческому материалу, и самое освещение фактов и событий, лиц, идей, памятников истории и целых периодов её»¹⁹.

Обсуждение и защита докторской диссертации Е.Е. Голубинского проходили 16 декабря 1880 года в Московской духовной академии.

Официальными оппонентами выступали профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин и экстраординарный профессор академии и Московского университета В.О. Ключевский. При достаточно жестком отношении к написанной работе профессора Субботина²⁰ отзыв Ключевского во многом способствовал успешной защите диссертации. Главные замечания Субботина можно свести к следующим пунктам. Прежде всего, он упрекает диссертанта в стремлении раздробить историю на факты, а не создать целое, органически единое произведение. Кроме этого, оппонент отмечает излишний, по его мнению, критицизм исследования. «Работает критический молот, при работе которого

¹⁸ Ключевский В.О. Мнение о сочинении экстраординарного профессора Голубинского «История Русской Церкви» (тома I половина 1-я) // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Указ. соч. С. 237.

¹⁹ Филевский Иоанн. Памяти академика – профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912. С. 5.

²⁰ По мнению Н.И. Субботина, «критический метод» Голубинского не позволил ему создать целостного исторического сочинения: «Будущий историк, с благодарностью воспользуется Вашим чрезвычайно важным и полезным для него трудом для составления настоящей, действительной истории Русской Церкви; но сам по себе Ваш труд не есть ещё такая история». См.: Субботин Н.И. Несколько замечаний на книгу профессора Голубинского // Русский вестник. 1881. № 1. С. 412.

вы заставляете присутствовать и читателя»²¹, отмечает Субботин. Сам факт полезности критики в историческом произведении не вызывает у Субботина возражений. Он отдает должное и умению диссертанта пользоваться критическим методом, оперируя большими объемами исторического материала. Однако, по его мнению, подобное построение изложения имеет и крайне негативные стороны. Происходит упрощение, вульгаризация истории. «Вы считаете достоверным и годным для истории только то, что просто и ясно...»²², – упрекает диссертанта оппонент.

В.О. Ключевский сосредоточил внимание на довольно узких научных проблемах, затронутых диссертантом. Он обращает внимание собравшихся на отношение диссертанта к летописным источникам, видя существенный недостаток работы Голубинского в том, что не была определена его позиция по проблеме происхождения, авторства и состава «Повести временных лет». В возникшей дискуссии были затронуты проблемы датировки летописных событий. Ключевский указал диссертанту, что его фактические выводы построены на хронологии самых ранних событий, которая не может быть признана достоверной и точной. Все это делало некоторые выводы Голубинского мало обоснованными²³. Не согласился Ключевский и с аргументацией сомнений диссертанта в подлинности церковных уставов князей Владимира и Ярослава²⁴. В целом же исследование Голубинского произвело на оппонента самое благоприятное впечатление. В заключение Ключевский высказал соискателю «..благодарность за то умственное напряжение и интерес, которые были возбуждены в нем чтением диссертации»²⁵.

Основные дебаты развернулись вокруг крайнего критицизма, в котором была выдержана работа. Ключевский увидел в этом сильную сторону «Истории...» Голубинского, однако подчеркивал, что критика должна решать не только «отрицательную», но и «положительную» задачу. Он видел задачу критики в том, чтобы не только разрушать необоснованную веру, но и бороться с необоснованным недоверием²⁶. Вы-

²¹ А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 158.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же. С. 166–167.

²⁴ Там же. С. 169, 170–175.

²⁵ Там же. С. 175.

²⁶ Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Указ. соч. С. 14.

ступавший на диспуте в качестве неофициального оппонента редактор «Душеполезного чтения» протоиерей В.П. Нечаев так и не принял критического метода Голубинского, приравняв его критику к публицистике²⁷. Выступление Нечаева завершило прения по диссертации Голубинского, несмотря на то что о своем желании выступить по поводу работы заявили наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Леонид, граф М.В. Толстой и приват-доцент академии И.И. Соколов. Однако, как отмечает И. Корсунский, диспут, начавшийся в одиннадцать часов, затянулся далеко за три часа пополудни, «...а потому желавшие ещё возражать смиренно преклонились перед необходимостью удержаться от прений»²⁸. Спорный, во многом новаторский метод подачи исторического материала, который избрал Голубинский, уже после успешной защиты диссертации вызвал полемику в научной среде. В частности, с критикой некоторых результатов исследования выступили А. Павлов²⁹ и Е.В. Барсов³⁰.

«История русской церкви» Е.Е. Голубинского стала первой научной работой, где автор старался строить свои выводы на беспристрастной оценке исторического источника. Как впоследствии напишет об этом С.И. Смирнов, Голубинский «...пересмотрел и перетрогал все здание своей науки и немало камней, даже лежащих в её фундаменте, разбил своим беспощадным молотом»³¹.

Неоценимую помощь в издании «Истории...» оказал Голубинскому Московский митрополит Макарий (Булгаков), издавший первый том работы за счет средств епархии³². Благодаря его поддержке первая и вторая половина I тома вышли в 1880–1881 годах в Москве. Первый

²⁷ А.Б. Докторский диспут... // Православное обозрение. 1881. I. С. 176.

²⁸ Корсунский И. Отчет о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 декабря 1880 г. // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1880. Ч. III. № 12 (декабрь). Отделение II. С. 489.

²⁹ Павлов А. О сочинениях приписываемых русскому митрополиту Георгию // Православное обозрение. М., 1881. Т. I. № I. С. 344–352.

³⁰ Барсов Е.В. Письмо профессору Е.Е. Голубинскому с возражениями на его книгу: История Русской церкви. Т. I. Период домонгольский. М., 1880.

³¹ Смирнов С.И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. СПб., 1903. С. 505–506.

³² Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Указ. соч. С. 14–15.

том содержал историю, охватывающую Киевский и домонгольский период в жизни Руси.

Первый том в первом издании «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского охватывает период от времени, предшествующего крещению Руси, до монголо-татарского нашествия. Автор разделяет том на две половины³³. Во введении к первой половине тома дается перечень и критические замечания по поводу источников, составивших основу изложения, периодизация. Изложение разделено на четыре главы, посвященных дохристианскому периоду, условиям крещения и утверждению христианства на Руси, церковному управлению в этот период и просвещению. Структура второго издания «Истории...» серьезных изменений не претерпела, слегка скорректированы названия глав, в текст внесены дополнения и поправки³⁴. Вторая половина первого тома включает главы с пятой по восьмую, которые посвящены богослужению (Отдел первый: храмы и церкви. Отдел второй: самое богослужение), истории монашества, развитию ересей, вере, нравственности и религиозности народа³⁵. Во втором издании структура изложения сохранена³⁶.

Второй том³⁷ увидел свет только спустя двадцать лет, что, как пишет автор в предисловии, «крайне для меня прискорбно»³⁸. В 1900 и

³³ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I.: Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1880.

³⁴ Он же. История Русской Церкви. Т. I.: Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга 3 (198). М., 1901.

³⁵ Он же. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 1881.

³⁶ Он же. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга 2 (209). Кн. 3 (210). М., 1904.

³⁷ Он же. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1 (192). М., 1900.

³⁸ Он же. История русской церкви. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Первая половина. М., 1997. С. V.

1904 годах «Чтения в Обществе истории и древностей российских» издают второй том и переиздают первый том «Истории...» Голубинского. К историку приходит наконец заслуженное признание. В 1902 году он первым из профессоров духовных академий становится действительным членом Академии наук.

Второй том охватывал период от нашествия монголов до митрополита Макария, то есть до половины XVI века. В предисловии автор творчески переосмысливает существовавшие до него церковно-исторические периодизации, принадлежавшие архиепископу Филарету (Гумилевскому) и митрополиту Макарию (Булгакову). По мнению Голубинского, предшествующие периодизации основывались на внешних сторонах жизни церкви и имели ряд неточностей, обусловленных личными историческими взглядами авторов. Главный недостаток Голубинский видит в том, что приведенные выше периодизации как бы отделяли историю светскую от истории церковной, что, по мнению автора, неправильно. «Наиболее удовлетворительным разделением истории русской церкви на периоды представляется нам разделение, которое... в последнее время принято для гражданской русской истории, именно – топографическое разделение на три периода: киевский, московский и петербургский»³⁹. Развивая эту мысль, автор указывает, что «топографический» фактор лучше всего подчеркивает особенности русской исторической периодизации «...двоющим образом – или так, что новая местность условливает новую против предшествующей жизнь; или наоборот так, что новая жизнь требует новой местности»⁴⁰. В качестве примера Голубинский приводит обстоятельства перенесения центра государства, а вместе с ним и митрополии сначала из Киева во Владимир – Москву, затем в эпоху преобразований Петра I – в Петербург.

Московский период Голубинский предлагает разбить на две части – «половины». Они должны включать историю от нашествия монголов до эпохи митрополита Макария и Стоглавого собора, «на котором был подведен, так сказать, итог всей предшествующей жизни»⁴¹ церкви, и от Макария до учреждения Синода. Кроме этого, первая «половина» должна содержать две части: о времени, когда русская церковь находилась под полным влиянием константинопольского патриарха, и вре-

³⁹ Голубинский Е. Указ. соч. С. VI–VII.

⁴⁰ Там же. С. VII.

⁴¹ Там же.

мени после отложения от этой власти. Голубинский подчеркивает, что этот период как раз совпадает с разделом митрополии и «с переименованием митрополитов всея России, живших в Москве, из киевских и всея России в московских и всея России»⁴². Согласно приведенному делению автор строит изложение во втором томе. Первая половина посвящена обзору церковной истории по периодам правления митрополитов, а вторая – церковной жизни, то есть практике богослужений, просвещению, церковному управлению.

Характерной чертой подобного принципа изложения стал факт отхода Голубинского от уже принятой в это время схемы построения исторического повествования. Излагая историю церкви по периодам деятельности митрополитов, автор вступает в спор с одним из главных авторитетов церковно-исторической науки того времени – архиепископом Филаретом (Гумилевским), отказавшимся от подобного принципа построения исторической работы⁴³. Филарет считал, что подобный подход уводит историческое изложение в сторону биографического повествования, тем самым нарушая систему подачи материала. Для Филарета биографии не более чем «житийное» описание, подчиненное агиографическому канону, не предполагавшему пересмотр и критику. Голубинский же, несмотря на сетования о том, что «биографии очень далеки от того, чтобы быть настоящими»⁴⁴, привносит в них систему критического анализа, дает своим фигурантам собственные, весьма острые характеристики, рассматривая период не как «житие», а как историческую эпоху. Таким образом, биографические материалы вплетаются в цепь исторических событий в жизни России. Благодаря этому, автору удается свести в первую половину второго тома изложение преимущественно политической истории церкви, связав воедино деятельность светских и духовных исторических лидеров. Этим достигается удивительная четкость и легкость изложения, характерная как для первой, «политической», так и для второй, «церковной», половины тома. Автор группирует исторические факты по темам и не заставляет читателя выбирать нужный материал из общего потока информации, что было явным недостатком в «Истории...» Филарета (Гумилевского). Следует

⁴² Там же.

⁴³ См. Филарет (Гумилевский). История русской церкви. (В пяти периодах). М., 2001. С. 4.

⁴⁴ Голубинский Е. Указ. соч. С. VIII.

отметить, что аналогичное построение изложения впоследствии примет за основу в своей работе «Очерки по истории русской церкви» А.В. Карташев. В результате подобного разделения «История...» Голубинского получилась, по мнению церковных ортодоксов, чрезмерно «светской», что и определило сложную судьбу её изданий⁴⁵. Работа над второй половиной второго тома так и не была завершена. Тексты, представляющие собой совокупность черновиков и подготовительных материалов были опубликованы только в 1917 году⁴⁶.

Характеризуя работу Е.Е. Голубинского, Г. Флоровский указывает, что главную свою задачу автор видел в написании «настоящей истории», правдивой и трезвой, способной дать обществу объективную историческую информацию, содействующую просвещению⁴⁷. В истории Голубинский хотел видеть, прежде всего, живых людей, а не канонические образы. Эпоха, в которую он складывается как ученый, толкала его на развенчание сложившиеся идеалов. Многое, замечает А.В. Карташев, что у его предшественников казалось в истории странным и загадочным, получает весьма естественное и правдоподобное объяснение⁴⁸. «У Голубинского был свой церковно-практический идеал, очень типичный для его времени. Это было своеобразное сочетание самого острого западничества с духом бытового провинциализма»⁴⁹.

В «Истории...» Голубинского практически отсутствуют философские обобщения, автор не пытается проследить законы развития общества, критика зачастую превосходит анализ, самой сильной стороной исследования, как и у его предшественников, становятся фактические подробности. Тем не менее это была первая церковно-историческая работа, где факт сталкивался с глубокой недоверчивостью исследователя и подвергался бы такой глубокой проверке.

Современники отмечали глубокий историко-публицистический дар Голубинского: изложение работы построено так, будто бы автор спорит с каким-то неведомым оппонентом. Карташев считал это сильной стороной работы автора, ссылаясь в своем историографическом обзоре на мнение профессора И.И. Мальшевского⁵⁰. Публицистика Голубинс-

⁴⁵ См. Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Указ. соч. С. 18–20.

⁴⁶ Там же. С. 20.

⁴⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 372.

⁴⁸ Карташев А.В. Указ. соч. С. 32.

⁴⁹ Флоровский Г. Указ. соч. С. 372.

⁵⁰ Карташев А.В. Указ. соч. С. 33.

кого строится на огромном научном багаже, на прекрасном знании изображаемой прошлой жизни, что является несомненным достоинством его исторических произведений.

Е.Е. Голубинскому принадлежат также труды по анализу раскола в русской церкви, среди которых можно выделить небольшую по объему работу «К нашей полемике со старообрядцами», которая выходит в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (М., 1896, кн. I (176)). В 1905 году «Чтения...» в значительно расширенном виде переиздают эту работу под названием «К нашей полемике со старообрядцами. (Дополнения и поправки к полемике относительно общей её постановки и относительно главнейших частных пунктов разногласия между нами и старообрядцами)» (М., 1905, кн. III (214)). В работе дана подробная картина возникновения раскола в русской церкви. Автор критикует дониконианские обычаи церковного быта. К причине раскола он подходит достаточно стандартно. По его мнению, русские неправильно усвоили основные догматы веры, принятые от греков, что в конечном результате и привело к возникновению старообрядчества. Один из главных изъянов религиозно-нравственной жизни России, по мнению автора, – акцент на исполнении внешних ритуалов при недостаточном внимании к сущности христианского учения, его нравственным требованиям. Причина этого – в отсутствии просвещения в средневековой России.

Перу Е.Е. Голубинского принадлежат и работы о проблеме реформирования русской церкви. Вопрос о церковных реформах был поставлен после революции 1905 года и вызвал много споров, касающихся будущего церковного устройства. Более подробно о взглядах Е.Е. Голубинского на церковные реформы можно судить по сборнику статей «О реформе в быте Русской Церкви» (М., 1913). В сборник вошли произведения, написанные автором с 1881 по 1904–1906 года. Рассуждая о реформе церкви, Голубинский придерживался весьма консервативных взглядов на этот вопрос. По его мнению, церковь в России должна стать частью государственной машины вплоть до передачи права назначения епископов императору. Это даст возможность поднять авторитет церкви на должную высоту, сделает её помощницей государства в решении самых злободневных проблем. В своих статьях Голубинский касается и внутренних проблем церкви. Ученый ратовал за возрождение внутреннего христианского благочестия, призывал священников больше времени уделять проповедованию духовных цен-

ностей христианства. Голубинский остро ставил вопрос о явной недостаточности для священника быть лишь исполнителем треб и совершителем богослужений. Ведущее место в христианском просвещении ученый отводил проповеди, считая, что этот элемент воспитания и просвещения паствы незаслуженно забыт священниками.

Творческое наследие Голубинского, естественно, не ограничивается приведенными выше сочинениями. Перу ученого принадлежат работы, внушительный список которых занял бы не одну страницу⁵¹. Однако самой значимой его работой, делом, которому он посвятил всю свою жизнь, остается его «История русской церкви», открывающая новую страницу в церковной историографии. Масштаб произведения был настолько велик, что, несмотря на спорность многих выводов, к которым приходит Голубинский, его работа становится самым цитируемым произведением в церковно-исторических исследованиях XX века.

⁵¹ Список трудов Е.Е. Голубинского см.: *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Указ. соч. С.33–57.

Глава II. Теоретические основы исторических взглядов Е.Е. Голубинского

В исторической литературе, посвященной творчеству Е.Е. Голубинского, основное внимание авторов приковано к его научному скептицизму. Последний был характерной чертой его творчества, вызывавшей наибольшее количество нареканий у оппонентов. Отрицание подлинности целого ряда исторических свидетельств, сомнения в правомерности многих общепринятых мнений – вот краткий список того, что ставилось ему в вину. «Он точно удивлялся всякий раз, когда убеждался в надежности и достоверности своих источников или памятников. Он всюду ожидал встретить подделки, подлоги, искажения, недостоверные сказания, суеверные слухи, поверия, легенды. Он всегда предполагает возможность намеренного обмана...» – пишет о нём протоиерей Флоровский. «Житейскую недоверчивость и подозрительность Голубинский превращает в исторический метод»¹.

Трудно согласиться с последним замечанием Флоровского. Биографы не отмечают за Голубинским «недоверчивости и подозрительности», но в то же время характеризуют его как весьма независимого и самостоятельного человека. «Он не любил, чтобы его стесняли, не допускал, чтобы ему, что называется, наступали на ногу»². Эти человеческие качества и формируют его научную позицию. Впрочем, критицизм Голубинского в меньшей степени объяснялся субъективным фактором, гораздо большую роль здесь играет состояние церковно-исторической науки, в котором формируется будущий профессор.

В середине XIX века история русской церкви прирастает произведениями таких авторов, как архиепископ Филарет (Гумилевский) и митрополит Макарий (Булгаков). Написанные в строгом соответствии с богословским канонам, эти произведения и определяют состояние русской церковной истории. Трепетное отношение к летописной традиции, слепое следование многим её легендарным данным, назидательность изложения, возведенная в абсолют – из этих постулатов складывается

¹ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 372.

² *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. 1912. № 1. С. 16.

русская церковная история. Апологетический характер изложения, сводивший критическое осмысление истории до минимума, зачастую превращал описание многих исторических реалий в сказочно-былинные повествования, в которых назидательный элемент значительно преобладал над научным. Это низводило историю церкви на уровень нравоучительного рассказа о прошлом и не давало ей возможности следовать за современной ей исторической наукой. Поэтому молодое поколение церковных историков, выросшее в условиях пореформенной России, начинает порывать с прошлым опытом церковно-исторической науки. Этот разрыв виден уже в «Руководстве по истории русской церкви» П.В. Знаменского. Не подвергая критике внешние, традиционные формы изложения церковной истории, он пытается изменить её смысловую наполненность.

Тем не менее эта попытка не решает проблемы до конца. Нужно было решительно порвать со старым «баснословным» историческим наследием, чтобы вывести науку на совершенно новый уровень развития. Основная задача состояла теперь в том, чтобы беспощадной критикой прежних работ расчистить путь для новой церковно-исторической науки, которая должна была показать своеобразие каждой эпохи в последовательности и закономерности исторического развития. Следует отметить, что и сам Голубинский не смог в полной мере справиться с этой задачей. Он лишь положил начало критическому направлению, дал только критику без её позитивных, созидających результатов. В этом и состоит одна из причин тех крайностей, к которым пришла критика Голубинского во многих вопросах церковной истории.

Голубинский сыграл в церковной историографии ту же роль, что М.Т. Каченовский в светской. И тот и другой считали, что прежде чем приступить к историческому исследованию, следует сначала разрушить стену исторических легенд, из которых во многом складывалось творчество их предшественников на ниве исторической науки. В этой работе Голубинский идет дальше своего предтечи. Если Каченовский в своей программе применения исторической критики оказался в позитивной части исторического исследования практически бесплодным³, то Голубинский, опираясь на критику, строит весьма оригинальное историческое сочинение. Критика Голубинского более последовательна и продуктивна. «История не есть поэзия и обработка историческая не есть творчество, а именно только обработка готового и данного историчес-

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 240.

кого материала. Задача историков извлечь (и выжать) из этого материала все, что служит к созиданию настоящей истории; но далее этого они пойти не могут и бессильны прибавить самого материала или его улучшить»⁴. Это заявление, с которого он начинает первый том своей «Истории...» становится его программой, исследовательским принципом, пронесенным через все сочинение.

Голубинский, опровергая весь предыдущий церковно-исторический опыт, пытается доказать, что и церковная история может быть «точной» и научной. «Наша русская церковная история по своему достоинству, как истории, должна быть поставлена очень не на высоком месте и отнесена к числу историй, которым суждено оставаться далекими от совершенства. По своему научному идеалу история есть удовлетворительное воспроизведение прошлой исторической жизни людей, – такое воспроизведение, чтобы эта историческая жизнь восставала перед нами, как настоящая, ... Нет ни одной действительной истории, которая бы достигала этого идеала вполне (ибо идеал истории также не достигим, как и всякий другой идеал); но по степени приближения к нему могут быть весьма различны, и наша русская церковная история есть именно одна из числа тех историй, которые в состоянии приближения к нему наименее, или иначе – из числа тех историй, которые имеют возможность воспроизводить прошлую историческую жизнь далеко не, в сколько ни будь желаемой степени»⁵. По мнению Голубинского, следовало сделать решительный шаг вперед, чтобы выйти на иную, качественно новую ступень в развитии церковно-исторической науки. Сам он выделял три этапа развития исторического знания: сбор и обобщение материалов, их критическую обработку и создание на базе этого целостной научной системы⁶. Суть текущего момента, по мнению ученого, заключалась в переходе церковной науки с первой стадии во вторую. Именно этим фактом можно объяснить основное отличие трудов Голубинского от работ его предшественников.

Таким образом, переход к критическому этапу был подготовлен всем развитием русской церковной истории как науки. Его необходи-

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002. С. VII.

⁵ Там же. С. VIII.

⁶ Голубинский Е.Е. Памяти заслуженного профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского // Православное обозрение. 1878. № 1. С. 505.

мость ощущалась многими исследователями ещё до начала деятельности Голубинского. «Критики, побольше критики – вот чего надобно желать нам в истории нашей литературы», – требует старший современник Голубинского митрополит Макарий⁷. Ему вторит отец Иоанн (Филевский): «Смысл русской церковной истории как науки, состоит не в предвзятом поучении, формулируемом на искусственном подборе фактов и приемов прошлого (как у архиепископа Филарета) и не систематическом собирании проверенных материалов, как, например, у митрополита Евгения Болховитинова... а также не в передаче только, хотя бы то и картинной, документально данных событий и достоверных явлений истории, как у профессора П.В. Знаменского и митрополита Макария, а в строго-критической интерпретации церковно-исторических памятников и их содержания»⁸.

Как следствие, систематический критицизм стал основным научно-историческим постулатом Е.Е. Голубинского, непременным условием создания всякого исторического труда. Им был пересмотрен весь багаж церковно-исторических данных, научных мнений и теорий, все суждения и заключения проверены документально и неумолимо. Как отмечает в своей работе Н.Н. Глубоковский, «это было исповедническим девизом и воплощенной сущностью ученой церковно-исторической работы Е.Е. Голубинского»⁹.

Несмотря на то что необходимость критического переосмысления истории русской церкви давно уже назрела, работа Голубинского, особенно её первая часть, вызвала бурю эмоций в церковно-историческом сообществе. «Критический молот» Голубинского, сокрушающий устои церковно-исторической науки был впервые отмечен его оппонентом профессором Московской духовной академии Н.И. Субботиным¹⁰. Далее не один исследователь его творчества не обходил «критику Го-

⁷ Цит. по: *Смирнов С.И.* Е.Е. Голубинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5. С. 34.

⁸ *Иоанн (Филевский)*, священник. Памяти академика-профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912. С. 7.

⁹ *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Б.м.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992. С. 79.

¹⁰ *А.Б.* Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 158.

лубинского» стороной. С легкой руки Флоровского, его критика превратилась даже в особый «критический метод»¹¹, который Голубинский положил в основу своей работы. Н.Н. Глубоковский в своем исследовании посвящает критике как основной черте творчества Голубинского несколько страниц¹². Отдавая должное новаторству Голубинского как историка, исследователи зачастую ставят на первый план недостатки, присущие «критическому методу» автора. Это заставляет подробнее рассмотреть проблему и определить место исторической критики в работе Голубинского.

Наиболее ярко и эмоционально критицизм Голубинского разобран в работе Н.Н. Глубоковского. Исследователь сетует на то, что излишний скептицизм историка разрушил старые представления о церковной истории, подорвал веру в незыблемость её постулатов, перечеркнул достоверность источниковой базы. «Человеческую возможность ошибаться Е.Е. Голубинский прямо обратил в фактическую потенциальность лгать, обязательно соприисущую всем историческим материалам», – пишет Глубоковский. «Этот безбрежный скептицизм грозил подрывом всякой исторической достоверности и колебал самое научное бытие, поскольку во имя абсолютной и поэтому эмпирически не существующей несомненности фактической он заранее уничтожал всякую относительную реальность и оказывался не в силах заменить или обеспечить за недостаточностью фактической бесспорности, которой собственно никогда и не где не бывает в здешнем мире. Ради научного самосохранения необходимо возрождается субъективизм личной подозрительности и изощренной гадательности, одинаково губительных для трезвого научно-исторического знания, хотя бы и условного»¹³. «Во всем чувствовалось его «воинствующее резонерство»¹⁴, – вторит Глубоковскому протоиерей Флоровский.

Приведенную цитату Глубоковского следует разобрать подробнее. Прежде всего, какой «исторической достоверности» грозит подрывом автор? Достоверности исторической информации, то есть фактов исторического источника, или достоверности научно-исторического факта как отражения историком исторической действительности? Факты исторического источника представляют собой отражение фактов действи-

¹¹ *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 372.

¹² *Глубоковский Н.Н.* Указ. соч. С. 77–84.

¹³ Там же. С. 82–83.

¹⁴ *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 372.

тельности творцом источника. Таким образом, как и всякое иное мнение, эти факты будут субъективны. Субъективизм источника может и должен быть проверен исторической критикой. Но любая критика прежде всего связана с автором исторического исследования, то есть и она не лишена субъективного начала. Другими словами, историк-исследователь имеет право на ошибку. Это право исследователя Глубоковский и оспаривает, говоря о «мелочной придирчивости» Голубинского¹⁵. В качестве примера критик приводит разыскания профессора А.С. Павлова, доказывающие подлинность Устава митрополита Георгия¹⁶, который Голубинский объявил более поздней подделкой.

Однако любая критика источника, даже ошибочная, есть не что иное, как попытка синтеза новой исторической действительности. Именно это и пугает Глубоковского. Голубинский уничтожает «всякую относительную реальность», присущую предшествующей ему церковно-исторической науке. Глубоковского, таким образом, пугает не скептицизм Голубинского по отношению к историческим источникам, а сама новая концепция в произведении историка, сокрушающая каноны прежнего научно-исторического знания, «хотя бы и условного».

В построении изложения (особенно ярко это видно в первом томе) Голубинский явно опережает своё время. Вместо привычного в исторической литературе того периода хронологически последовательного изложения, связанного литературным повествованием, он сталкивает мнения исторических источников, открыто дискутирует по поводу их подлинности. Все это нарушало стройность изложения, а главное, не соответствовало привычному его виду. Изложение истории Голубинским потеряло литературную стройность, заложенную в русской историографии ещё Карамзиным. Отсюда и упреки в отсутствии целостности в историческом произведении, которые высказывает оппонент Голубинского Н.И. Субботин. «Будущий историк, с благодарностью воспользуется Вашим чрезвычайно важным и полезным для него трудом для составления настоящей, действительной истории Русской Церкви; но сам по себе Ваш труд не есть ещё такая история»¹⁷. Субботин

¹⁵ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 82.

¹⁶ Павлов А. О сочинениях приписываемых русскому митрополиту Георгию // Православное обозрение. М., 1881 Т. I. № 1. С. 344–352.

¹⁷ Субботин Н.И. Несколько замечаний на книгу профессора Голубинского // Русский вестник. 1881. № 1. С. 412.

видит в работе только должным образом подготовленный материал, «главную силу вашей истории, разумею критику материала, выжимание сока»¹⁸, но не видит стройного и законченного повествовательного исторического произведения, к которому он привык.

Таким образом, не «всесокрушающий критицизм» Голубинского в конечном итоге стал причиной бесконечных споров о его работе, а отход автора от апологетического, догматического стиля изложения церковной истории. Критика источника как такового присутствовала в церковно-исторических сочинениях и ранее. Нельзя сказать, что критическое отношение к историческим материалам отсутствовало у предшественников Голубинского. Однако в этих работах критика была внутренним, скрытым актом построения исторического изложения, подбора источниковых материалов, выстраивания авторской линии исследования. Голубинский впервые в церковно-историческом сочинении делает критику публичной, открыто демонстрирует ход своих размышлений, чтобы, оперевшись на них, доказать правоту своих выводов. Отсюда возникает и «воинствующее резонерство», и излишняя публицистичность стиля, в которой обвиняли автора.

Критика в работе Голубинского представлена открыто, что дало возможность протоиерею Георгию Флоровскому назвать авторскую манеру изложения «критическим методом». «Голубинский поставил себе задачу написать историю Русской Церкви «критическим» методом»¹⁹, - пишет он в своей работе. Опуская пока подробности авторской методологии Голубинского, хочется на это заметить, что критика как таковая не в состоянии стать методологической основой. В построении исторического исследования критика, в частности критика источника, как это было у Голубинского, преследует цели подготовки источниковой базы для будущего исследования. Критика становится своеобразным «нулевым циклом», то есть подбором материала и подготовкой строительной площадки, на которой историк с помощью определенных методов будет строить здание своего исследования. Главной задачей критики в историческом исследовании становятся, прежде всего, вопро-

¹⁸ А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии... С. 161.

¹⁹ Флоровский Г. Указ. соч. С. 372. О «критическом методе» Голубинского упоминает и Н.Н. Глубоковский: «Понятно, что при беспощадном проведении критического метода все старое и принятое, унаследованное и добытое получило новый вид и неожиданный свет». (Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 80).

сы адекватности отражения творцами источников объективной исторической реальности. Критика Голубинского впервые в церковной истории ставит вопрос о возможности и целесообразности проверки этой объективности, что выражается не столько в критическом скептицизме, как это принято считать, сколько в истолковании и объяснении истинного смысла исторических фактов, изложенных в источниках. Таким образом, не критический скептицизм, а герменевтический подход как метод понимания и интерпретации исторических фактов в большей степени присутствует в его работе. Рассматривая исторический источник даже с высоты современного ему источниковедения, Голубинский отдает себе отчет, что отражение фактов исторической действительности в источнике может быть не только субъективным, но и иллюзорным. Но если предыдущее поколение историков церкви осмысленно поддерживает иллюзорность многих исторических положений, выдвигая на первый план их назидательность или апологетичность, то Голубинский делает попытку объективной оценки исторической информации, заложенной в источнике. Поэтому выявление степени адекватности отражения в источнике исторической действительности и анализ его информативных возможностей выходит в его работе на первое место.

Кроме всего прочего, критика была единственной возможностью привести церковно-историческую науку в соответствие с той эпохой, в которой жил и трудился Голубинский. Разрыв церковной истории с новыми методами исторического исследования, которые стали главенствовать у светских исследователей, становится очевидным. Светская историческая наука уходит далеко вперед по пути создания действительно научных исследований. «Но совсем иначе обстоит дело с русской церковной историей», пишет Голубинский в своих мемуарах, «она не есть ещё наука, совершенно разработанная и обработанная, а находится в периоде разрабатывания и обрабатывания». Поэтому, продолжает он, «требовалось, возможно, тщательное изучение по существующим источникам подлежащих предметам и потом старательная научная обработка их с возможно удовлетворительным, конечно, объяснением, почему иное принимаемое моими предшественниками было отвергнуто мной, как несостоятельное и ложное»²⁰.

Таким образом, Голубинский своей критикой подрывает не фундамент церковно-исторического знания (как пишет Глубоковский, «бес-

²⁰ Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998. С. 201.

церемонно перестукал все его части и немало из них разбил на куски, целые основные камни раскрошил в порошок и пустил на ветер»²¹), а прежде всего сносит надстройку, писания своих предшественников. Происходит разрыв с консервативным духом церковно-исторической науки, о котором сам он напишет в своих «Воспоминаниях», упоминая свой небольшой конфликт с учителем А.В. Горским. «Мы с Александром Васильевичем были два человека разных направлений: он был консерватор, девизом которого служил девиз митрополита Филарета: «Благоразумие и осторожность». Я напротив был либералом, который все подвергал строгой критике – принимал только то, что выдерживало критику, и отвергал то, что её не выдерживало, без всяких рассуждений о том, благоразумно это или нет»²². Не с иллюзорностью исторического источника или свидетельства борется Голубинский, а с иллюзорностью исторического наследия, которое было выращено на их основе. Сталкивая исторические свидетельства в их противоречивости, он сокрушает систему научных приоритетов, выращенную поколениями церковных историков, вставшую на пути нового, научного исторического знания.

Следует отметить ещё одну черту, характерную для работы Голубинского. Исследователи его творчества отмечают высокую публицистичность первых частей его работы. «Это был историк-публицист», – пишет о Голубинском протоиерей Флоровский²³. Этому же мнению придерживается и Н.Н. Глубоковский²⁴. А.В. Карташев в своем историографическом обзоре, характеризуя труд Голубинского, отмечает, что «публицистический элемент, к соблазну некоторых, отличает его учение произведение»²⁵. Сам Голубинский не скрывает этого. «Быть историком в некотором отношении почти так же щекотливо, как быть публицистом. История какого бы то ни было общества, не может быть по-

²¹ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 80. О том же пишет и С.И. Смирнов: «Вооруженный молотом критики... пересмотрел и перетрогал все здание своей науки и немало камней, даже лежащих в фундаменте, разбил своим беспощадным молотом...» (Смирнов С.И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. Спб., 1912. С. 505).

²² Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 201–202.

²³ Флоровский Г. Указ. соч. С. 372

²⁴ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 78.

²⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. I. С. 33.

хвальным словом ему или панегириком, а должна быть точным воспроизведением его прошедшей жизни со всеми достоинствами и недостатками этой последней... Но, говоря о недостатках прошедшего времени, иногда невозможно бывает не захватить до некоторой степени настоящего, по той простой причине, что иногда прошедшее ещё продолжает более или менее оставаться настоящим. Таким образом, в некоторых случаях историк волей-неволей становится отчасти публицистом»²⁶, – скажет он в своей речи на докторском диспуте в Московской духовной академии. Многие современники не разделяли подобных взглядов будущего академика на историю. В присущей Голубинскому публицистической, полемической манере изложения критикам виделся уход от академичности. Обвинения в «воинствующем резонерстве» преследовали его. Однако были у подобного взгляда на историю и свои сторонники. «Отнимать право публициста у историка было бы не только неправомерно, но и прискорбно, – писал в связи с этим один из рецензентов сочинения Голубинского профессор Киевской духовной академии И.И. Малышевский, – это значило бы подорвать значение самой истории, призванной вести нас к самопознанию»²⁷.

Тема публицистичности и полемичности авторского стиля Голубинского открывает ещё одну черту, присущую его произведению. Это умение убеждать, приводя в защиту своей позиции не только логичные доказательства, но и обращаясь к социальному опыту и нравственному чувству читателей. В «Истории...» Голубинского значимую композиционную роль играют речевые средства убеждения вместе с широко используемой словесной образностью. Все это очень характерно для лекционных курсов, где подобное воздействие докладчика на аудиторию способствует пониманию материала.

В своих «Воспоминаниях» Голубинский отмечает, что приступил к работе над «Историей русской церкви» после того как им были написаны лекции по этому предмету. «Я работал над составлением недельной лекции напролет всю неделю, не переводя духа и не покладая рук»²⁸, – напишет он впоследствии. «После изготовления лекций для чтения в

²⁶ Голубинский Е.Е. Речь перед докторским диспутом // Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 2002. С. VIII.

²⁷ Цит. по: Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды... С. 27.

²⁸ Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 201.

продолжение двух лет, я предпринял, было, труд, который считал и считаю полезным и желательным вообще и который особенно желателен был для меня вследствие принятого мною намерения написать курс русской церковной истории – это именно извлечение из летописей всех известий, относящихся к церковным событиям»²⁹.

Таким образом, написанию «Истории...» предшествовала долгая работа по подготовке лекционного курса. Трудно предположить, что материалы, изложенные в нём, не вошли составной частью в произведение Голубинского. Как и большинство профессоров его времени, каждую лекцию Голубинский готовил письменно и зачитывал в аудитории по тетради³⁰. Возможно, из лекционного курса и проистекает публицистичность стиля и полемичность многих частей изложения. Можно с уверенностью сказать, что лекционный курс привносит в научную лексику Голубинского повествование от первого лица, которое, согласно законам риторики, подается во множественном числе. Например: «Когда мы говорим, что при Владимире крещена была вся собственно русская Русь, то это никак не должно понимать в том смысле, будто крещены были все...», «Мы сказали выше, что Владимир крестил половину Руси, которая по своему населению была чисто русская...»³¹. Подобные образцы лексических построений широко встречаются в первом томе работы. Такой риторический прием, с одной стороны, объединяет лектора и слушателя, заставляя последнего соучаствовать в построении авторских доказательств. С другой стороны, повествование от первого лица говорит о том, что автор выражает собственное, оригинальное видение какой-либо исторической ситуации и предлагает слушателю полемику по данному вопросу.

Однако, несмотря на это, можно с высокой вероятностью утверждать, что полемичность и публицистичность авторского стиля не были примитивной попыткой привлечь внимание студентов. Впоследствии Голубинский напишет: «...для привлечения студентов в аудитории... я не прибежал к Петрушке и райку, разумея столь обычное либеральное скалозубство по разным злободневным вопросам»³². Скорее через по-

²⁹ Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 204.

³⁰ «Я... читал по тетрадке, читал очень быстро и был читарь или чтец далеко не первоклассный». (Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 202).

³¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002. С. 175, 198.

³² Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 202.

лемические построения, Голубинский ещё раз пытался доказать самому себе истинность того или иного научного положения. Публицистичность и полемические приемы были призваны восполнить крайне скудные свидетельства исторических источников по истории церкви, на что неоднократно пеняет автор. «Из обильных источников черпай полной рукой и, имея талант историка, только создай настоящую историю»³³.

Чувство «недовольства и неудовлетворенности» количеством и качеством исторической информации изложенной в источниках по древнейшей истории церкви, заставляет Голубинского прибегать к логическому доказательству некоторых исторических положений. Не находя ответа в источнике, автор зачастую строит свои доказательства через мысленный диалог: выдвигает тезис, который сам же и опровергает. Например, описывая эпоху Ярослава Мудрого, Голубинский рассуждает по поводу исторического факта якобы создаваемых им библиотек и рождения общей грамотности. «Предположим, что Ярослав составил при св. Софии библиотеку в пятьсот рукописей средних размеров (как Остромирово евангелие)³⁴, – строит автор свое предположение и тут же начинает его разрушать: – В тогдашнем Киеве он ни под каким видом не мог найти более десяти писцов; предположим, что ещё десять писцов он достал из Болгарии... Для этих двадцати писцов, чтобы написать библиотеку в пятьсот рукописей, требовалось время никак не менее двенадцати лет с половиной»³⁵.

Далее, в пылу полемики, стараясь обосновать свое опровержение, Голубинский старается сделать свои аргументы максимально доступными для современных ему читателей. Для этого он даже пытается предположить возможное вознаграждение, положенное писцам за их труды³⁶. Подобные авторские приемы опять наталкивают на мысль, что в основу первой части произведения был положен разработанный профессором лекционный курс, где в качестве доказательств автор пытался привлечь максимальное количество доступной и понятной инфор-

³³ Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. XVIII.

³⁴ Там же. С. 191.

³⁵ Там же.

³⁶ «По существующим примерам (Остромирово евангелие) мы знаем, что на написание обыкновенных размеров рукописи, из которой в печати выйдет совсем небольшая книга, требовалось полгода. Так как в то время ремесло писания, по крайней редкости мастеров, несомненно, было весьма дорогое, то за полгода писцу нужно было заплатить приблизительно

магии. Ниже по тексту Голубинский вынужден все же оговорить причины, толкающие его на подобные шаги. «Летопись ничего не говорит нам, – сетует он, – но по соображению со сведениями о позднейшем времени и по самой вероятной естественности дела необходимо предполагать...»³⁷. Предположение и его опровержение становятся ключом к системе иллюстрации исторического процесса по замыслу Голубинского.

Автор действует по логической схеме, которая в его время уже сделалась классической, и восходит к диалектике немецкого классического идеализма И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга и особенно Г. Гегеля. Классическая триада (тезис, антитезис, синтез) становится основой доказательств наиболее спорных исторических сюжетов. Следует, однако, заметить, что если схема тезис – антитезис раскрыта в полемике Голубинского в полном объеме, то на синтезе автор явно экономит. Непрогрешимость исторического знания, построенного на информации источника, ставится исследователем так высоко, что он и не пытается его дополнить своими умозаключениями. В приведенном примере о просветительской деятельности Ярослава Голубинский отказывается не только от синтеза нового взгляда на проблему, но и от выводов вообще, сводя их к элементарной констатации³⁸.

В заключение хочется отметить, что полемические приемы были использованы автором не для того, чтобы доказывать, а для того, чтобы читатель смог вместе с автором почувствовать правоту его рассуждений. Этот прием может показаться наивным, если только не учитывать, что предшественники Голубинского порою не затрудняли себя даже подобной аргументацией своих исторических положений.

Таким образом, публицистикой и полемическими приемами Голубинский пытался восполнить доказательную базу своих исторических

никак не менее пятисот рублей серебром на нынешнее деньги. Следовательно, одна обыкновенная рукопись стоила пятьсот рублей серебром только в письме, не считая пергамента, который должен был быть весьма дорог, ибо делался не в России, а привозился из-за границы». (Там же. С. 191, сноска).

³⁷ Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 193.

³⁸ «Итак, Владимир был крестителем Руси, а Ярослав насадителем в ней книжности, её – если можно так выразиться – ограмотителем». (Там же. С. 193).

построений. Не привлечь досужего обывателя к чтению исторических опусов, как это казалось его критикам, а ещё раз самому себе доказать, что им добыта вся возможная информация, позволяющая объективно реконструировать историческую действительность.

Характерно, что во втором томе работы, написанном значительно позже и на более богатом источниковом материале Голубинский уже не прибегает к подобным приемам. Внешне повествование строится в традиционной форме, автор излагает исторические факты от третьего лица, как это было принято до него его предшественниками. Манеру изложения второго тома можно признать традиционной для подобных сочинений, если бы не иронично-эмоциональные оценки, которые время от времени разрывают повествование. «Как бывает в театральные комедии, что все бы улеглось и вдруг все снова поднимается вверх дном, так и в нашей прискорбнейшей комедии из действительной жизни явились на сцену новые лица, чтобы продолжить её далее»³⁹ – такими комментариями сопровождает Голубинский ситуацию смуты, сложившуюся в русской церкви после смерти митрополита Алексия. «Как видно в Константинополе господствовали тогда такие нравы, что если бы отправились туда за покупками все русские епископы и игумены, то никто не возвратился бы оттуда с пустыми руками»⁴⁰, – продолжает иронизировать он по поводу сребролюбия константинопольских патриархов.

Изложение второго тома меняется по содержанию, однако не меняется по сути. На место эмоционально-poleмического предположения, характерного для первой части работы, приходит эмоциональная оценка, которой автор подытоживает многие исторические сюжеты. Прожитые годы и период запрета его сочинений сделали свое дело: Голубинский становится значительно сдержанней, но тон его исторического повествования остается прежним. Poleмичность и публицистичность стиля становятся продолжением того критического настроения, который был характерен для автора в оценке исторического источника. Начав с критики источника, Голубинский переходит к критике самого исторического знания, синтезированного на основе традиционного прочтения летописных свидетельств. Вся его работа – это полемика с пред-

³⁹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. С. 251.

⁴⁰ Там же. С. 254.

шествующим опытом церковно-исторического изложения. Голубинского не устраивает помпезность предшествующей церковной истории, лубочность её образов, основанная на агиографическом каноне. Голубинский первым из историков русской церкви ставит вопрос о качестве исторической информации, содержащейся в историческом источнике.

Уже во введении к своей работе Голубинский обращает внимание читателя на слишком примитивное прочтение понятия исторического источника в работах своих предшественников и делает это в присущей ему манере. В качестве тезиса им приводится традиционный перечень источников по истории церкви. Как и его предшественники, он делит весь источниковый комплекс на три части, выделяя источники письменные, вещественные и «представленные живой жизнью»⁴¹. «Источники письменные, подразделяясь на несколько частных классов, состоят: 1) из сказаний нарочито повествовательных, каковы суть летописи общие и частные и исторические монографии... 2) из сочинений не нарочито быто и нраво-описательных, каковы суть сочинения юридического и так называемого публицистического содержания; 3) из памятников двоякого рода: с одной стороны – деятельности, именно правительственной – законодательной и административной, каковы суть законодательные акты, указы и грамоты; с другой стороны – жизни именно умственно-нравственной, каковые представляет собой литература всей своей, большей или меньшей, наличностью. Источники вещественные суть сохранившиеся вещественные памятники: здания принадлежности быта, произведения ремесел и искусств»⁴². Подобная классификация напоминает классификацию П.В. Знаменского⁴³ и А.П. Доброклонского⁴⁴, незначительно доработанную Голубинским. Подобное деление источников по сути своей восходит ещё к работе Филарета (Гумилевского)⁴⁵. Можно уверенно говорить, что Голубинский наме-

⁴¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002. С. VIII.

⁴² Там же. С. VIII.

⁴³ См. Знаменский П.В. История русской церкви. (Учебное руководство). М., 2002. С. 16.

⁴⁴ Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 11.

⁴⁵ См. Филарет (Гумилевский). История русской церкви. (В пяти периодах). М., 2001. С. 5–9.

ренно приводит её в своем сочинении прежде всего для того, чтобы в полемике с традицией показать, что его «История...» станет другой, что автором и подчеркивается начиная с введения.

Вслед за своими предшественниками Голубинский ставит на первое место по информативности летописные источники⁴⁶. Однако тут же задается вопросом, какое количество действительно полезной для историка церкви информации несут в себе русские летописи и насколько будет объективна историческая реконструкция, построенная на их основе. «Наши летописи дают нашей церковной истории: голый каталог предстоятелей нашей церкви, за древнейшее время далеко не полный и относительно хронологии далеко не удовлетворительный, и ничтожное количество отрывочных, по качеству большею частью весьма неудовлетворительных, известий о церковных делах»⁴⁷, – приходит к выводу Голубинский. «У нас, как и у Греков, – констатирует он – были поведены только летописи гражданские; но в этих последних ничтожное место, отведенное церковной истории в летописях греческих, до такой степени ещё умалялось, что меньше его было бы уже совсем никакое»⁴⁸. Опираясь на подобный источник, развивает мысль автор, очень трудно остаться объективным исследователем. «Летописание с самого его начала и до позднейших времен велось у людей односторонне»⁴⁹, – замечает Голубинский. Летописец, следуя традиции, уделял основное внимание представителям правящего класса, не обращая внимания на огромный пласт общественной жизни. «Настоящая история всякого общества должна быть историей обеих его половин, а не какой-нибудь одной, ибо иначе она не будет историей полной и настоящей»⁵⁰.

Голубинский пытается увидеть в истории русской церкви не только историю церковной иерархии, как это было у его предшественников. Он пытается соединить в едином повествовании и историю иерархии, и историю паствы, и историю русского общества. Исследователю

⁴⁶ «Единственный главный источник должно бы составлять летописание, как оно есть единственный прямой и нарочитый источник». (Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. IX).

⁴⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XII.

⁴⁸ Там же. С. XI.

⁴⁹ Там же. С. IX.

⁵⁰ Там же.

приходится констатировать, что раскрыть эту тему, опираясь исключительно на летописные данные, невозможно. Летописец, создавая свой труд, невольно ориентировался на «дела достопримечательные, и из этого понятия достопримечательности была исключена не громкая по внешности деятельность правителей на благо общества»⁵¹. Как следствие, из летописи исчезает огромное количество информации, столь необходимой исследователю для воссоздания полной исторической картины.

Отчасти, отмечает Голубинский, историку помогают, «памятники законодательства, сочинения юридического и так называемого публицистического содержания»⁵². Он отмечает их значение и объективность, указывает на их информационную ценность для построения исторического изложения, отражающего жизнь общества. Но тут же вынужден оговориться, что подобной литературы на Руси немного.

Рассуждая на эту тему, Голубинский ставит вопрос, к которому будет возвращаться неоднократно в своей работе. Это вопрос об уровне образованности русского общества и клира. Как и его предшественник П.В. Знаменский, Голубинский видит основную движущую силу развития общества в образовании. Не деятельность «великих» людей или правителей⁵³, по мнению автора, определяют прогресс, а уровень и состояние просвещения из которого он выводит способность общества к развитию через обновление. «Наше русское общество, наделенное этой силой движения менее или не менее других, во всяком случае, проявляло её весьма слабо»⁵⁴. Законодательные акты и публицистическая литература, по мнению Голубинского, являются прямым индикатором самосовершенствования общества, показывают уровень его образованности. «У людей образованных сочинения юридического содержания состоят в ученых комментариях на законы, и вообще в каких бы то ни было ученых трактатах о них. Так как у нас не было ни какой образованности и учености, то ничего подобного не могло у нас быть.

⁵¹ Там же. С. X.

⁵² Там же.

⁵³ «На великих людей природа вообще чрезвычайно скупа и их везде весьма не помногу. Что же касается до обыкновенных людей, составляющих преемства лиц правительственных, то они суть дети своих обществ, т.е. несколько не возвышаются над ними» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XIV).

⁵⁴ Там же. С. XIV.

Таким образом, этого источника истории в собственном виде мы совсем лишены»⁵⁵. Если же русская история и наделяет исследователя дошедшим до него юридическим актом, то приходится констатировать, что в жизнь общества этот документ изменений не вносит, а является лишь иллюстрацией его состояния»⁵⁶.

Сочинения «публицистического содержания», по мнению Голубинского представлены в источниках ещё слабее. «Из сочинений публицистического содержания мы разумеем тот отдел, который в светской литературе называется сатирой, а в духовной – словами обличительными»⁵⁷. Демонстрируя пороки общества, подобная литература, могла бы дать неоценимую информацию о состоянии общественного быта, отмечает автор. Однако «этими-то главными источниками историй вовсе не может похвастаться русская церковная история...»⁵⁸. Недостаток образованности наших предков не столько препятствовал созданию подобных сочинений, сколько не давал обществу осознать необходимость критики общественного быта. «Светская сатира и духовные слова обличительные также могут существовать только у людей образованных. Прежде всего, чтобы обличать пороки и недостатки жизни современного общества, нужно сознать их и возвыситься над ними (если не жизнью, то мыслью)»⁵⁹. Для появления публицистики необходим литературный опыт, который может быть воспитан только при систематическом образовании. Как следствие, подобные произведения единичны и не могут дать полной картины жизни древнерусского общества.

Не лучше обстоит дело и с житийной литературой. «В церковной области вместо монографий исторических... у нас были только монографии ифические – жития святых»⁶⁰. За все время до Петра I, по мнению Голубинского, в России было написано только две монографии, информативных с точки зрения церковной истории. Это биография пат-

⁵⁵ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XV.

⁵⁶ «Практического значения деяния Стоглавого собора не имели никакого, ибо обновления вовсе не последовало; но он имеет для нас чрезвычайно важное значение как исторический источник: мы находим в них живую и возможно полную картину русской церкви и русского общества в церковном отношении за XVI век». (Там же. С. XV).

⁵⁷ Там же. С. X.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. XVI.

⁶⁰ Там же. С. XII.

риарха Никона, принадлежащая перу Ивана Шушерина и сочинение Авраамия Палицына⁶¹. Агиографическая литература, поставленная в жесткие рамки канона, не может дать историку той информации, которой он от нее требует. За биографическим витийством древнерусских житий исчезала не только жизнь самого русского общества, но и зачастую портрет самого героя повествования⁶². Уже во втором томе своей работы Голубинский ещё раз упрекает русскую духовную литературу в этом недостатке. «Пусть читатель не винит нас за то, что мы даем ему очерки жизни и деятельности наших митрополитов, которым название – биографии, но которое очень далеки от того, чтобы быть настоящими биографиями»⁶³, – напишет Голубинский, завершая свое Введение. Проблема эта ненова, подчеркивает автор, не только церковный историк сталкивается с подобным недостатком информации. Осознание скудности исторического источника констатирует ещё Карамзин⁶⁴, на которого ссылается Голубинский⁶⁵. Но, если светский историк, осознавая эту проблему, стремится через критику источника приблизиться к объективному историческому знанию, то историка церкви положение обязывало наполнять свое сочинение бесчисленными назидательными сюжетами, весьма далекими от исторической правды.

Голубинский, призвав в союзники весь опыт, который русская историческая школа накопила за свою историю, пытается противостоять этому. Поэтому его и не устраивает опыт его предшественников в

⁶¹ См. сноску. Там же. С. XII.

⁶² Например: «Даже знаменитейший наш деятель, митр. Макарий, стоит перед нами позади своих дел, как смутная тень, живую физиономию которой мы напрасно силимся разглядеть». (Там же. С. XVII).

⁶³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома... С. VIII.

⁶⁴ «Так я мыслил, и писал об Игорях, о Всеволодах, как современник, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо живых, целых образов представлял единственно тени, в отрывках, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!» (Карамзин Н.М. История государства Российского: В 2 кн. Кн. I. Т. I–VI. СПб., 2003. С. 34).

⁶⁵ См. сноску. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Период второй... Первая половина тома... С. VIII.

деле создания общих исторических курсов. Голубинский отрицает ценность этих произведений. «Наша церковная история не высока, т.е. ей суждено быть невысокою, не от каких-нибудь случайных обстоятельств, на которые мы имели бы право сетовать, а по нашей собственной вине, потому что мы не написали её (прямо и косвенно) более удовлетворительным образом»⁶⁶. Корни проблемы лежат, по мнению автора, в историческом прошлом России. Невежественная страна, избегающая образования и светского, и духовного, по его мнению, не может создать достойной историографической традиции, позволившей историкам-исследователям объективно судить о прошлом. Историки русской церкви «были неспособны написать потому, что были неспособны... потому, что в нашем прошлом, – грустный или не грустный, но действительный факт, – мы представляли из себя исторический народ невысокого достоинства»⁶⁷. Из-за недостатка просвещения сложившееся в России общество было настолько инертным, что не могло оценить значение многих исторических событий. Именно поэтому Голубинский поднимает вопрос о развитии общества, характеризуя оставленные им исторические источники. «Всякий народ настолько обладает способностью писать свою историю... (насколько народ обладает просвещением и склонен к прогрессу или движению в жизни, настолько он пишет свою историю в прямом летописании и оставляет в памятниках)»⁶⁸.

Как следствие, современная автору церковно-историческая школа является лишь продолжательницей старой, отжившей традиции, наследницей косности старых исторических воззрений и рутины старых методов. Голубинский решительно разрывает эту связь всеми способами, на которые был способен. Отсюда вытекает и яростная критика устоев и публицистическая полемичность изложения. Голубинский видит свою задачу в создании новой, «настоящей» истории, что и подчеркивает с первых строк работы, в которой надеется «сколько-нибудь приблизиться к идеалу истории»⁶⁹.

Согласно представлениям Голубинского, историческое сочинение требует, «чтобы жизнь общества была изображена во всем ее посте-

⁶⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XVII–XVIII.

⁶⁷ Там же. С. XVIII.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. XVII.

пенном (или непостепенном) движении»⁷⁰. «Этот идеал истории требует, чтобы люди, составляющие преемства лиц правительственных и вообще все исторические деятели изображаемы были как живые люди с индивидуальной личной физиономией и с индивидуальным нравственным характером каждого, поелику в истории, подобно действительной жизни, которую она воспроизводит, всякий человек имеет значение только как живая нравственная личность и поелику наше нравственное чувство ищет находиться в живом общении с историческими людьми и хочет знать, должны ли мы воздавать им почести или произносить над ними строгий, так называемый исторический суд»⁷¹.

Подобные принципы построения исторического сочинения в это время уже господствуют в светской исторической литературе. История есть процесс органического развития, – это положение становится лейтмотивом фундаментальной «Истории России...» С.М. Соловьева. Как отмечает Н.Л. Рубинштейн, идея «органического развития» исторического процесса составляла основную черту мировоззрения Соловьева⁷². В своих многочисленных произведениях Соловьев, призывает рассматривать историю как процесс закономерного развития: «...народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое»⁷³. Личность такого выдающегося деятеля исторической науки, как С.М. Соловьев, его мировоззренческие принципы не могли не повлиять на молодого историка Голубинского.

Идею «органического» развития в изложении истории всячески пропагандировал учитель Голубинского по Московской духовной академии Н.П. Гиляров-Платонов, который, по его воспоминаниям, «отличался выдающимися дарованиями»⁷⁴. «Органическое единство... есть единство взаимодействия сил и внутреннего переплетения явлений меж-

⁷⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XVII.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография... С. 320–322.

⁷³ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // *Он же*. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 415.

⁷⁴ Голубинский Е.Е. Воспоминания // *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Указ. соч. С. 181.

ду собой, а не одно их прикрепление к общей силе»⁷⁵, – отмечает Гиляров-Платонов в своей работе, посвященной критике «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова). «История есть процесс органический. Историк должен следить за ходом органического развития»⁷⁶, – настаивает он с первых строк работы.

Историческое развитие осуществляется в его внутренней, «органической» обусловленности. Эта идея появляется в головах историков и философов второй половины XIX века не случайно. Она сыграла решающую роль в развитии историографии этого периода и принадлежит либеральному позитивистскому мировоззрению, которое является основой научно-исторического творчества этого периода. В фундамент этого мировоззрения легло философское учение О. Конта, потеснившее в начале второй половины XIX века философские доминанты Шеллинга и Гегеля. Сущность учения Конта состоит в стремлении познать законы общественно-исторического развития как законы «точных», естественных наук. Конт сформулировал идею развития человеческого общества через действие внутренних, естественных сил, заставляющих человечество подниматься по трем ступеням развития, представлявшимся Конту как ступени развития человеческого разума. Европа XIX века, согласно этой теории, находится на третьей, самой совершенной стадии общественного развития, стадии «позитивного научно-го мышления». На этой стадии общественного развития человек изучает явления природы, устанавливает их закономерность, подчиняет и преобразует природу с помощью точных наук. Но если естественные науки уже вошли в третью «позитивную» стадию освоения природы, общественные науки ещё находятся во власти метафизики и теологии.

Таким образом, задача ученого историка состоит в том, чтобы «создать «социальную физику», устанавливающую законы исторического развития»⁷⁷. Общество как объект исследования рассматривается как продолжение природы, или живой организм. «Для образования необходимо, чтобы части, органы, выделяясь, обозначаясь, находились в тесной связи между собою... – пишет С.М. Соловьев в своих истори-

⁷⁵ Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механистических способах в исследовании истории // *Он же*. Сборник сочинений. Т. I. М., 1899. С. 238.

⁷⁶ Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов... С. 216.

⁷⁷ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. (В связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней). М., 1940. С. 204.

ческих письмах, – этот общий закон организма имеет силу и в применении к высшему из организмов, организму общественному»⁷⁸.

Следовательно, общество как живой организм требовало объективного, целенаправленного исследования. Объективность знания об обществе заключается в формальной выверенности конкретного фактического материала. Отсюда задача историка должна состоять в сборе и проверке методом критики фактического, то есть источникового материала. «Наука истории, как всякая наука, требует умственного напряжения, работы мысли: она требует, сверх того, и особенного искусства, – умения из хаоса разрозненных материалов воссоздать стройное течение прошлой жизни и представить его в целой картине»⁷⁹ – так видел задачу историка-исследователя Н.П. Гиляров-Платонов.

Гиляров-Платонов высказывает эту мысль в своей статье «Несколько слов о механических способах в исследовании истории», которая увидела свет ещё в 1858 году⁸⁰. Спустя двадцать лет эту мысль практически повторит Голубинский: «...пишущий историю должен превратиться в усерднейшего, так сказать, тряпичника, должен по десятку раз тщательно образом перерывать всякий хлам, чтобы не оставить ни одного лоскута и лоскутка, который бы мог пойти в дело и послужить на пользу; не иссушая в себе живого человека, каковым необходимо быть историку»⁸¹.

Стало быть, только полностью выверенный, проверенный, конкретный материал может лечь в основу органического исследования истории прошлого. Но подобный источниковый материал крайне скуден. Летописцы и биографы прошлого не ставили перед собой задачу создавать исчерпывающий исторический источник, удовлетворяющий самым взыскательным требованиям. Это обстоятельство становится для Голубинского непреодолимой преградой, на которую он постоянно се-

⁷⁸ Соловьев С.М. Исторические письма // *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Исторические письма. Прогресс и религия. М., 2003. С. 418.

⁷⁹ Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов... С. 216.

⁸⁰ Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // *Русская беседа*. 1858. Кн. I. С. 66–87.

⁸¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XVIII.

тует, характеризуя источниковый комплекс по истории русской церкви. Тем самым Голубинский уже с первых строк своего сочинения пытается оправдаться перед своим читателем за возможные отступления от той идеальной конструкции исторического исследования, к которой он стремится.

Приступая к работе над своим сочинением, Голубинский стремится опереться на самые современные для своего времени философские схемы. Но быть последовательным до конца в исполнении своего замысла не может. Для него как для исследователя ясно только одно, его история не может походить на исторические сочинения его предшественников. Последовательно выводя церковную историю из-под влияния богословия, Голубинский пытается дать ей ту же научную основу, на которой базируется современная ему светская история. Увести историю церкви от апологетики, сделать её подлинно объективной, чистой от ифических преданий, не имеющих под собой реальной исторической основы – такой видел свою задачу автор. Исключительная сложность осуществления этого плана, потребовала от историка колоссального напряжения сил в аргументации своих положений, а это, в свою очередь, определило характерную для Голубинского, весьма нестандартную, манеру подачи исторического материала в своем исследовании.

Таким образом, рассмотрение истории русской церкви как органического процесса потребовало от ученого пересмотра основных принципов и принципиально нового обоснования цели своей работы. «История всякого общества есть воспроизведение его жизни. Жизнь общества, гражданская или церковная, имеет свою цель, которой достигает или должна достигать при содействии нарочитого органа, каковой есть правительство, и при употреблении свойственных ей средств. Таким образом, история всякого общества есть, во-первых, история того, что служит ему в достижении цели его жизни; во-вторых, история самой его жизни, насколько она достигает своей цели»⁸². Следовательно, цель работы для Голубинского – рассмотреть не столько историю церкви, сколько историю общества, которое для достижения своих исторических целей и создает такие институты, как правительство (государство) и церковь. Рассматривая государство и церковь как институты, создаваемые обществом, Голубинский практически повторяет суж-

⁸² Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XXIII.

дения С. М. Соловьева, которые он высказывает в своей работе «Наблюдения над исторической жизнью народов»: «Правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа»⁸³. Стало быть, и в общей концепции своего произведения Голубинский стремится уйти от опыта предшествующих поколений церковных историков. Что характерно, он показывает это уже во введении. От богословского понимания сущности государства и церкви как институций, данных свыше, он, как и Соловьев, переходит к трактовке этих понятий с точки зрения позитивизма Конта. Государство и церковь не учреждены богом, а являются продуктом «исторической жизни народа», то есть общественного развития. Наиболее ярко этот постулат раскрыт Голубинским во введении, в трактовке понятия «история церкви». Для понимания всей глубины нововведения следует рассмотреть этот вопрос подробнее.

Вопрос об определении объекта русской церковной истории встает уже в первых работах историков-клириков. Оставивший после себя первое систематическое изложение истории русской церкви митрополит Платон (Левшин) в своей работе практически обходит стороной определение церкви и её места в русском обществе⁸⁴. Последователь Платона, архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) подходит к определению значительно серьезней. Рассматривая свою «Историю русской церкви» как неотъемлемую часть богословия, Филарет останавливается на этом вопросе подробно. «Церковь Христова, в её сущности, как Божественное учреждение, не принадлежит к области изменяемых предметов, – она неизменна, непреодолима временем, как вечный Бог, её основатель Дух Св., её невидимый правитель»⁸⁵, – пишет он в своем введении в «Историю русской церкви». Но подобное определение объекта исследования делает бессмысленным все попытки его изучения. Филарет осмысленно идет на это, подчеркивая сакральную составляющую понятия «церковь», и только после этого переходит к

⁸³ Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов. Мои записки для детей моих... С. 12.

⁸⁴ Платон (Левшин) митрополит московский. Краткая церковная российская история. М., 1805. С. I–X.

⁸⁵ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. (В пяти периодах). М., 2001. С. 3.

определению собственно объекта своего исследования. «Церковь земная есть *общество людей, освященных благодатью (здесь и далее курсив мой. – Н.С.)*, которые только постепенно уясняют себе истину христианского откровения путем веры, постепенно усваивают сердцем своим святость Христову путем практического упражнения; истина и святость – принадлежность единой истинной церкви – в сознании людей яснее и тверже становится *подвигами*. В одной и той же церкви земной есть и высоко преуспевшие в жизни благодатной, и только что начинающие, есть и здоровые духом, и одержимые тяжкими болезнями душевными. ...*Человеческие страсти* в связи с обстоятельствами времени делают то, что церковь, основанная Христом, является во времени в неодинаковых положениях, то борющейся, то успокаивающейся, принимающей то те, то другие меры для своей целостности. Таким образом, церковь Христова переходит вместе с людьми в область истории»⁸⁶.

Определение церкви архиепископа Филарета с точки зрения богословия можно считать идеальным. Не удивительно, что многие последующие авторы в основном копируют его, не затрудняя себя тонкостями проблемы. В определении Филарета можно выделить следующие пункты, раскрывающие его суть.

Первое – церковь как учреждение божественное не связано с обществом, живет вне его законов, цели и задачи её определены божественным промыслом и поэтому не подчиняются законам общественного развития. Церковь живет вне времени и пространства, она вечна как сам бог.

Второе – в реальной земной жизни церковь – это не все общество, а только его часть, «освященная благодатью». Эта часть общества, объединенная церковью в рамках конкретной государственности, активно содействует достижению её целей. Церковное общество неоднородно, наряду со слоями, активно следующими по пути духовного совершенствования, существуют слои, которые одержимы «тяжкими болезнями душевными». Но эти последние не определяют жизнь церкви. Её определяют «подвиги» праведников, которые церковь использует в назидание обществу для его спасения.

Третье – человеческое общество, состоящее из людей и поэтому одержимое страстями, ищет спасения, которое находит в церкви. Церковь приходит на помощь обществу в самые критические моменты его

⁸⁶ Филарет (Гумилевский). История... С. 3–4.

истории. История этой помощи и является объектом исследования церковного историка.

Тем самым автором подчеркивается свобода церкви от общества как такового, но не свобода общества от церкви. Церковь, согласно Филарету, несмотря на всю оторванность от общества, постоянно патронирует его, направляет и лечит. Все это объясняется тем, что «человеческие страсти являлись не в одинаковом виде по обстоятельствам, уступая одна другой видимое первенство по духу времени, пользуясь то теми, то другими мерами для удержания за собой власти над людьми»⁸⁷. Страсти человеческие вечны, следовательно, необходимость в духовном покровительстве обществу со стороны церкви будет постоянна, что и приводит церковь как божественный институт к обществу и заставляет жить вместе с ним.

Такого же мнения о месте церкви в обществе придерживался и другой её иерарх, митрополит Макарий (Булгаков). «Русская Церковь, как и всякая другая, по существу своему есть *общество верующих (курсив мой. – Н.С.)* в Господа Иисуса Христа, состоящее из богоучрежденной иерархии и паствы, но только существующее в России. Это общество всегда пользовалось *богодарованными средствами (курсив мой. – Н.С.)* для достижения своей цели: учением, богослужением и управлением, а вместе разными правами и преимуществами, какие получало от гражданской отечественной власти»⁸⁸. Как видно из цитаты, Макарий менее категоричен в определении церкви и её места в обществе. Однако и он подчеркивает назидательную роль церкви как паствы, следящего за обществом, что для архиерея русской церкви было вполне естественно. Как и Филарет, Макарий подчеркивает, что церковь – это в первую очередь «общество верующих», а не общество как таковое.

Дальнейшие рассуждения митрополита Макария о церкви весьма интересны. А так как с некоторыми принципиальными изменениями они легли в основу аналогичных рассуждений Е.Е. Голубинского, стоит воспроизвести их целиком. «Это общество всегда имело своею целью воспитание людей в вере и благочестии и приготовление их к вечной жизни. Наконец, это общество, как Церковь частная и православная, могло и иметь и имело отношения к другим Церквам и религиозным

⁸⁷ Там же. С. 3.

⁸⁸ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. II. Т. II. С. 11.

обществам, православным и не православным. А потому Русская Церковь во все продолжение её существования может быть рассматриваема с четырех сторон: со стороны лиц, её составляющих, т.е. её иерархии и паствы; со стороны средств, какими она пользовалась, т.е. учения, богослужения и управления, равно как прав и преимуществ; со стороны её цели, т.е. веры и нравственности её чад; наконец, со стороны её отношения к другим Церквам и обществам религиозным»⁸⁹. Таким образом, церковь в богословском понимании этого термина – это отдельное общество верующих, стоящее вне социума. Церковь богоучреждена, поэтому вечна. В своей практике церковь руководствуется богодарованными средствами. Целью этой практики является воспитание общества в вере и благочестии.

Голубинский в своем понимании церкви уходит от богословской трактовки этого термина, изменяя в ней ключевые положения: «...история всякого общества есть... история того, что служит ему в достижении цели его жизни... Цель и назначение церкви, как общества, состоит в том, чтобы воспитывать людей в вере и нравственности христианской для содействия им в получении земного благополучия и для доставления им вечного спасения; её правительственный орган, служащий ей для сей цели, составляет богоучрежденная иерархия... Из каких частей (факторов) слагается целое жизни каждой церкви, из таких частей должна состоять и история... правительство с его деятельностью, учение, богослужение, церковная жизнь общества. ...Всякая церковь, как частное целое, может иметь какие либо отношения к другим церквам...»⁹⁰.

Таким образом, Голубинский, определяя объект своего исследования, практически копирует определение церкви, данное митрополитом Макарием. Неизменными остаются тезисы о церковной практике и о нравственной роли, которую церковь должна играть в жизни общества. Схожими являются и задачи, которые ставят перед собой историки. Эти задачи впоследствии определяют структуру изложения церковной жизни в их работах. Однако в главном Голубинский весьма смело отступает от богословского канона.

Церковь для Голубинского не «божественное учреждение», а тот институт, который служит обществу в «достижении его цели», то есть

⁸⁹ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. II. Т. II. С. 11.

⁹⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XXII–XXIII.

общество создает церковь и возлагает на нее определенные функции. Другими словами, церковь является продуктом институционализации общества и, как и возникающее в этом процессе государство, служит для удовлетворения исторических потребностей. Именно поэтому в тексте Голубинского отсутствует важное замечание, которое содержится у его предшественников-богословов. Голубинский нигде не упоминает, что церковь – это «общество верующих». Церковь как продукт общественной жизни не может принадлежать какой-либо отдельной части общества. Церковь выделяется в обществе только как институция: «Всякая церковь не только есть общество, но общество в обществе, духовное в мирском – государстве...»⁹¹. В тексте Голубинского хорошо заметна социологизация понятий «общество» и «церковь», которая отсутствует у богословов. Голубинский рассматривает эти понятия в рамках иной философской системы, исторического позитивизма, приводя свою историю все ближе и ближе к светскому историческому знанию.

Однако быть до конца последовательным в рамках этой философской концепции Голубинский не смог. Прежде всего потому, что имеющиеся в распоряжении автора исторические источники не позволяли последовательно излагать все хитросплетения исторического процесса. Некоторые исторические сюжеты не попали в источник и не были зафиксированы, либо их изложение было далеко от реальности и не выдерживало критики. Тем не менее отрицать наличие этих сюжетов было бы исследовательской ошибкой. Как следствие, это заставляло историка синтезировать историческую информацию об этих сюжетах, опираясь на предположение. Это, в свою очередь, отдаляло историка от «чистой» науки и в конечном итоге привело к тому, что уже во введении Голубинский вынужден оправдываться перед читателем, сетуя на «не историчность» русских как нации.

Другая проблема, которая встает перед исследователем, – это вопрос о роли личности в историческом процессе. Позитивизм Конта сводил роль личности практически до минимума. Перед Голубинским встает та же задача, над разрешением которой работал С.М. Соловьев. В критике сочинения Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии» Соловьев указывает на недостатки, присущие этому «классическому примеру приложения принципов позитивизма в историографии»⁹². Рассматри-

⁹¹ Там же. С. XXIII.

⁹² Вайнштейн О.Л. Историография средних веков... С. 205.

вая подобно современным ему позитивистам историю человечества как продолжение истории природы, Бокль стремился перекинуть мостик между природой и обществом. По его мнению, историк должен заниматься не биографиями отдельных личностей, сколь бы выдающимися они ни были, а изучением природной среды, распределением богатства, прироста населения и особенно уровнем распространенности знания. Работа Бокля была переведена на все европейские языки и оказала влияние на всю историографию второй половины XIX века. Исторический оптимизм автора, его вера в безграничную силу человеческой мысли, борьба с пережитками средневековья, темнотою, невежеством, убежденность в превосходстве либеральных общественных ценностей, сделали его книгу чрезвычайно популярной в среде русской интеллигенции шестидесятых годов⁹³.

Можно с уверенностью говорить, что, как и Соловьев, Голубинский не мог пройти мимо столь значительного исторического произведения. Однако не все постулаты Бокля были приняты как Соловьевым, так и Голубинским. «Бокль утверждает, что государи, государственные люди и законодатели суть случайные и недостаточные представители духа времени, – пишет Соловьев, – историческая наука давно уже признала их недостаточными представителями духа своего времени в том смысле, что они не одни представляют этот дух»⁹⁴. Ведущая роль социума в историческом процессе для Соловьева уже очевидна, но, подобно Боклю, сбрасывать роль исторической личности со счетов истории он тоже не хочет: «Действия этих лиц, а в спокойное время распоряжения правильного правительства, его удачные меры или ошибки могущественно действуют на народ, содействуют развитию народной жизни или препятствуют ему... Вот почему характеры правительственных лиц так важны для историка, так внимательно им изучаются»⁹⁵.

Голубинский разделяет взгляды Соловьева. Личность в истории для него интересна, прежде всего, как «живая» и «нравственная», выдвигаемая социумом для выполнения своей особенной миссии. Объясняя это, Голубинский практически повторяет изречения Соловьева: «Человеческие общества, составляющие предмет истории, состоят из двух частей – из самих обществ и из правительств: общество есть то,

⁹³ См.: *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков... С. 205–206.

⁹⁴ *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов... С. 13.

⁹⁵ Там же. С. 12.

что имеет цель само в себе, в своей жизни; правительство есть необходимый орган общества, без которого оно не может существовать как общество, имеющий назначением поддерживать жизнь общества и содействовать его движению вперед (т.е. так по идее, хотя в последнем случае далеко не всегда так на деле)»⁹⁶. Исходя из этого понимания общественной структуры Голубинский и строит свое повествование, в котором, как и Соловьев, пытается показать жизнь общества через биографии самых ярких его представителей, лиц, наделенных этим обществом властью⁹⁷. «Ведя повествование о деятельности лиц правительственных, нельзя до некоторой степени не касаться жизни обществ, ибо хотя действительность эта далеко не вся бывает посвящена обществам, как это следовало по идее... но, во всяком случае, наибольшею частью так, что она посвящается ему много или мало»⁹⁸.

Таким образом, несмотря на все свое стремление написать историю по-новому, отказавшись от ставших уже в тот период архаикой бесконечных жизнеописаний, ни Соловьев, ни Голубинский полностью отказаться от освещения деятельности исторической личности не могут. Более того, они активно отстаивают эту позицию, привлекая в свои сочинения большой пласт биографической литературы. Но если для Соловьева размышления по поводу личности в истории носили скорее теоретический характер, то в труде Голубинского историческая личность стала одним из структурных элементов его работы, определив до некоторой степени особенности подачи фактического материала внутри его исторической периодизации.

Проблему периодизации церковной истории можно выделить как главную. Трудность деления церковной истории на периоды обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, русская церковь, как любая национально-религиозная организация, во все времена своей истории испытывала большое количество внутрицерковных изменений, определявших её облик в то или иное столетие. Кроме этого, церковь как институция, была несвободна от исторических процессов, происходивших в государстве и обществе, была вынуждена реагировать на ситуа-

⁹⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. IX.

⁹⁷ «Идеал истории, требует, чтобы люди составляющие преемства лиц правительственных и вообще все исторические деятели изображаемы были как живые люди с индивидуальной личной физиономией и с индивидуальным нравственным характером...» (Там же. С. XVII).

⁹⁸ Там же. С. IX.

ции, возникающие в результате внешних и внутривосточных процессов. Это переплетение исторических, политических и общественных явлений и различных по направленности и длительности действий, изменяло зачастую как внешний вид, так и внутреннее состояние русской церкви.

Учитывая это, русская церковно-историческая наука постоянно находилась в поиске оптимального решения проблемы исторической периодизации. Решение этого вопроса имело как практическое, так и теоретическое значение. Практическое значение содержалось в оценке того исторического опыта, который накапливает русская церковь за всю свою историю. Теоретическое значение определялось глубоким богословским содержанием этой проблемы, ибо на нее возлагалась функция практически показать внутреннюю сущность церковной организации либо как части общества и государства, либо как структуры, стоящей вне «мира сего». Поэтому вопрос о критериях разделения церковной истории на периоды всегда был связан с разрешением богословской проблемы о сущности церкви как религиозной институции.

Осознавая всю сложность этой проблемы, церковные историки-клирики XVIII века не спешили браться за её разрешение. Первые работы по истории церкви в основном содержат изложение состояния и структуры русской церковной иерархии, не исследуя понятие «церковь» как таковое.

Наиболее понятная и обоснованная историческая периодизация появляется только в XIX веке. Её автором стал архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский). В своей «Истории русской церкви» он выделяет пять периодов⁹⁹. Будучи неплохим богословом, Филарет прекрасно понимает всю сложность поставленной задачи. Но, раскрывая в своей работе понятие церкви как институции, стоящей над обществом, в периодизации он так и не смог оторваться от старой традиции иерархического деления. Его периодизация основана на исторических фактах, имевших место в истории русской церковной иерархии или Рус-

⁹⁹ «1. Первый период – от начала христианства в России до нашествия монголов, или до 1237 г. 2. Второй период – время порабощения России монголами до разделения митрополии, или 1238–1409 г. 3. Третий период – разделенной митрополии до патриаршества, 1410–1587 г. 4. Четвертый период – период патриаршества, 1588–1719 г. 5. Пятый период – период синодального управления; мы окончим его кончиною имп. Александра, 1825 г.» (Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 10).

ского государства. Как следствие, за основу берутся явления неравногo исторического значения, в разной степени влиявшие на состояние и внутренний быт церкви. Несмотря на это внешнее несоответствие, основную идею работы – «церковь покровительница государства», – Филарет пронесит через все сочинение. Как потом подчеркнёт И.К. Смолитч, Филарет «изображает отношения Церкви и государства – возможно, исходя из отношений николаевского времени, к которому он принадлежал, – в мирно-идиллических тонах»¹⁰⁰.

Периодизация Филарета была принята, за ней быстро закрепляется характеристика «классической». Несоответствие исторических периодов и смысла изложения не было замечено читающей публикой. То же можно сказать и о его мысли, что церковь как божественное учреждение не принадлежит к области изменяемых предметов, которую он декларирует во введении к своей работе. Далее этого заявления Филарет не идет. Построенная им периодизация отражает скорее современные ему традиции исторических писаний¹⁰¹, чем суть заявленного предмета.

Десять лет спустя после выхода в свет работы Филарета начинает издаваться «История русской церкви» митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Полное издание этого произведения, не превзойденного по полноте представленного материала, растянулось на тридцать лет. Двенадцатитомная работа была доведена автором до 1667 года. Макарий рассматривает историческое развитие русской церковной жизни извне, в связи с отношениями с Константинопольским патриархатом. Для него «Русская Церковь есть только часть Церкви Восточной, православно-кафолической»¹⁰². Исходя из этих от-

¹⁰⁰ Smolitsch I. Zur Frage der Periodisierung der Geschichte der Russischen Kirche // Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas / Hrsg. von Hans Koch. 1940–41. Jahrgang 5. Heft 1–2. – S. 70–71.

¹⁰¹ «Впрочем, иной постановки дела трудно было бы и ожидать от историка того времени, когда перед ним стоял ещё никем не развенчанный образец «Истории государства Российского» Карамзина, истории чисто политической, а история внутренней жизни народной только ещё преподносилась, как недоступный идеал...» (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. I. С. 25).

¹⁰² Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 11.

ношений, он делит всю историю русской церкви на три основных периода¹⁰³. Рассматривая церковь как живой, взрослеющий организм, Макарий в своей периодизации пытается проследить этапы становления автокефалии русской православной церкви. Это соответствует тому определению церкви как институции, которое он дает в своей работе, рассматривая русскую церковь как «общество верующих», состоящее из иерархии и паствы. Взросление этого общества как части восточной церкви и занимает внимание исследователя.

Но идея вести повествование через отношения русской церкви к восточной опять приводит автора к выделению исключительно внешнего аспекта политических отношений русского и константинопольского клира. Макарий уделяет основное внимание отношениям церковных управлений и игнорирует внутреннее основание развития этих отношений. В работе не ставится вопрос, действительно ли выдвинутые автором моменты отношений двух церквей имели существенное значение для русской церковной жизни. Многие краеугольные камни русской церковной истории, на которые опирается Макарий, имели под собой государственно-политическую, а не церковную подоплеку. Например, как указывает И.К. Смолич, установление патриархата в Москве, с момента которого, согласно Макарию, начинается «самостоятельность русской церкви», произошло не на основании глубоких исторических причин, а «было, скорее всего, лишь следствием причин временного характера, может быть, только честолюбивой политики Бориса Годунова»¹⁰⁴. С мнением Смолича трудно не согласиться: ни разделение Московской митрополии на две части, на Киевскую и Московскую, ни учреждение Патриаршества или Синода не могут иметь принципиального значения для внутреннего развития церковно-религиозной жизни народа, то есть «общества верующих». Следовательно, как и в

¹⁰³ «Церковь в продолжение веков представляется в трех различных видах: сначала – как Церковь, находящаяся в совершенной зависимости от Церкви Константинопольской, одной из самостоятельных отраслей Церкви Вселенской, потом – как Церковь, постепенно приобретающая с согласия Константинопольского патриарха самостоятельность, наконец – как самостоятельная отрасль Церкви Вселенской в ряду других православных патриархатов». (Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. С. 11).

¹⁰⁴ Smolitsch I. Zur Frage der Periodisierung der Geschichte... S.74.

предыдущем случае, периодизация Макария не смогла решить те задачи, которые ставил перед собой автор.

Чередой неудачных примеров периодизации истории русской церкви можно дополнить попытки таких историков, как П.В. Знаменский и А.П. Доброклонский. Так или иначе, любая попытка периодизации упиралась в невозможность преодолеть богословское понимание хода исторического процесса. То есть, во-первых – проследить динамику и эволюцию божьего промысла. Во-вторых – показать в истории церковь, которая согласно канону, вообще, является структурой, неизменной во времени. Невозможность этого предприятия, как следствие, сводило все попытки периодизации к выделению чисто внешних политических факторов, влиявших на состояние русской церкви. Так что не образец Карамзина «никем не развенчанный»¹⁰⁵, стоял перед русскими церковными историками XIX века, а невозможность по-другому распределить исторический материал, кроме как по политико-иерархическому принципу. Церковно-иерархическая структура и все её исторические коллизии, становились тем единственным, что связывало церковь как божественное учреждение с реальными, земными историческими событиями. Иного принципа разрешения проблемы периодизации без разрыва с богословием изобрести было просто невозможно. Таким образом, внести что-то новое в понимание церковно-исторической периодизации можно было, только разорвав связь истории и богословия, что и делает Голубинский.

Рассматривая в своей работе церковь как институт, сформированный обществом для достижения определенных целей, Голубинский строит свою периодизацию исходя именно из этих теоретических установок. Установив, что церковь «есть общество, но общество в обществе», Голубинский рассматривает церковно-исторические коллизии как продукт исторической жизни русского общества и государства: «И поелику государственная власть никогда не относится к церкви безразлично, предоставляя её самой себе, но или покровительствует ей или теснит её и угнетает, то известные отношения государства к церкви, существенно влияющие на её жизнь, составляют необходимый предмет речей всякой церковной истории»¹⁰⁶. Тем самым автор напрямую связывает ис-

¹⁰⁵ См.: Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви... С. 25.

¹⁰⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XXIII.

торию двух общественных институтов – государства и церкви, признавая за этими институтами определяющую роль в развитии общества. В этом Голубинский снова следует в своих рассуждениях за Соловьевым, утверждавшим, что «правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка его жизни»¹⁰⁷. Следовательно, основополагающим фактором исторического деления является эволюция русского государства. Так как эта эволюция не могла не затрагивать интересов церкви, она вполне может быть взята и за основу церковно-исторической периодизации. Подобное рассуждение и приводит Голубинского к так называемому «топографическому»¹⁰⁸ принципу периодизации: «Если периоды в историях обществ суть пространства времен, отличные одни от других не какими-нибудь внешними и случайными признаками, а самой жизнью обществ и её характером, то таких действительных, а не воображаемых периодов в истории русской церкви три: Киевский, Московский и текущий Петербургский»¹⁰⁹. Киевский период, согласно замыслу автора продолжается до 1240 года, Московский, соответственно, с 1240 по 1700 год. Петербургский период открывается учреждением Синода и, по мнению Голубинского, продолжается до современной автору эпохи.

Периодизация дополнена внутренним делением периодов. Московский период «должен быть разделяем на две половины: от нашествия Монголов до митр. Макария с его Стоглавым собором, на котором был подведен, так сказать, итог всей предшествующей жизни, и от Митр. Макария до учреждения Синода»¹¹⁰. Кроме этого, уже в самой работе

¹⁰⁷ Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов... С. 11.

¹⁰⁸ «Наиболее удовлетворительным разделением истории русской церкви на периоды представляется нам разделение, которое, если не ошибаясь, в последнее время принято для гражданской истории, именно – топографическое...». (Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома... С. VII). См., например: Smolitsch I. Zur Frage der Periodisierung der Geschichte... S.73.

¹⁰⁹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XXI.

¹¹⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Период второй... Первая половина тома... С. VII.

Голубинский, характеризуя политическую историю церкви, дополняет повествование развернутыми биографиями русских митрополитов. Эти биографии становятся несущей конструкцией повествования. Через них автор разбирает все хитросплетения отношений русской церкви с Константинопольским патриархатом, вопросы разделения митрополии, перенос кафедры из Киева в Северо-Восточную Русь. Внешне такая подача материала очень напоминает структуру изложения, принятую А.Н. Муравьевым. Однако если Муравьев приходит к подобной периодизации стихийно, то для Голубинского это последовательное стремление наиболее ярко и наглядно показать эволюцию общественной жизни в рамках той методологии, которую он избрал. В этом автор вновь следует за С.М. Соловьевым, отмечающим значимость исторической личности для истории общества¹¹¹.

Таким образом, в периодизации Голубинского последовательно воплощена идея возникновения и развития в обществе социальных институтов как одного их критериев «исторической жизни» народов, которую он пытается показать в своем произведении. Для Голубинского, как и для Соловьева, органичность исторического процесса напрямую зависела от раскрытия его закономерностей, от тех общих законов, которые определяют развитие социума. Следует отметить, что представление о закономерности развития у Голубинского сохраняет внешний, абстрактный характер; выливаясь в идеалистическую теорию прогресса как основы развития цивилизации.

Наиболее ярко это развитие проявляется в формировании социальных институтов, которые в своей эволюции наиболее информативно отражают цели, к которым стремится социум. Для светской истории – это государство, для церковной – историческая эволюция иерархии. Тем не менее, несмотря на такую жесткую привязку, иерархия в периодизации Голубинского не превращается в совершенно самостоятельную, самодовлеющую силу, организующую повествование, как это получалось у его предшественников. Эволюция церковной иерархии подается автором как эволюция всего русского общества, где первое ставится в тесную зависимость от второго и непосредственную связь с

¹¹¹ «Мы должны изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни, и правительственные лица являются представителями народа вовсе не случайными». (Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов... С. 14).

ним. Тем самым Голубинский возвращает церковь на землю, органически связывает её с развитием русской народной жизни. Это в конечном итоге позволяет ему прийти к простой, но весьма показательной схеме исторической периодизации.

Перечисленные новации, предпринятые Голубинским, как и следовало того ожидать, не были правильно поняты и оценены современниками. Исследователи его творчества увидели в предложенной исторической концепции, и в частности в периодизации, только последствия исторического «гиперкритицизма». Ярким примером такой критики может служить статья И.К.Смолича «К вопросу о периодизации истории русской церкви»¹¹². Последовательно рассматривая решение этого вопроса у русских церковных историков, Смолич приходит в отношении Голубинского к неутешительному для себя выводу. По его мнению, «топографическая» периодизация, предпринятая Голубинским, наименее обоснована. «Он (*Голубинский*. – *Н.С.*) не находит внутри и извне процесса развития Русской Церкви никаких явлений, – пишет Смолич, – которые каким-либо образом повлияли бы на русскую церковную жизнь. Основополагающие, методологические вопросы деления русской истории на определенные отрезки времени у Е. Голубинского отходят на задний план. Его гиперкритицизм мешал ему изобразить эту историю конструктивно и синтетически; невзирая на большие научные знания, острый ум, он упустил необходимость уяснить основные черты истории»¹¹³.

В своей критике Смолич не смог уйти от исторических представлений, сформированных о Голубинском современниками. В основе периодизации Голубинского Смолич увидел только пресловутый географический фактор, разрывающий русскую церковную историю на три части, определение которых целиком связано с политическими центрами русского государства.

Отчасти в этом виноват сам автор «Истории русской церкви». Во втором томе своей работы, возвращаясь к проблеме периодизации, Голубинский вдруг настоятельно начинает именовать свой принцип деления церковной истории «топографическим». Однако в первом томе ни о какой топографии как принципе исторической периодизации автор речи не ведет. Но в продолжении работы о значимости «топографического» фактора в формировании русской истории сказано достаточно

¹¹² *Smolitsch I.* Zur Frage der Periodisierung der Geschichte... S. 66–81.

¹¹³ *Ibid.* S. 73.

много. «Значение топографии в истории как одного из её факторов общепризнанно»¹¹⁴, – начинает свои рассуждения автор. Этот тезис снабжается сноской, в которой автор ещё раз подчеркивает значение географии для развития русской цивилизации¹¹⁵. «Топография проявляет свое влияние в истории, когда играет роль одного из делителей последней на периоды, двояким образом – или так, что новая местность уславливает новую против предшествующей жизнь; или наоборот так, что новая жизнь требует новой местности»¹¹⁶, – продолжает Голубинский.

Подобная фразеология, не встречающаяся в первом томе работы, как бы скрывает те новации, которые ранее предложил автор. Природа страны, географические условия – фактор, хорошо известный современной Голубинскому историографии. Как указывает Н.Л. Рубинштейн, «в общей схеме государственной школы, природа страны являлась единственной решающей силой, определяющей все развитие исторического процесса»¹¹⁷. Внеисторичность этого фактора делала его весьма удобным для маскировки методологических новшеств. Внешняя стихийность, изначальная заданность географии как исторического фактора, формирующего историческую действительность, была близка провиденциализму и принималась в клерикальных кругах. На это, вероятно, и делает ставку Голубинский к моменту выхода второго тома, уже много претерпевший от нападков богословской критики. Эпоха Победоносцева заставила автора быть более осторожным, чем ранее. Скрывать свое новаторство пришлось под более обтекаемыми фразами. «Достаточно пришлось мне выслушать уроков за мои откровенные речи от некоторого класса людей, – напишет Голубинский в финале своего введения ко второму тому, – но и теперь я вынужден только заявить, что не нахожу возможным отказаться ни от одного сказанного прежде слова»¹¹⁸.

¹¹⁴ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. Период второй... Первая половина тома... С. VII.

¹¹⁵ «Как напр. относительно нас – Русских не может не быть общепризнанным, что составляющая половину Европы великая равнина, которую мы занимаем, в значительной степени уславливая собой образование великого русского государства». (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. VII).

¹¹⁶ Там же. С. VII.

¹¹⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография... С. 327.

¹¹⁸ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. VIII.

Основополагающие принципы, заложенные в работе ещё в начале исследования, остались неизменными. История церкви разворачивается в повествовании как история социальной институции, живущей и видоизменяющейся вместе с обществом, и на каждом этапе его эволюции служащей обществу для решения определенных проблем. Развернутые биографии церковных иерархов становятся верстовыми столбами, которые хронологически отмечают комплексы проблем той или иной эпохи, решенные или не решенные данной исторической личностью. Как и С.М. Соловьев, Голубинский видит в исторической личности выразителя стремлений социума¹¹⁹. «Они яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельности, побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом»¹²⁰ – так характеризует Соловьев личность, творящую историю. Полностью принимая это теоретическое положение, Голубинский связывает с исторической личностью все политические коллизии Московского периода истории русской церкви: «Лица правительственные, из преемства которых состоят правительства, бывают или люди обыкновенные или исключительные, так называемые исключительные люди. На великих людей природа вообще чрезвычайно скупа и их везде всегда не помногу. Что же касается до обыкновенных людей, составляющих преемства лиц правительственных, то они суть дети своих обществ, т.е. несколько не возвышаются над ними. По этой причине несколько самим обществом присуща сила движения вперед, настолько же и лицам правительственным присуща энергия двигать их»¹²¹.

Тем самым, показывая эволюцию такого живого организма, которым является общество, он иллюстрирует эту жизнь биографиями реально существующих людей, являющихся частью этого общества, носителями его идеалов. Таким образом, основной строй работы, идея её

¹¹⁹ О роли личности в истории у С.М. Соловьева см.: *Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов...* С. 13–15, *Рубинштейн Н.Л. Русская историография...* С. 326.

¹²⁰ *Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Он же. Чтения и рассказы по истории России.* М., 1989. С. 416.

¹²¹ *Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый...* Первая половина тома. С. XIV.

периодизации, во втором томе не изменились. Автор, как и прежде, стремится показать исторический процесс во всем его многообразии, подчеркнуть сложность и неоднозначность многих исторических событий. Это стремление дать максимально объективную историческую картину, создать «чистое» с точки зрения исчерпанности информации знание становится научным принципом Голубинского.

Однако подобный подход к изучению церковной истории был недооценен критикой. И.К. Смолич считает это главным недостатком произведения: «Во втором томе, где он весь период 1240–1700 подразделяет по отдельным митрополитам и делает своей задачей исследование всех подробностей. Ему не удалось отметить важнейшее и характернейшее. Это делает его труд почти негодными для мирян, и только специалист-историк в состоянии найти правильный путь через его лабиринты»¹²². Это критическое замечание следует рассмотреть подробнее. Складывается впечатление, что Смолич даже не пытается вникнуть в суть мировоззрения автора «Истории русской церкви». Голубинский намеренно уходит от принципов и манеры изложения своих предшественников. Он намеренно не хочет «отметить важнейшее и характернейшее» в каждом историческом периоде, и тем самым свести повествование к очередной назидательной истории. Наоборот, наполнить период содержательной информацией, дать исчерпывающую картину событий (пусть даже противоречивую) – в этом его стремление. Голубинский в своей истории полностью разрывает связь с богословско-назидательной реконструкцией прошлого. Историческое исследование в его работе не ставит перед собой других целей, помимо научного, максимально объективного исторического познания. Взгляд на историю с позиций позитивизма действительно приводит к тому, что его работа становится «историей для историка». Муза исторического бытописательства, свойственная его предшественникам, сменяется в его работе «социальной физикой», определяющей законы исторического развития. К сожалению, это коренное отличие работы Голубинского от всей предшествующей церковной историографии, Смолич не смог или не захотел заметить. Последовательное применение основополагающих принципов позитивизма в работе Голубинского было пропущено исследователями его творчества.

Исторические взгляды Голубинского ярче всего раскрываются в

¹²² *Smolitsch I. Zur Frage der Periodisierung der Geschichte...* S. 73.

авторской трактовке основного вопроса исторического развития. В силу специфичности церковной истории как предмета этот вопрос рассматривался предшественниками Голубинского достаточно стандартно. Рассматривая не столько историю церкви, сколько историю церковной иерархии, историки-клирики психологизировали историю. На первом плане в таких повествованиях выступала историческая личность. Действуя по воле бога, она осуществляла не поддающийся логическому осмыслению божественный замысел. В осуществлении этого замысла сталкивались два противоположных начала: добро, патронируемое праведниками, и зло, возникающее как следствие неутолимых страстей человеческого племени. Тем самым основой изложения делался глубокий исторический психологизм, который превращался не только в средство объяснения хода истории, но и становился самостоятельной литературной темой. Как следствие, описание истории сопровождается постоянным морализаторством и назидательностью. В некоторой степени этому способствовало и само назначение церковной истории как части христианской апологетики. Это определяет и взгляд на историческое развитие. Бог творит историю деяниями праведника, исторический процесс есть не что иное, как постижение праведной личностью промысла божия. Наиболее ярко эти принципы просматриваются в «Историях...» архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова). «Истина и святость... в сознании людей яснее и тверже становятся только подвигами»¹²³, – пишет Филарет, определяя сам объект своего исследования. Описание этих духовных подвигов исторической личности и составляло обычно основу изложения. Наиболее ярко этот аспект воплощается в политико-иерархических отношениях, как следствие, они становились костяком исторического исследования. Единство исторического процесса обуславливается божественным домостроительством, и поэтому не нуждается во внешней схематизации. Это обстоятельство постоянно ставило историков-богословов в тупик, например, при разработке принципов периодизации.

Голубинский разрывает с этой традицией. Механизм общественного движения находится не вне общества, как это считали историки-клирики, а внутри его. Не божественное домостроительство, не деятельность отдельных лиц, патронируемых провидением, а силы, сокрытые в самом обществе, заставляют его двигаться вперед в своем развитии.

¹²³ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 3.

«Человеческие общества движутся вперед сами собой, присущую им силою движения»¹²⁴, – пишет он во введении к первому тому своей работы. На смену промыслу божьему в работе Голубинского приходят законы исторического развития которые Голубинский видит, как постепенное движение общества по пути внутреннего самосовершенствования.

Претерпевает изменение и понятие самого общества. Общество выступает у Голубинского как самоорганизующаяся институция. Если для ортодоксального богословия общество – это большая или меньшая сумма лиц, то для Голубинского это живой организм, ставящий перед собой определенные исторические цели и генерирующий силы для их достижения. Тем самым автор переносит свое внимание с изучения истории личностей на изучение истории социума. Голубинский, как и Соловьев, не отрицает значение исторической личности как таковой, но последовательно уходит от святоотеческих воззрений, отдававших преимущество индивидуальным аспектам жизни человека, а не социальным¹²⁵. Исторические коллизии индивидуального духовного подвига или грехопадения не привлекают Голубинского. Автор видит историческую личность выразителем общественных интересов, как персонафицированную часть этого общества. Исторические личности «суть дети своих обществ», утверждает он¹²⁶. Являясь исполнителями общественных задач, они либо препятствуют, либо способствуют их выполнению. Тем самым Голубинский последовательно утверждает тезис об общей закономерности исторического процесса, где закономерность следует искать не в воздействии абстрактных внешних сил, суть которых не поддается осмыслению, а в самом историческом процессе в его органической целостности.

Согласно воззрениям Голубинского, любое общество наделено внутренней силой движения. «Наше русское общество, наделенное этой силой движения менее или не менее других, во всяком случае прояв-

¹²⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XIV.

¹²⁵ См. Бронзов А.А. Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб., 1901. С. 139–141.

¹²⁶ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XIV; подобные же взгляды высказывал С.М. Соловьев. См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре... С. 415–416.

ляло её весьма слабо»¹²⁷. Мысль о слабости этого внутреннего движения проходит через все сочинение Голубинского. Силу, движущую общество по пути прогресса, автор связывает с внутренней духовностью лиц, составляющих общество. Эта внутренняя духовность складывается из тяги общества к познанию той духовной составляющей, которая его связывает. Русское общество объединено христианством, следовательно, христианская идеология и будет несущей конструкцией общественного развития. Однако познание христианской доктрины невозможно без глубокого духовного образования. Оно, в свою очередь, должно быть связано с общим процессом просвещения, проникающим во все слои русского общества. С глубоким сожалением автор приходит к неутешительному выводу: просвещение в русском обществе всегда не соответствовало уровню его развития. Это в свою очередь тормозило весь процесс общественной жизни. Этот же факт весьма затруднил, по мнению Голубинского, последующее осмысление исторического пути русской церкви.

Поэтому русская церковная история и бедна источниками. Образование общества не могло поднять его до уровня оценки и осмысления собственного духовного пути. «Так как у нас не было никакой образованности и учености, то ничего подобного и не могло у нас быть»¹²⁸, – подытоживает автор свои размышления по поводу полноты источникового комплекса.

Еще более ярко идея развития общества через духовность прослеживается в обосновании авторской периодизации. «Периоды Киевский и Московский собственно представляют собой одно целое, характеризуются отсутствием просвещения, которого мы не усвоили с принятием христианства и без которого оставались до самого Петра Великого»¹²⁹. В начале XVIII века Петровские преобразования кардинально изменили лицо России. Появилась возможность для просвещения широких народных масс, а это в свою очередь должно было изменить весь облик страны. Эти воззрения Голубинского легли в основу оценки его как личности, которую дает протоиерей Флоровский. «Он ждал реформ в быте русской Церкви, прежде всего. Нужно поднять культур-

¹²⁷ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый... Первая половина тома. С. XIV.

¹²⁸ Там же. С. XV.

¹²⁹ Там же. С. XXI.

ный уровень духовенства, усилить его учительскую деятельность, – отвлечь от сохи к книге. Это предполагало изменение социальных условий. Этот личный идеал Голубинского всегда чувствуется в его исторических оценках и характеристиках»¹³⁰, – напишет он в своей работе. Таким образом, идея просвещения как основная часть духовности в России становится тем стержнем, на котором строится авторское историческое повествование.

Характеризуя русскую духовность в её развитии и эволюции, Голубинский чётко выделяет вектор движения от примитивных форм к более сложным: «У всех народов, у которых нет настоящего просвещения, религия должна являться в таком виде, чтобы внешнее более или менее преобладало над внутренним, – условно-формальная обрядность над истинною верою и наружная набожность (религиозность) над истинным благочестием (нравственностью, – как это и у всех образованных народов в низших необразованных классах). Так было и у нас до появления просвещения. Став характеристическою чертой в развитии нашего христианства, это преобладание имело у нас свою историю, состоящую в том, что в продолжение известного времени оно держалось меры или не выступало из нее, а затем впало в крайность. Время меры и время крайности и составляют периоды Киевский и Московский. Текущий период Петербургский есть период водворения у нас настоящего просвещения, а вместе с ним, подразумевается и более совершенного понимания христианства»¹³¹. Этот путь духовного совершенствования, проходящий через всю историю Руси–России, по мнению Голубинского, и будет ярче всего характеризовать движение русского общества к прогрессу. Сообразно этому принципу он и начинает изложение истории русской церкви.

Подобное понимание сущности исторического процесса было продолжением развития идеалистических исторических концепций XIX века. Приоритет духовности как основного двигателя общественного развития, вытекал из философских идей И. Канта, Ф.В. Шеллинга. Подобные же взгляды на историю развивали русские историки-гегельянцы. Идея достижения прогресса в историческом развитии через духовное совершенствование общества, хорошо читается в работах Н.П. Гилярова-Платонова, поклонника идей Гегеля. Мир и в статике и в дина-

¹³⁰ Флоровский Г. Указ. соч. С. 372–373.

¹³¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XXI–XXII.

мике рассматривался как реализация некоего разумного плана. Каждый момент исторического развития представлялся воплощением какой-либо идеи. При этом внутренняя сущность идеи больше не была закрыта от умственного постижения, как это было в богословском провиденциализме. Это стало своеобразным обновлением понимания исторического процесса. Наиболее ярко это обновление заметно в историческом курсе П.В. Знаменского. Балансируя на грани рационализма и богословия в своих попытках постижения истории, он неизбежно уходит от одномерности провиденциальной предопределенности божьего промысла. Эпоха, представления которой протоиерей Г. Флоровский метко окрестил «логическим провиденциализмом»¹³², неуклонно выводила церковно-историческую науку из-под богословского омофора.

Общество требовало от историка новых подходов к анализу прошлого. На фоне либеральных преобразований шестидесятых годов XIX века это требование рассматривалось ученым сообществом практически как директива. В этой обстановке окончательно складываются концептуальные положения исторических представлений С.М. Соловьева, которые составили основу исторических взглядов Голубинского. Идея саморазвития общества, его исторической эволюции, органического единства исторического процесса находит свое отражение в базовых представлениях автора «Истории русской церкви». Тем не менее окончательного разрыва с идеалистическими представлениями об историческом процессе не происходит. Подобный шаг перечеркивал бы весь опыт предшествующей исторической науки. На это не был способен С.М. Соловьев¹³³, этого было просто невозможно представить в творчестве Е.Е. Голубинского.

Либеральный позитивизм, основанный на философских идеях О.Конта, давал возможность взглянуть на исторический процесс по-новому, не меняя многих старых концептуальных и мировоззренческих позиций. Идея общественного развития, основанная на поступательной эволюции человеческого разума как средства познания, при всей своей новизне не разрывала привычных представлений об одухотворенности исторического процесса. Грядущая эпоха научного зна-

¹³² Флоровский Г.В. Смысл истории и смысл жизни // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 105–106.

¹³³ См. Рубинштейн Н.Л. Русская историография... С. 320–322.

ния, построенная на господстве разума как самодовлеющей силы, не разрывала связи с разумным «абсолютом», организующим общественное развитие. Тем самым разум занимал место бога, а бог – разума. Открытая Контом возможность познания через просвещение, казалось, давала возможность «научного» достижения «абсолюта». Тем самым идея бога как такового не отменялась, а просто переводилась в другую, кажущуюся «современной» плоскость. Подобная философская концепция если не примиряла научно-историческое знание XIX века с некоторыми позициями исторического провиденциализма, то давала возможность для их сближения. Сознание верующего человека не разрывалось, позитивизм давал возможность мыслить по-новому, не меняя старых представлений об основах мироздания. Поднимая человека над ними, делая его выше философии, с одной стороны, он не претендовал на раскрытие глубинной сущности явлений, не колебал основы мироздания. Тем самым идея божественного провидения как созидательной части исторического процесса не критиковалась, а просто не рассматривалась. Изменению подвергалась только внешняя сторона научного исследования, которая должна была расстаться с легендарными сказаниями, агиографическими легендами, апологетическим нравоучением. Это выводило церковно-историческую науку на принципиально иной путь, сближало её с передовыми концепциями современной светской истории.

Таким образом, уходя от богословского понимания церковной истории, Голубинский строит свое повествование на следующих принципах, весьма характерных для либеральной позитивистской историографии:

Во-первых, исторические явления реально существовали и зафиксированы в исторических источниках. С этим связано трепетное отношение автора к подбору источниковой информации, его постоянная забота о её качестве. Историческая информация, содержащаяся в источнике, доступна адекватному познанию.

Во-вторых, существует закон причинности, соединяющий исторические явления в ряд или ряды. Тем самым выделяются закономерности развития, непрерывная связь и взаимная обусловленность исторических явлений. Сохраняется целостность исторического процесса во всем его многообразии и конкретности.

В-третьих, исторический процесс воспринимается как картина закономерного развития, или эволюции, от более простых форм к более

сложным. Историческое развитие осуществляется в его внутренней обусловленности и напоминает развитие живого организма. Отсюда история есть процесс «органического развития».

В-четвертых, основной движущей силой, творящей исторический процесс, выступает социум, который в процессе самоорганизации для достижения поставленных исторических целей создает такие институты как государство, правительство, церковь.

В-пятых, история есть наука, не ставящая перед собой никакой иной цели, кроме научного познания прошлого. Тем самым отвергаются все иные смыслы, которые до этого ставились во главу угла при изучении исторического процесса. История не назидание, не нравоучительный рассказ о прошлом, не форма доказательства тех или иных идеологических положений. В церковной истории это, прежде всего, уход от церковной апологетики через беспощадную критику легендарных преданий, житий и ифических образов.

Опираясь на эти принципы, Голубинский и начинает изложение своей «Истории...». основополагающие принципы его исторического исследования получают свою краткую характеристику уже в авторском введении в работу, в котором автор скрупулезно выписывает свое видение целей, задач и приоритетов в разрешении вопросов церковной истории. Все это заставляет подробнее рассмотреть взгляды Е.Е. Голубинского на основные моменты истории русской церкви.

Глава III. Е.Е. Голубинский о начале христианства на Руси

стория русской церкви» Е.Е. Голубинского, как и многие повествования, посвященные древнейшей истории русской церкви, открывается известиями о начальной христианизации Руси и изложением легенды о путешествии в славянских пределах ученика Христа, апостола Андрея. В основу легенды, обосновывающей апостольскую христианизацию Руси, был положен эпизод «Повести временных лет», описывающий путешествие апостола Андрея из Византии в Рим. Согласно легенде, апостол поднимается по Днепру, пророчит славу будущему городу, достигает Новгорода, а далее, следуя через Балтику вокруг Европы, попадает в Рим.

Отдавая должное этой легенде, русские историки относились к ней с большой долей научного скептицизма. Уже в XVIII веке, с самого начала систематического изложения русской истории, легенда о визите Андрея Первозванного на Русь подвергалась серьезной критике. Начиная с Татищева¹ ученые высказывали серьезные сомнения в правдивости приведенных данных. Ещё более категорично по этому поводу высказался А.Л. Шлецер: «Сказание Нестора о хождении апостола Андрея не что иное, как благочестивая сказка, которая в будущем будет повторяться теми, для кого история Церкви – тайна за семью печатями»².

Достаточно критично отнесся к легенде и автор первой «Истории русской церкви» митрополит Платон (Левшин)³. Продолжатель дела митрополита Платона, архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), при всей апологетичности своей «Истории...» высказывается по поводу апостольского крещения Руси весьма сдержанно. ««Страна русская, – говорит пр. Нестор, – пребывала в идольской прелести (когда греки и римляне уже веровали во Христа). Она не слыхала ни от кого

¹ См. *Татищев В.Н.* История Российская. М.–Л., 1962. Т. I. С. 81.

² *Schlözer A.L.* Russische Annalen. Göttingen, 1802. Bd. 2. S. XIII. Цит. по: *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // *Летописи и хроники*–1973. М., 1974. С. 48.

³ *Платон (Левшин), митрополит Московский.* Краткая церковная российская история. М., 1805. С. 12–13.

слова о Господе нашем Иисусе Христе: не ходили к ним (к руссам) апостолы; никем не проповедано для них слово Божие». Так пишет Нестор в житии князей Бориса и Глеба. В другом сочинении, которое писано позже, он передает известие, дошедшее к нему, как вероятно, из Корсуня, о посещении ап. Андреем гор киевских, но передает это известие как частное мнение»⁴. Характерен тот факт, что приведенная выше информация, полностью исчерпывает данные, изложенные Филаретом, по поводу святительской миссии апостола Андрея. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что тема апостольской деятельности Андрея Первозванного как провозвестника христианства на Руси на первый план историками не выводилась.

Ситуация кардинально меняется после публикации в 1846 году, тогда ещё архимандритом Макарием (Булгаковым) работы «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви». Это была первая часть большой работы, предпринятой Булгаковым, составившая впоследствии первый том бесprecedентной по объему «Истории русской церкви». Впервые в русской церковной истории был собран богатейший материал, характеризующий состояние христианского вероучения в Северном Причерноморье и у восточных славян во времена, предшествующие крещению Руси. Значительная часть произведения была посвящена апостольской деятельности Андрея Первозванного. Начиная работу, Макарий ставил своей целью рассмотрение следующих эпизодов апостольского служения Андрея Первозванного: «Для обстоятельного рассмотрения столь важного предания, которое в новейшее время некоторые стали подвергать сомнению, нам, кажется, необходимо разрешить следующие вопросы: I) точно ли и где именно путешествовал святой апостол Андрей в странах наших, II) каким народам он здесь проповедовал, и III) какие были следствия его у нас проповеди»⁵.

В развернутом изложении Макарий суммирует отдельные известия христианских писателей Тертуллиана, Оригена, Ипполита Португальского, Афанасия Александрийского, Иоанна Златоуста, Иеронима о распространении христианства в Европейской Скифии. Явная легендар-

⁴ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 13.

⁵ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994. Т. I. С. 91.

ность сведений не смущала Макария. Истинность высказываний приведенных авторов подтверждалась общими словами о значении их произведений для истории христианства. «Ориген и Ипполит могли узнать о месте проповеди святого апостола Андрея из вторых уст!» – умиляется автор. «В частности, важно свидетельство Оригена потому, что оно действительно и указывает на этот древнейший и несомненный источник, из которого заимствовано...»⁶.

Далее Макарий приводит свидетельства более поздних авторов, таких как Дорофей Тирский, Евхерий Лионский, Епифаний Кипрский. И в заключение переходит к собственно русским летописным сводам, из которых делает вывод о путешествии апостола Андрея по Руси, посещении Новгорода и следовании в Рим северным путем. Так как прямых доказательств этого странствия автор не находит, то вынужден признаться: «...гораздо вероятнее на основании выражения Нестора *якоже рещя* можно полагать, что преподобный летописец воспользовался преданием устным, которое могло сохраниться в наших странах с самого начала христианской эры, хотя ими почти непрерывно владели языческие народы»⁷. Последняя оговорка показывает, что автор безраздельно доверяет преданию, сохраненному в источнике. Даже поверхностная критика приведенных свидетельств автором не производится. Как следствие, рассуждения Макария завершаются весьма благообразным замечанием: «Как бы то ни было, только предание о благовестии святого апостола Андрея даже во внутренних областях нашего отечества не заключает в себе ничего невероятного, и нет основания отвергать его безусловно или принимать за одну идею»⁸.

Подобное замечание автора выделено в тексте работы курсивом не случайно. Историки, современники Макария, относились к легенде о посещении Руси Андреем Первозванным, весьма скептически⁹. При-

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ «Это только идея о древности христианства в земле славянской, предание о том, что в глубочайшей древности к киевлянам приходили проповедники Христовы из Греции и что крест водружен был на горах киевских, т. е., что там уже молились истинному Богу пред знамением Спасителя. Имя святого апостола Андрея Первозванного вошло в предание, вероятно, потому, что оно тесно соединено с историей славян, поселившихся в Восточной империи; ибо, по мнению греков, город Солунь (не Солунь, а Патрас) был

влечение известий историков церкви III–IX веков, к которому прибегает Макарий, вряд ли могло убедить читателей в правдивости легенды о хождении апостола по Днепру и Волхову. Ни в одном из приведенных Макарием текстов не говорится о путешествии Андрея в северную и среднюю полосу Восточной Европы. Булгаков просто допускает подобную трактовку, опираясь на свидетельства русского летописца, якобы почерпнутые из устного предания. Примечательно, что в самой «Повести временных лет», на данные которой опирается автор, нет никаких упоминаний о проповеди Андрея у славян. Речь идет только о путешествии вверх по Днепру, о поставлении креста на месте будущего Киева и о наблюдениях за обычаями славян.

Тенденциозность и апологетичность работы Макария не вызывает сомнения. Не случайно автор заостряет внимание читателей на факте забвения и недопустимого искажения истинного смысла летописной легенды. Макарий попытался подчеркнуть, наполнить жизнью легендарный исторический эпизод, по его мнению, незаслуженно забытый даже историками церкви.

В результате этого все последующие работы, посвященные истории русской церкви, начинались с упоминания путешествия апостола Андрея по славянским землям. В «Руководствах по истории русской церкви» П.В. Знаменского, П.И. Малицкого, А.П. Доброклонского¹⁰ сюжет об апостольском путешествии прописан как сам собой разумеющийся. Естественно, авторы не повторяли масштабных описаний Макария, однако сюжет входит составной частью во все учебные пособия. Таким образом, Голубинский в своей работе не мог, да и не

спасен от славян единственно чудом, сотворенным святым угодником, и побежденные славяне обязались платить дань соборной церкви солунской (патрасской), в которой почивали его мощи (они почивали в это время здесь, а не в Царьграде). Без сомнения, в это время много славян обратились в христианство, приняв по тогдашнему обычаю в покровители святого апостола Андрея» (*Булгарин Ф. (Иванов Н.А.) Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. СПб., 1837. Ч. II. С. 409.*)

¹⁰ *Знаменский П.В.* История русской церкви. (Учебное руководство). М., 2002. С. 10–11. *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви. М., 2000. С. 5–6. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 13–14.

хотел обойти этот исторический эпизод стороной. Начиная свое сочинение, он намеренно следует структуре изложения Макария (Булгакова), последовательно критикуя каждую позицию преосвященного историка.

«Сказание о посещении Руси апостолом Андреем» в изложении Голубинского представляет собой подробный критический разбор как самого летописного предания, так и многочисленных исторических инсинуаций, связанных с ним. Кто бы ни ввел «Сказание...» в исторический оборот, утверждает он, оно должно «свидетельствовать о тщеславии предков наших, как целого народа, который не хотел оставаться в последних и пришел ко Христу около одиннадцатого часа, тем не менее желал перевести себя в первые...»¹¹. Таким образом, уже с первых строк автор показывает свое отношение к легендарному известию. Тем не менее Голубинский не стремится к огульному охаиванию легендарного предания. В своем исследовании он скрупулезно систематизирует византийские источники, на которые опирался Макарий, приводит отрывок из «Повести временных лет» и тут же обращает внимание читателя на первую нестыковку в источниках, которую игнорировал Макарий.

Опираясь на византийские предания, Макарий описывает апостольское служение Андрея в Скифии. Макарий справедливо замечает, что скифами, или тавроскифами, греки именовали все население Северного Причерноморья, в том числе и днепровских славян. Но если апостольская проповедь на побережье Черного моря получила свое описание, то почему и греки, и русский летописец молчат о подобной деятельности Андрея у славян? Путешествие апостола на Днепр преподносится как частная поездка, не связанная с распространением христианства. Макарий не задается этим вопросом, для него информация об апостольском служении Андрея священна и не критикуется.

Для Голубинского ответ очевиден: «Если бы вести апостола в Русь нарочно, то нужно было бы вести его для проповеди христианства людям, а не для благословения необитаемых гор... Но вести апостола в Русь для проповеди христианства людям значило бы сочинить повесть об его путешествии в Русь только для того, чтобы сказать, что приходил к нашим предкам с проповедью христианства апостол и, что они остались глухи к его проповеди»¹².

¹¹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 19.

¹² Там же. С. 24.

Этот факт, по мнению Голубинского, и заставляет летописца «сочинить повесть об его путешествии через Русь мимоходном, случайном»¹³. Подобная историческая натяжка не могла не иметь последствий, летописцу приходится проследивать весь путь от греков к варягам, дабы потом переместить апостола в Рим как конечную точку его путешествия. «Посылать апостола из Корсуни в Рим нашим путем есть одно и то же, что посылать кого-нибудь из Москвы в Петербург путем на Одессу», – с колкостью замечает Голубинский. Несуразность происходящего для него очевидна, и он спешит указать на нее читателям.

Однако на этом колкости Голубинского над летописным эпизодом заканчиваются. Приходит время для исчерпывающего анализа и сопоставления фактов. Отвергая факт апостольского крещения, автор не хочет быть голословным. Голубинский вникает во все тонкости источниковедческого анализа с целью выяснения, когда названный сюжет попадает в русский летописный свод. Историк приходит к выводу, что сказание об апостольской миссии Андрея Первозванного противоречит другому, более древнему тексту, который содержит летопись под 6491(983) годом. «Необходимо думать, – пишет он, – что повесть об апостоле Андрее явилась после времени составления первоначальной летописи и есть в сей последней позднейшая вставка. В другой повести, читаемой в той же летописи, говорится, что «сде (в Русской земле) не суть апостоли учили» и что «телом апостоли не суть сде были». Принадлежит ли эта вторая повесть самому составителю летописи или также есть в ней вставка, но, во всяком случае, она должна быть признаваема старейшею, чем наша повесть»¹⁴.

Не оставляет вниманием Голубинский и слова *якоже реша*, выделенные Макарием. Макарий считал, что эта вставка, внесенная в летопись, говорит о ссылке летописца на устное предание, пользующееся широкой известностью и в дальнейшем попавшее в источник. Разбору этого летописного прецедента Голубинский посвящает целый абзац своего исследования. По его мнению, путаница произошла в результате ошибки при публикации летописи, допущенной Археографической комиссией: «Это *«якоже реша»* поставлено так, что как будто оно относится к следующему за тем описанию пути и путешествия апостола»¹⁵. Это неправильное прочтение источника и порождает мнение, выс-

¹³ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 33.

казанное Макарием (Булгаковым) о происхождении легенды. Голубинский предполагает, что вариант такого прочтения летописи исходит от П.М. Строева¹⁶.

На самом деле, утверждает Голубинский, слова относятся не к последующему, а к предыдущему абзацу летописи. Подобная поправка есть во втором издании Лаврентьевской и Ипатьевской летописи и указывает на то, что апостол служил (согласно легенде) на побережье Черного моря. «По этому морю учил Андрей, брат Петров, *«якоже реша»*, то есть, как о том сказали или говорят некоторые. В этих словах автор повести, несомненно, ссылается или на Епифания и Метафраста вместе, или на кого-нибудь из них одного»¹⁷. Подобная трактовка сюжета выбивала из-под легендарного сказания ещё одну опору, связывающую её с летописной традицией, переводя его из исторического в агиографический канон.

Голубинский хорошо уловил и яркий политический подтекст легенды. Кроме внешнеполитического значения легенды, которым русские пытались утвердить свое равенство с иными народами, Голубинский отмечает и внутривнутриполитический смысл предания, феодальную конкуренцию Киева и Новгорода. Легенда, по его мнению, целиком отражает сторону киевских князей: «у нас в Киеве, апостол изрек пророчество, благословил горы и поставил на них крест, а у вас в Новгороде только подивился на вашу хитрую выдумку самим себя сечь и мучить, о чем рассказывал даже в Риме»¹⁸. В ответ на этот демарш новгородская редакция летописи привносит в сказание сюжет о жезле апостола, который Андрей оставляет в новгородской земле (село Друзино или Грузино на Волхове) во время совершения проповеди. Тем самым новгородцы «отвечают в своей редакции Киевлянам: у вас в Киеве апостол ограничился только тем, что поставил крест на пустых горах, у нас же сделал гораздо больше, заявил к нам благоволение более осязательным способом»¹⁹. Голубинский подчеркивает прагматический характер легендарного сюжета. Закрепившийся в летописном своде поход апостола Андрея будет неоднократно использован в политических

¹⁶ «Неудачное чтение, вероятно, принадлежит покойному Строеву, ибо так стоит в изданном им Софийском Временнике». (Там же. С. 33, сноска).

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 26.

¹⁹ Там же. С. 27.

демаршах, пишет он, приводя в пример, в частности, ответ Ивана Грозного Антонию Поссевину об апостольском крещении Руси. Таким образом, смысл этой летописной вставки был показан автором довольно ярко²⁰.

Датировка появления подобного дополнения в летописном своде приводит Голубинского к выводу, что вставка была сделана в XI веке²¹. Подобного же мнения придерживался и современник автора И.И. Мальшевский²². Впоследствии А.А. Шахматов отодвинет датировку вставки на XII век²³. Б.А. Рыбаков считал, что вставка была сделана рукой самого Нестора²⁴. Современный исследователь О.М. Рапов считает, что вставка была сделана в период 1116–1119 годов²⁵. Таким образом, сам факт вставки уже не вызывает сомнений. Не вызывает сомнений и глубокая политическая ангажированность летописца. Тем самым критика Голубинского становится основой для последующих исторических исследований, воспринимавших апостольское путешествие исключительно как легендарное.

Отношение к путешествию апостола Андрея определяет структуру дальнейшего изложения истории христианства в Северном Причерноморье и у славян. Отвечая на вопрос, кому же мог проповедовать новое вероучение святой Андрей, Макарий (Булгаков), исходя из полного доверия к легендарному преданию, описывает народы, населяющие не только побережье, но и среднее течение Днепра²⁶. Сам факт пропо-

²⁰ Впоследствии сам факт вставки уже не вызывает сомнения. Для А.А. Шахматова он очевиден. Например: «В ПВЛ мы действительно находим рассказ о столпотворении, и вслед за этим в ней говорится о расселении славян; после ясно обличающей вставки о пути из варяг в греки и об апостоле Андрее находим рассказ начального свода об основании Киева...» – Шахматов А.А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 183.

²¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 25–27.

²² См. Мальшевский И.И. Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем // Труды Киевской духовной академии. 1888. 6. Т. II. С. 300–344.

²³ Шахматов А.А. Начальный Киевский летописный... Т. I. Кн. 2. С. 175–184.

²⁴ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 236–240.

²⁵ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 64–65.

²⁶ Макарий (Булгаков) Указ. соч. С. 98–102.

веди у Макария не вызывает сомнения. Не сомневается историк и в широком отклике на проповедь этнических групп населения Причерноморья и днепровских берегов. Желание увидеть славян в Причерноморье заставляет Макария гиперболизировать источниковые данные, указывающие на их присутствие в данном регионе. Гипотетичность многих утверждений такова, что автор зачастую сам сомневается в их достоверности и приводит их лишь в виде некоего существующего мнения. Ярких примеров такого построения в тексте работы немало.

«Должно, кажется, согласиться и с теми, кои думают видеть племя славянское в кровичах (кровизах), которых Плиний полагает за Дунаем же, по соседству с тиргетами, в России, хотя и неопределенно. В пользу этого мнения говорит самое имя народа – кровичи, столь сходное с названием кривичей, по Нестору...»²⁷, – пишет Макарий, предполагая наличие славянского населения на левом берегу Дуная. Желание преосвященного автора всячески расширить зону обитания славян, ввести их племенные объединения в зону бесспорной апостольской проповеди отчасти объясняется тем молчанием, которым обходили этот сюжет его предшественники.

Например, архиепископ Филарет, более чем сдержанно высказывающийся о значимости апостольского служения Андрея Первозванного, сводит христианизацию славян к минимуму. «Только в первой четверти четвертого века начались в южной России частные обращения русских к христианству, и то только частные – лиц, а не целых племен»²⁸, – жестко заявляет автор. Опираясь на те же исторические свидетельства, что и Макарий (Иероним, Иоанн Златоуст, Феодорит), Филарет только предполагает наличие христианства. Даже начало епархиального строительства у варваров, «при Константине Вел., образовалась епархия готфская», рассматривается им как временный успех христианской проповеди²⁹. Заканчивая свой краткий экскурс в историю древнейшей христианизации Причерноморья, Филарет приходит к неутешительному выводу: «Таким образом, по памятникам истории, христиане до IX века были гостями в южной России: несколько лиц, несколько семейств являлись в ней с христианством в душе, но потом пожинались войной или гонением язычества, не оставив по себе движения в

²⁷ Там же. С. 99.

²⁸ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 14.

²⁹ Там же. С. 14–15.

общей массе народа»³⁰. Тем самым древнейшая христианизация причерноморских племен предшественником Макария если уж не отрицалась совсем, то сводилась к незначительным, не имеющим исторического продолжения явлениям.

Та же тема распространения христианства в Причерноморье открывает повествование у Голубинского. Скептическое его отношение к апостольской миссии святого Андрея определяет и структуру самой работы. Повествование в его сочинении открывается экскурсом, посвященным древнейшему христианству на южном побережье России.

Открывая тему, Голубинский уже с первых слов определяет свое отношение к поставленной задаче. «Во времена доисторические христианство вовсе к ним (*славянам. – Н.С.*) не проникало, что в продолжение этих времен оно оставалось вовсе им не известным»³¹. Однако, отстаивая эту позицию, далее на протяжении всей главы Голубинский, опираясь на широкий круг источников, рассматривает все возможные способы проникновения христианства к славянам.

Как и Макарий, описывая население Северного Причерноморья, Голубинский пишет о скифах и сарматах как о собирательном названии разноплеменного населения данной территории³². Это в свою очередь дает ему, как и Макарию, возможность опереться на данные, изложенные церковными писателями III–V веков, в частности Тертуллианом, Афанасием Александрийским, Иоанном Златоустом, Иеронимом. Таким образом, сам факт христианской проповеди сомнений у исследователя не вызывает. Мнения маститых историков церкви не требовали дополнительного подтверждения. Отсюда не требовала дополнительного подтверждения и сама возможность существования христианской церкви на черноморском берегу.

Голубинский не исключает наличия в составе населения Скифии славянского элемента. Тем не менее, в отличие от Макария, не спешит торжественно признать их христианизацию. Автор строит свое предпо-

³⁰ *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви... С. 16.

³¹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 2.

³² «Имя Скиф у одних и имя Сармат у других было не именем этнографическим, принадлежавшим известному народу, от которого бы получила название страна, а географическим, заимствованным от страны, которая называлась Скифией или Сарматией, и усвоившимся жителям этой страны, кто бы они ни были». – Там же. С. 11.

ложение, опираясь на летописные данные о расселении славянских племен. «Два племени из числа славяно-русских племен и подходили под сейчас указанные условия. Эти племена были – племя Уличей и Тиверцев и племя киевских Полян»³³, – отмечает Голубинский. Географически эти племена соприкасались с греческими колониями, что могло породить, наряду с торговлей или обменом и широкое культурное влияние греков на славян. Как следствие, уличи и тиверцы вполне могли усваивать христианские истины от греческих колонистов³⁴. «Относительно киевских Полян, – замечает автор, – представляется весьма маловероятным думать, чтобы во времена доисторические распространилось между ними христианство»³⁵. Подобный вывод автор обосновывает относительной удаленностью полян от центров греческой культуры, приводя в качестве доказательства весьма оригинальное обоснование³⁶.

Источник не дает Голубинскому точного подтверждения как наличия христианства у славян, так и обратного. Казалось вот оно – то место, где пресловутый «критический молот» автора может широко развернуться, но этого не происходит. «Мы не имеем права отрицать возможности того, что между двумя сейчас указанными племенами русских Славян (*уличей и тиверцев. – Н.С.*) было распространяемо Греками Христианство во времена доисторические»³⁷. Не имея возможности отрицать или утверждать, Голубинский оставляет за собой право предполагать. Таким образом, критику, о которой столько было сказано, следует отнести не к сомнению автора в подлинности события, а в сомнении автора в объективности источника. В данной ситуации источник не дает Голубинскому полной исторической картины. Однако

³³ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 3.

³⁴ «При своем соседстве с Греками они могли входить в состав самой церкви греческой, с тем, чтобы находиться в заведовании и получать себе духовенство от ближайших к ним епископов греческих». (Там же. С. 15).

³⁵ Там же. С. 12.

³⁶ «В подтверждении наших слов можем сослаться на наш собственный пример: хивинские и бухарские купцы давно приезжают на Макарьевскую ярмарку, чтобы продавать свои товары и закупать русские товары, и однако, несмотря на это, мы оставались в почти совершенной неизвестности об их странах, пока не дошли до последних сами». (Там же. С. 12–13).

³⁷ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 8.

претензий к качеству информации источника у автора нет, следовательно, он вполне вправе предполагать, что он и делает. «Во времена доисторического христианства могло распространиться от Греков между двумя племенами Славян, именно – у Тиверцев с Уличами и у киевских Полян. Очень мало вероятности думать, чтобы оно действительно распространилось между вторыми и напротив есть достаточная вероятность думать, что оно, в более или менее незначительной впрочем, степени, распространилось между первыми. Предполагая маловероятное, что оно распространилось и между Полянами, необходимо будет относить совершенное его исчезновение у них очень задолгому времени до настатия времен исторических»³⁸. Завершая свое повествование по теме этой тирадой, Голубинский как бы примиряет два мнения в истории русской церкви. Он не поддерживает мнения Филарета (Гумилевского), отрицавшего христианизацию. Но не встает автор и на сторону митрополита Макария, спору с которым и посвящалась эта вступительная статья. Тем не менее, формируя свое предположение, автор четко позиционирует себя в отношении к данной теме.

Другой важной темой, продолжающей древнейшую историю появления христианства у славян, становится так называемое «Фотиево крещение Руси». События, связанные с первым крещением руссов, нашли отражение в целом ряде исторических источников, являющихся важнейшими для истории Юго-Восточной Европы в IX веке. Это, прежде всего такие известные византийские летописи, как Хроника продолжателя Феофана, хроника Симеона Логофета, хроника Георгия-монаха, хроника Скилицы Кедрина, хроника Зонары. Сюда же примыкает анонимная хроника по фамилии своего издателя именуемая Хроника Кюмона. Рассказ о тех же событиях содержится в Житии патриарха Игнатия, составленном Никитой Пафлагонским, и в письме Иоанна, патриарха Антиохийского, императору Алексею Комнину. Важнейшие сведения содержатся также в двух беседах патриарха Фотия (860 г.) и его «Окружном послании восточным патриархам» (867 г.).

На основании этих известий историки смогли восстановить картину события довольно подробно. В июне 860 года правивший в то время в Византии император Михаил III с войском и флотом отправился в поход против сарацин. В это время у стен города появились пришедшие с берегов северного побережья Черного моря корабли «варварс-

³⁸ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 17–18.

кого народа рос». Положение столицы сразу стало критическим. Однако заступничество Богородицы помогло снять осаду. Чудотворные её ризы после крестного хода были погружены в воды Босфора, что вызвало бурю, рассеявшую корабли нападавших. Руссы, сраженные божественным вмешательством, смиренно попросили греков о крещении.

История «Фотиева крещения» в течение длительного времени была предметом острой полемики и в светской исторической литературе. Имеющиеся источники не содержали однозначного ответа на вопросы: кто были упомянутые в них руссы по этнической принадлежности, и где была их родина. В результате тема стала яблоком раздора в споре норманистов и антинорманистов. Исследователи по-разному интерпретировали исторические свидетельства о руссах, крестившихся при патриархе Фотии, в зависимости от того, какова была их точка зрения на этот вопрос. Начиная с дискуссии Г.З. Байера и М.В. Ломоносова, вопрос об этническом характере руссов стоял довольно остро. В дальнейшем идеи Байера были развиты в работах последующих норманистов А. Шлецера³⁹, Ф. Круга⁴⁰, А.А. Куника⁴¹, считавших, что под именем руссов источники подразумевают норманнов скандинавского происхождения. С опровержением этого взгляда выступали И.Ф.Г. Эверс⁴², Н.М. Карамзин⁴³, П.Г. Бутков⁴⁴, А.В. Федотов⁴⁵, они отстаивали киев-

³⁹ Шлецер А. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. (Сличенные, проверенные и объясненные А. Шлецером) / Пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809–1819. Ч. II. С. 86–116.

⁴⁰ *Krug Ph.* Forschungen ältern Geschichte Russlands. SPb., 1848. S. 465–538.

⁴¹ Куник А. Тожество русо-язычников и норманнов, подтверждаемое посланием папы Николая I от сентября 865 г. // Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I. (Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена). С. 169–178.

⁴² Эверс И.Ф.Г. Предварительные критические исследования для российской истории / Пер. с нем. М. Погодина. М., 1825. Кн. II. С. 240–273.

⁴³ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 2003. Т. I. С. 86–90.

⁴⁴ Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.

⁴⁵ Федотов А.В. Руссы, в 866 г. напавшие на Константинополь, точно ли были руссы киевские, как сказано в наших летописях // Труды Общества истории и древностей российских. М., 1830. Ч. 5. Кн. I. С. 7–52.

кое происхождение нападавших на Константинополь руссов. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что тема нападения руссов на Константинополь и последующего крещения была известна читателю и получила обсуждение в научных кругах.

Церковная история рассматривала вопрос о «Фотиевом» крещении как сам собой разумеющийся исторический факт. Архиепископ Филарет (Гумилевский) не сомневается в этом факте, рассматривая руссов как киевских жителей. «По несомненному голосу истории, киевская Русь вняла евангельской проповеди при киевских князьях Аскольде и Дире»⁴⁶, – пишет он в первой строке небольшого по объему параграфа, посвященного этому событию. Для Филарета факт крещения бесспорен, он даже не затрудняет себя проверкой изложенных в источниках фактов, приводя короткий пересказ самой легенды, которая и становится основой его изложения.

Подобный подход явно не соответствовал духу времени. История «Фотиева» крещения была много сложнее, чем это представил Филарет. Уже Карамзин, например, обращает внимание на противоречивость сообщений Фотия и Константина Багрянородного о крещении Руси. В «Окружном послании» Фотия определенно говорится, что крещение Руси произошло при нем, Фотии, а Константин VII приписывает крещение руссов своему деду Василию I и патриарху Игнатию, сменившему на патриаршем престоле Фотия. Карамзин вышел из положения достаточно просто, как ему показалось, примирив две позиции, изложенные в источнике. «Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной»⁴⁷. Не мог быть разрешен однозначно и вопрос об этнической принадлежности руссов. Филарет не останавливался на этом вопросе, считая имя руссов синонимом русских⁴⁸. Таким образом, вопрос был значительно сложнее, чем это описывала удачная для своего времени, но очень краткая «История...» Филарета. Макарий (Булгаков) пытается преодолеть этот недостаток. Его характеристика проблемы отличается от изложения предшественника как большим объемом, так и более серьезной аргументацией в наиболее спорных сюжетах.

⁴⁶ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 16.

⁴⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 90.

⁴⁸ См.: Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 16–18.

Следуя по пути Карамзина⁴⁹, Макарий видит в Аскольде и Дире прежде всего русских государственных мужей, родоначальников будущей монархии. «Известно, как основывалось наше отечество. Первый камень ему положен был в России северной, преимущественно в Новгороде; другой – в то же время в России южной, в Киеве. Здесь первыми князьями являются три брата варяго-русса: Рюрик, Синеус и Трувор, по приглашению; там так же два мужа варяго-русса Аскольд и Дир»⁵⁰. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности у Макария отходит на второй план. На первом плане стоит вопрос о государственной принадлежности осадивших Константинополь руссов. У автора этот вопрос сомнения не вызывает: «До шести греческих летописцев, упоминающих о нападении руссов на Царьград при Михаиле, описывают и другой поход руссов, приходивших, по их словам, из Киева... Между теми и другими руссами они не делают ни малейшего различия, тех и других называют одними именами и, очевидно, считают за один народ»⁵¹.

Подобная аргументация, основанная во многом на предположении, придает сочинению яркие апологетические черты. Для Макария, очевидно практически все, что укладывается в его видение исторического сюжета и способствует выявлению божественного замысла. Как следствие, основные положения источников принимаются им безоговорочно. «Прежде всего, сама сущность события и главнейшие его черты изображены здесь как нельзя более ясно и определенно, изображены так, что не остается никакого места сомнению в их подлинности»⁵². Для автора очевидно, что нападение и поражение руссов под стенами Константинополя было частью божьего промысла, не вызывает сомнения и последовавшее за этим крещение язычников. Аргументация подлинности событий не идет дальше констатации, что «в этом нас уверяют семь свидетелей, из которых один был не только современником события (Фотий), но и главнейшим в нем действующим»⁵³.

Не вызывает у автора сомнения и последующее крещение Аскольда и Диры. Несмотря на то, что византийские источники не говорят по

⁴⁹ «Таким образом, варяги основали две самодержавные области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге» (Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 90.)

⁵⁰ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 196.

⁵¹ Там же. С. 199.

⁵² Там же. С. 198.

⁵³ Там же.

этому поводу ни слова, Макарий находит для подтверждения своей версии свойственный ему аргумент. «Но могло ли это быть иначе? Аскольд и Дир были очевидцами чудесной бури у стен Константинополя, которая возбудила в них мысль о величии Бога христианского и первое желание креститься»⁵⁴.

Единственный вопрос, которому автор посвящает значительную часть своих размышлений, это разрешение спора о патриархе, проводившем крещение. В дискуссии на тему, чьи же епископы прибыли на Русь, Фотия или следовавшего за ним патриарха Игнатия, Макарий занимает четкую позицию, подкрепляя её добросовестным историческим анализом. По его мнению, крещение руссов принадлежит патриарху Фотию: «И если мы говорим, что именно Фотий, а не Игнатий первый насадил у нас христианскую веру, то потому только, что нас удостоверяют в том несомненные свидетельства»⁵⁵. Однако следует заметить, что подробный разбор этого эпизода, как и все остальное сочинение, носит яркий апологетический характер. «Фотиево» крещение в историческом анализе Макария предстает как ещё один аргумент в споре с Римской курией⁵⁶. Не признавая Игнатия как восточного патриарха, принявшего некоторые римские новации, Макарий как бы предвосхищает спор, возникший впоследствии между двумя церквями.

Изложение «Фотиева» крещения митрополитом Макарием можно признать наиболее полным историческим сочинением, написанным в то время в России. Более того, сочинение наглядно продемонстрировало пример изложения подобного рода исторических сюжетов, надолго став образцом в исследовании древнейших сюжетов русского христианства.

Можно уверенно предполагать, что именно этот факт и толкает последователя преосвященного историка, Е.Е. Голубинского на детальный разбор этого сюжета в своей работе. Основанием для подобного предположения могут быть уже первые строки, которыми Голубинский открывает свое исследование: «Начало речей о нашем христиан-

⁵⁴ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 204.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Достоинно замечания, почему писатели Римской Церкви, несмотря на все это, усиленно стараются доказать, что первые семена христианства насадил у нас не Фотий, а Игнатий. На этом они строят свою любимую мысль, что в России с самого начала введено было не греческое православное исповедание, а исповедание римское». (Там же. С. 203).

стве времен исторических или о нашем христианстве историческом составляет вопрос о крещении киевских князей Аскольда и Дири»⁵⁷. Автор тут же в сноске упоминает, что крещению киевских князей предшествовало столь же легендарное крещение новгородцев в крымском Суроже⁵⁸, которое Макарий в своем исследовании игнорировал. Тем самым Голубинский строит свое сочинение по плану предшественника, а «сурожское» крещение приводит потом, в своеобразном приложении к главе, посвященной Аскольду и Диру⁵⁹.

Кратко передавая в начале главы суть самого события, Голубинский переходит к постановке исследовательской задачи. «Вопрос, следовательно, заключается в том, справедливо ли наш летописец относит сказания Византийцев о неизвестных Руссах к Аскольду и Диру и действительно ли первых можно принимать за последних» – размышляет он и тут же сам на него отвечает: «Мы полагаем, что ответ должен быть дан отрицательный»⁶⁰. Доказательство этого положения достигается автором довольно просто. Прежде всего Голубинский задумывается над вопросом, как могло случиться, что столь серьезный политический акт, как принятие христианства, не оставил никаких следов в народной памяти. Приведенная Макарием легенда о том, что на предполагаемой могиле Аскольда был возведен храм святого Николая Чудотворца как некое доказательство крещения Аскольда⁶¹, Голубинским была отвергнута. По его меткому замечанию, подобный факт крещения не прошел бы мимо составителей летописи. Кроме того, традиция устанавливать христианские храмы на месте языческих святилищ, хорошо заметна в действиях князя Владимира по укреплению принятого им христианства⁶².

⁵⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 35.

⁵⁸ См. сноску. Там же. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 52–62.

⁶⁰ Там же. С. 37.

⁶¹ «Как на более прямое доказательство крещения Аскольдова справедливо указывает на то, что первые наши христиане над могилою сего князя имели церковь святого Николая, быть не может, чтобы они согласились построить христианский храм над могилою язычника» (Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 204). Легенда была взята Макарием из сочинения архиепископа Иннокентия (Смирнова). См.: *Иннокентий (Смирнов), архиепископ*. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. М., 1834. Т. I. С. 4.

⁶² «Владимир приказал ставить первые церкви «по местом, идеже (прежде)

Далее Голубинский напоминает, что собственно русская летопись не сохранила упоминания о крещении киевских князей. Логика летописца, по мнению Голубинского, была предельно проста. «Нашед в греческом летописце, бывшем у него под руками, рассказ о нападении Руссов на Константинополь, он относит его к Аскольду и Диру, потому что за неимением других, известных ему, Руссов это представляется ему совершенно вероятным; но он не имел под руками тех греческих летописцев, которые говорят о крещении Руссов, нападавших на Константинополь, а потому он ни чего не говорит о крещении Аскольда и Дира»⁶³. Таким образом стихийность возникновения летописной вставки о походе киевских князей на Константинополь у Голубинского не вызывает сомнения.

Раз сам факт нападения руссов на Константинополь при Аскольде и Дире вызывает сомнения, может вызвать сомнение и дата самого нашествия. В результате анализа источников, который детально представлен автором в работе, Голубинский приходит к выводу, что летописный сюжет о нападении руссов может быть датирован не 866, а 860 или началом 861 года⁶⁴. Как следствие, Аскольд и Дир не могли напасть на Константинополь, так как вообще ещё не пришли на Русь.

Следующий важный вопрос, на котором останавливается Голубинский, это вопрос об этнической принадлежности нападавших руссов. Версии его предшественников, сводившиеся к утверждению, что приплывшие под стены города были руссами киевскими, по мнению автора, не выдерживают критики. Голубинский опять опирается на предположение, что столь значительный религиозный акт не мог не остаться в легендах и летописном предании. Доказательства архиепископа Филарета, построенные на свидетельстве арабского писателя Массуди, по мнению историка, не могут быть надежными из-за высокой гипотетичности изложенного арабским ученым⁶⁵. Кроме этого, Филарет как бы

стояху кумиры» (лет. под 988 г.), т.е. свидетельство торжества христианства над язычеством». (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 38, сноска).

⁶³ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 38.

⁶⁴ «Итак, в действительности нашествие Руссов на Константинополь имело место не в 866-м году, а или в 860-м или самом начале 861-го (Никита Пафлагонский). А если это так, то Аскольд и Дир не только не могли напасть на Константинополь, но ещё приходили в саму Россию». (Там же. С. 40).

⁶⁵ «Преосв. Филарет ссылается на арабского писателя Массуди (Масуди), который писал: «из Склабов (Славян) одни – христиане, другие язычники»,

выдает Массуди за современника событий, каковым он не является, что и показывает Голубинский, опираясь на современную ему работу А.Я. Гаркави⁶⁶.

Опуская без комментариев утверждения митрополита Макария, Голубинский начинает размышлять над возможным местом дислокации легендарных руссов. Опираясь на топонимический анализ, взятый из широкого круга источников, он демонстрирует блестящее дедуктивное построение, обосновывающее его мнение о том, что только проживающие на данной территории люди могли оставить в истории такое количество географических названий⁶⁷. Источниковый анализ так увлекает автора, что сама тема крещения руссов отходит на второй план. Голубинский целиком поглощен рассмотрением вопроса, демонстрируя блестящее применение дедуктивно-индуктивного метода в историческом исследовании. Выводом становится «Азовско-Таврическая» дислокация руссов. По мнению Голубинского, напавшие на Константинополь руссы могли прийти с территории Причерноморья, расположенной в районе Нижнего Подонья и Азовского моря⁶⁸.

Несмотря на всю спорность подобного утверждения, основанного исключительно на логике автора, версия Голубинского впоследствии получила свое продолжение. Так в 1882 году выходит сочинение Д.И. Иловайского⁶⁹, который высказывает мысли о так называемой «Тмутараканской Руси», в дальнейшем это положение войдет в его курс русской истории⁷⁰. В работе В.А. Пархоменко также высказывается предположение, что в источниках речь идет об обращении в христианство азовско-тмутараканской Руси. Отделение от Руси днепровской произошло якобы в тридцатые годы IX века, «когда приступлено было

и потом говорил: «из всех склабских царей сильнейший есть Дир» – Ист. цер. I, § 2 fin.. (Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 18. прим. мое – Н.С.). Но каких славян понимает Массуди, остается вообще неизвестным...» (См. Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 41, сноска).

⁶⁶ См.: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С.137, 167.

⁶⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С.41–45.

⁶⁸ Там же. С. 45.

⁶⁹ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

⁷⁰ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории // Очерки отечественной истории. М., 1995. С. 120.

Византией и хазарами к построению крепости Саркела»⁷¹. Опуская факт того, что подобное деление руссов не подтверждается никакими источниками, мы можем предположить, что приведенные Голубинским аргументы поступают в научный оборот. Наличие славянского элемента, проживающего на данной территории, впоследствии было подтверждено рядом работ. В разное время об этом писали Б.А. Рыбаков⁷², А.П. Смирнов⁷³, Л.С. Клейн⁷⁴. Наличие на этой территории легендарного славянского города Русия, предполагал А.П. Новосельцев⁷⁵ и Б.А. Рыбаков⁷⁶. С доводами Голубинского соглашается А.В. Карташев, широко цитирующий их в своих «Очерках...»⁷⁷. Иеродьякон Никон (Лысенко), ссылаясь в своей работе на археологический отчет В.И. Чалого о раскопках в устье Дона в 1980–1981 годах, пишет о комплексах погребений, содержащих византийские вещи, в частности, нательные кресты⁷⁸. Таким образом, сейчас, возможность существования на данной территории племенного объединения руссов не вызывает сомнения.

При всей спорности вопроса о дате нашествия руссов на Константинополь⁷⁹ версия Голубинского о датировке события 860 годом полу-

⁷¹ Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк по истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913. С. 52–53. См. так же С. 56, 61.

⁷² Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани // Крым. 1952. С. 12–14.

⁷³ Смирнов А.П. К вопросу о славянах в Крыму // Вестник древней истории. 1953. № 3. С. 32. Смирнов А.П. К вопросу об истоках приазовской Руси // Советская археология. 1958. № 2. С. 270.

⁷⁴ Клейн Л.С. Перун на Кавказе // Советская этнография. 1985. № 6. С. 116–123.

⁷⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 403.

⁷⁶ Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1952. № 43. С. 17.

⁷⁷ Карташев А.В. Очерки... Т. I. С. 72–73, 75.

⁷⁸ Никон (Лысенко), иеромонах. «Фотиево» крещение славяно-руссов и его значение в предыстории крещения Руси // Богословские труды. М., 1989. Т. 29. С. 35.

⁷⁹ О.М. Рапов не без основания замечает: «Что касается датировки Голубинского, то ею нельзя воспользоваться, так как она не подтверждается другими источниками: нам точно не известно, когда прибыли Аскольд и Дир в Киев и прибыли ли они туда вообще» (Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства... С. 88).

чила подтверждение в ряде исторических сочинений. В частности, знаменитый русский литургист Н.Ф. Красносельцев, изучая Типик церкви святой Софии Константинопольской IX века, обнаружил запись об осаде города руссами под 860 годом⁸⁰. К таким же выводам пришел А.П. Папандопуло-Керамевз⁸¹. Согласен с этой датировкой и Ф.М. Россейкин, в работе которого подробно изложено состояние Константинопольской церкви в эти годы, описана осада города руссами⁸². Принимает датировку Голубинского и А.В. Карташев⁸³, приводящий в качестве довода работу Ф. Кюмона, опирающуюся на перевод византийской хроники Манассии, где также упомянута дата 860 год⁸⁴. Несмотря на то что в современной историографии, благодаря работе Б.А. Рыбакова⁸⁵, существует мнение о трех походах руссов на Константинополь, в 860, 866 и в 874 году, версии одного похода 860 года отдает предпочтение большой круг исследователей⁸⁶. Таким образом, научное значение исследования Голубинского бесспорно. Тщательный анализ источников позволил ему прийти к выводам, во многом определившим будущие исследовательские дискуссии. Церковная история под его пером все дальше и дальше уходит от того образа, который создали предшествующие поколения историков.

Следующим сюжетом древнейшей истории русской церкви, на котором останавливает свое внимание Голубинский, становится «Сурожская легенда» о крещении новгородского князя Бравлина. Закончив повествование о набеге Аскольда и Диры, Голубинский как бы воз-

⁸⁰ Красносельцев Н.Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1891. Т. 2. С. 156–254.

⁸¹ Папандопуло-Керамевз А.П. Акафист божьей матери. Русь и патриарх Фотий // Византийский временник. СПб., 1903. Т. X. Вып. 3–4. С. 379.

⁸² Россейкин Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915. С. 114–122.

⁸³ См.: Карташев А.В. Указ. соч. С. 73–74.

⁸⁴ Cumont Fr. Chroniques du Byzantins du manuscrit 11370 // Anecdota Bruxellensia: Recueil des Travaux publiés par la Faculté des Philosophie et des Lettres. Fasc. 9. Gand. 1894. P. 33.

⁸⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи... С. 165–169.

⁸⁶ См. историографический обзор: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 48–82.

вращается назад в своем повествовании и начинает рассказывать о легендарном событии, связанном с личностью епископа Стефана Сурожского, изложенном в его «Житии...». Возвращение к этому сюжету не было для автора случайным. Макарий в своей работе как бы обошел стороной этот исторический сюжет. Как указывает А.Н. Сахаров, в XIX веке многие ученые отождествляли события сурожской легенды с крещением Владимира Святославовича в Херсонесе⁸⁷.

Можно уверенно предполагать, что Макарий придерживался этой же точки зрения. Упоминание о Бравлине встречается в работе только однажды и связано с сюжетом крещения Владимира. В сноске Макарий предельно ясно демонстрирует свое отношение к предмету: «Здесь кстати припомнить легенду, помещенную под конец рукописного жития святого Стефана Сурожского, которая, по-видимому, могла образоваться под влиянием искаженных рассказов о крещении великого князя Владимира»⁸⁸ – таким комментарием предваряет он рассказ о чудесном исцелении новгородского князя. «Неизвестно, когда и где составлено рассматриваемое нами житие и в какой мере можно положиться на его сказания. И если в самом содержании жития есть некоторые частности, вполне согласные с достоверными известиями истории, то есть и некоторые несообразности и даже ошибки, которые не могут возбуждать к нему доверия»⁸⁹, – подводит черту под своими размышлениями Макарий. Подобное отношение к рассматриваемому сюжету послужило причиной того, что автор не стал рассматривать его подробно.

Можно предполагать, что этот факт и заставил Голубинского обратиться к тексту жития как историческому источнику. Прежде всего, он не согласился с гипотезой, согласно которой «Житие св. Стефана Сурожского» является русским произведением, написанным значительно позднее описываемых событий. По мнению Голубинского, в русском тексте чувствуется перевод греческого оригинала. «По всем признакам несомненно, что житие происхождения греческого, а не русского.

⁸⁷ «Норманисты и в XIX, и в XX вв. полагали, что описание нападения русской рати на Сурож попросту отражает факт крещения Владимира Святославовича в Херсонесе и создано в XI в., а может быть, и позднее» (Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 26.)

⁸⁸ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 313, сноска 574.

⁸⁹ Там же. С. 313.

Отсутствие же его в греческих рукописях, равно как и отсутствие самого Стефана в греческих святцах объясняется тем, что последний был святой не общий, а только местный – Сугдайский⁹⁰. Голубинский датирует историю нападения на Сурож «приблизительным образом к продолжению первой – началу второй четверти IX века»⁹¹.

Далее Голубинский приводит свою версию того, как житие попало на Русь. По его мнению, это стало следствием широких торговых связей Сурожа. Вместе с купцами текст жития мог попасть достаточно далеко от своей родины. Автор «Истории русской церкви» предполагает, что источник был переведен на русский язык на севере или на северо-западе Руси. Это объясняет тот факт, что руссы, участвовавшие в нападении на город, названы новгородцами. «Если переводчики были из северной Руси, то они должны были предположить под Русскими Новгородцев потому, что в древнее время в северной Руси был один только Новгород, которому можно было бы усвоить поход в чужие земли»⁹². Переводчик, по мнению Голубинского, называет руссов новгородцами, так как не мог предположить наличие других дружин с таким названием. Не располагая данными о «Азово-Таврической» Руси, переводчик был вынужден оперировать данными, имевшимися под рукой.

Приведенный материал, хорошо показывает цель, которую преследовал Голубинский, вводя «Сурожскую легенду» в изложение. Сюжет нападения руссов на Сурож при полной нелепости упоминания там новгородцев, лучше всего мог подчеркнуть наличие рядом с местом события другой Руси – Таврической. Таким образом, поход на Сурож становится ещё одним доказательством мощного военного объединения руссов в Причерноморье уже в первой четверти IX века. Дальнейшие рассуждения автора только подтверждают эту мысль. Голубинский практически опускает сам факт крещения. Как и в предыдущем эпизоде, представленном в исследовании, его больше привлекает эт-

⁹⁰ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 54. Кроме этого, Голубинский обращает внимание читателя на некоторые несообразности в тексте самого источника. «Между прочим, и в подчеркнутых нами словах: «и паки в ужасе – князю», по всей вероятности, должно видеть искажение переводчиком не понятого им оригинала». См. сноску. Там же. С. 54.

⁹¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 56.

⁹² Там же. С. 59.

ническая история Причерноморья и её влияние на формирование государственных отношений в Древней Руси. Опираясь на лингвистический анализ, к которому он прибегает для объяснения многих исторических сюжетов, Голубинский пытается осмыслить противоречивость понятий в древнейших исторических источниках. Например, он дает весьма оригинальное объяснение противопоставлению названий руссы и варяги⁹³ (впоследствии его с минимальными изменениями вставит в свои лекции по русской истории С.Ф. Платонов⁹⁴). Таким образом, на первый план снова выходит тема норманнского влияния на славян и греков, расстановка политических сил в регионе, участие норманнов в исторических событиях, их роль в создании исторических предпосылок возникновения русского государства.

Дискуссия на тему «Сурожского» крещения между историками XIX века нашла свое отражение в историографической части исследования В.Г. Васильевского, впервые напечатанного в 1883 году. Автор подверг тщательному рассмотрению работы ведущих современных ему ученых. В частности, мнения Макария (Булгакова) и Е.Е. Голубинского⁹⁵. Занимаясь непосредственно этим историческим эпизодом, Васильевский подвергает известия о Бравлине тщательному анализу⁹⁶. В частности, ему удалось убедительно доказать, что легенда была создана в Византии, тем самым версия Голубинского о греческом проис-

⁹³ По мнению Голубинского, варягами (Varing, Våring) называли себя сами норманны (от waga – клятва, присяга). Славяне же называли их на финский манер руссами (от Rotsi, Ruossi). Как следствие, «Норманны, поселившиеся между нашими Славянами для владения (как и сами эти уже Славяне), назывались Руссами, потому что с этим первым именем поселились (которое и осталось за ними навсегда), но Норманны так сказать норманнские, Норманны, приходившие тогда (во времена его – летописца) из Нормании, не назывались уже Русскими, а Варягами» (*Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 60–62*).

⁹⁴ «Как славянское название сумь означало тех финнов, которые сами себя называли suomi, так у славян название русь означало, прежде всего, тех заморских варягов – скандинавов, которых финны звали guotsi. Это название руси ходило среди славян одинаково с названием варяг, чем и объясняется их соединение и смешение у летописца. Имя русь переходило и на славянские дружины, действовавшие вместе с варяжской русью, и малопомалу закрепилось за славянским Поднепровьем» (*Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2004. С. 62*).

хождении источника нашла подтверждение в отдельном историческом исследовании. Васильевский датирует источник X веком, но считает, что написан он был раньше корсунских событий. По его мнению, факт нападения русской рати на крымское побережье действительно имел место в конце VIII или начале IX века и не вызывает сомнения⁹⁷. Усомнился Васильевский только в масштабе чудес, совершенных Стефаном Сурожским. «Гораздо правильнее было бы утверждать, что описанного события вообще никогда не бывало...»⁹⁸ – замечает он.

Дальнейшее исследование этой темы принадлежит Е.Э. Липшиц, доказавшей, что сказания о походах руссов по Черному морю выходят из-под пера дьякона Игнатия, известного византийского писателя первой половины X века и могут быть датированы периодом между 825 и 842 годами⁹⁹. Точку зрения Васильевского и тех, кто был близок к ней по выводам, поддерживает и М.В. Левченко¹⁰⁰, который также считает «сурожскую легенду» исторически достоверной.

Таким образом, выводы Голубинского о греческом характере источника впоследствии были подтверждены целым рядом исследователей, а его датировка несильно отличалась от принятой современной наукой. Нашло свое место в историографии и его предположение об Азово-Таврической Руси. Можно уверенно констатировать, что исследование Голубинским этого исторического эпизода имело вполне объективный, научный характер и заслуженно вошло неотъемлемой частью в комплекс историографии, посвященный данному вопросу.

Связующим звеном между первыми известиями о проникновении христианства на Русь и крещением князя Владимира Святославовича, в истории русской церкви становится повествование о первых христианах во времена князей Олега, Игоря и княгини Ольги. Архиепископ

⁹⁵ См. *Васильевский В.Г.* Введение в житие св. Стефана Сурожского // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Июнь. С. 99–109.

⁹⁶ *Васильевский В.Г.* Введение в житие св. Стефана Сурожского // *Его же. Труды.* Пг., 1915. С. CXLII–CCLXXXVIII.

⁹⁷ Там же. С. CCLXXII–CCLXXIII.

⁹⁸ Там же. С. CCLXXIV.

⁹⁹ *Липшиц Е.Э.* О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. М., 1948. С. 312–330.

¹⁰⁰ *Левченко М.В.* Очерки русско-византийских отношений. М., 1956. С. 11–12, 45, 53.

Филарет (Гумилевский) в своей «Истории русской церкви» уделяет этому историческому сюжету очень незначительный по объему параграф, пронизанный глубоким апологетическим звучанием¹⁰¹. Пафосность изложения оставляет за бортом повествования глубокую научную составляющую и неоднозначность приведенных исторических фактов. Филарет не видит необходимости вторгаться в уже сложившийся комплекс представлений, вникать во все хитросплетения и неоднозначность исторических источников. Лейтмотивом становится назидательный рассказ о предтечах христианского озарения русской земли. Как следствие, образцом стилистики повествования и основным источником становятся летописные своды и жития, данные из которых автор компилирует с определенным смыслом и порядком. Однозначность трактовки исторических источников делает работу Филарета бесспорной. Подобное изложение вполне устраивало непредвзятого читателя, однако назвать его научным не позволял здравый смысл.

Следуя по стопам Филарета, Макарий во многом сохраняет стилистику и общий дух повествования. Как и для Филарета, смыслом изложения данного сюжета становится иллюстрация промысла божьего, наставляющего человечество и приводящего его к спасению через принятие христианства. Как и его предшественник, Макарий характеризует времена правления князя Олега как время отхода от начатков христианской веры, заложенной Аскольдом и Диром. Тем не менее быть вне христианского мира Олегу уже не позволяла политическая ситуация, в которой он находился. «Олег и не намеренно, но знакомил руссов с евангельскою верою»¹⁰², – констатирует Филарет, предваряя повествование о договоре князя с греками 911 года. Несмотря на то что при заключении договора руссы клянутся своими языческими богами сам факт посещения Константинополя, дипломатических переговоров толкал их на ближайшее знакомство с восточным христианством. В этом мнении сходятся оба преосвященных историка. Объясняя неуспех христианской проповеди при Олеге, Макарий ссылается на психологические причины, не позволяющие варягам-воинам принять религию, проповедующую смирение и ненасилие. «Не удивительно, если они остались нерасположенными к вере, которая явно противоречила их отличительным склонностям и привычкам; это ясно видно из последую-

¹⁰¹ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С.18–23.

¹⁰² Там же. С. 19.

щей истории великого князя Святослава»¹⁰³, – сетует митрополит Макарий. Тем не менее интересы торговли и политики диктуют неизбежное сближение руссов и греков и, как следствие, подготавливают язычников к принятию новой веры.

Единственное, в чем расходятся в описании этого периода митрополит Макарий и архиепископ Филарет, так это в оценке степени влияния греческого христианства на руссов. Если Филарет, не вдаваясь в анализ ситуации, следуя за источником, заявляет о существовании русской епархии¹⁰⁴, то Макарий рассуждает более осторожно¹⁰⁵. По его мнению, присутствие христиан в этот период на Руси было минимальным, что можно было объяснить только неприятием христианского вероучения правящей верхушкой русского общества. Сходятся оба историка-клирика только в одном – в том, что сквозь тернии русского язычества начинают прорастать всходы будущего христианства.

Голубинский строит свое сочинение по совершенно другому принципу. Оттолкнувшись от легенд, он переходит к временам начала русской государственности, получившим отражение в летописных сводах. Тем самым исследователь вновь подчеркивает свои научные приоритеты. Общество должно дорасти до христианства. В процессе этого роста сначала должно сложиться государство как первый социальный институт, и только после этого появится церковь. Это свое мнение автор выражает максимально категорично с первых строк повествования об этом историческом периоде: «Мы должны начать здесь свои речи с того, чтобы назвать ошибочными и неправильными обыкновенные пред-

¹⁰³ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 208.

¹⁰⁴ «При Олеге греки полагали в России особую епархию, 60-ую в числе подведомых константинопольскому патриарху» (Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 19).

¹⁰⁵ «С другой стороны, известно, что в уставе императора Льва Премудрого (886–912), который был современником нашему князю Олегу, в числе митрополий, подвластных Цареградскому патриарху, упоминается уже на 60 месте митрополия Русская. Но должно сознаться, что она упоминается не во всех списках устава, а только в некоторых, и есть основание думать, что она внесена в некоторые списки этого устава в позднейшее время. А поэтому несправедливо было бы заключать, будто во дни Олега число христиан у нас увеличилось, так что они составляли особую епархию» (Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 208).

ставления о христианстве в России за пространство времени от начала государства до общего крещения князем Владимиром всей страны»¹⁰⁶.

Далее Голубинский прямо обращается к своим предшественникам, видевшим в догосударственной истории Руси периоды возвышения и падения христианства. По его мнению, христианство, попав на русскую почву, вместе с варягами-христианами укоренилось на ней изначально. Однако рассчитывать на широкое признание религия не могла. И дело тут не в том, что верхушка общества не принимала христианских ценностей, дело в том, что не возникли условия для формирования церкви как институции. Поэтому Голубинского в этом историческом периоде в большей степени интересует история возникновения государства, чем история церкви. Как следствие, он опять возвращается к констатации варяжского влияния на русскую историю. «История нашего государства началась тем, что, быв добровольно призваны или (что гораздо вероятнее) не добровольно приняты, пришли владеть нами норманские Варяги-Русь»¹⁰⁷. Именно эти варяги, по мнению Голубинского, и пронесли христианство через всю догосударственную эпоху¹⁰⁸. Время правления Рюрика и Олега как раз и является этим периодом, когда христианство существует, но ещё не укоренилось в широких народных массах. Разговор о якобы учрежденных на территории Руси епархиях Голубинский просто игнорирует. Для него эпоха первых князей это латентный период бытования русского христианства. «Как бы то ни было, наша летопись ни чего не говорит о христианах Варягах при двух первых великих князьях, и мы положительно можем сказать только, что они явились в Киев не позднее как в правление Игоря»¹⁰⁹. Именно с Игоря Голубинский и начинает отслеживать историю русского христианства.

Наличие в дружине Игоря воинов-христиан сомнения у историков не вызывало. Этот факт следовал из текста русско-византийского договора 944 года, включенного в «Повесть временных лет». Сам договор Голубинский рассматривает достаточно подробно, но начинает он свое

¹⁰⁶ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 63.

¹⁰⁷ Там же. С. 63.

¹⁰⁸ «Христианство впервые явилось в Киеве и до времени св. Владимира существовало в нем и вообще в России если не единственным, то по крайней мере, главным образом между этими отдельными от коренных Славян Варягами» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 63–64).

¹⁰⁹ Там же. С. 64.

повествование с анализа предшествующей литературы и прежде всего с критики утверждения Филарета (Гумилевского) о широком распространении христианства среди руссов с 922 года¹¹⁰. Это весьма краткое замечание, которое Филарет делает мимоходом, опираясь на известия арабского респондента, заставляет Голубинского предпринять целое исследование, дабы выяснить, откуда взялось это неверное утверждение¹¹¹. Вникая во все тонкости историографического анализа Голубинский доказывает, что подобное утверждение было следствием неточного цитирования, которое допускает М.П. Погодин¹¹².

Подобная придирчивость автора может быть объяснена только одним обстоятельством. Голубинский ещё раз пытается подчеркнуть: общество не готово к массовому принятию христианства. Указания, говорящие об обратном, не могут выдерживать не только критики, но и элементарного историографического анализа и являют собой не что иное, как просто ошибочное мнение автора, построенное на чьей-то некомпетентности.

Второе, к чему обращается Голубинский, рассматривая эпоху князя Игоря, это русско-византийский договор 944 года. Упоминание в нем руссов-христиан не могло пройти мимо церковных и светских историков как первое упоминание о массовом переходе к новой религии. В отечественных исторических работах XVIII – первой половины XIX веков история походов Игоря против Византии и последующее заключение русско-византийского договора излагались в основном повествовательно, в полном соответствии с летописными данными. Устоявшаяся схема нарушается в начале XIX века, когда А.Л. Шлецер, верный своим скептическим взглядам на русско-византийские отношения X века, бросил тень на это дипломатическое соглашение, заподозрив в нём фальсификацию. Свои сомнения в подлинности документа Шлецер аргументирует молчанием о договоре иных источников, кроме «Повести временных лет», отсутствием сведений о подобном соглашении в византийских хрониках, запутанностью и лингвистическими несоот-

¹¹⁰ «Арабам в 922 году известно было, что руссы обращаются к христианской вере» – Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 19.

¹¹¹ См. сноску: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 64–65.

¹¹² «Тут случился с Погодиным не совсем понятный и не совсем извинительный недогляд (хотя, впрочем, недогляды случаются со всеми)». (Там же. С. 65).

ветствиями в самом тексте договора. Все это порождает в светской исторической литературе длительную дискуссию, точка в которой не поставлена по сей день¹¹³.

Церковная история видела в договоре 944 года прежде всего свидетельство массового перехода в христианство варягов, составляющих основной военный контингент Киевской Руси. Филарет (Гумилевский) в своей «Истории...» с пафосом пишет о массовом христианстве среди варягов¹¹⁴. Митрополит Макарий (Булгаков) считал, что в княжение Игоря христианство уже распространилось по Руси. «При новом договоре нашем с греками в 944 г. жители России в статьях договора разделяются уже на крещеных и некрещеных, и крещеные везде поставлены на первое место – до такой степени успело возрасти число христиан в нашем отечестве!»¹¹⁵, – отмечает он. Кроме этого, преосвященный историк обращает внимание на описание Константином Багрянородным приема послов эмира Тарсийского в 946 году, где говорится, что многие руссы-христиане были во дворце и держали в руках знамена¹¹⁶.

Обращает внимание Макарий и на упоминание в Киеве церкви Святого Ильи, «где давала присягу христианская Русь, и эта церковь называется *соборной*»¹¹⁷. Понятие соборной церкви предполагало наличие и других церквей, подчиненных Ильинской. Это в свою очередь рисовало картину массового христианства в Киеве и его ближайшей округе. Макарий, как и его предшественник Филарет, настаивает на соборной функции Ильинской церкви, несмотря на то, что прочтение этого слова в летописном своде было далеко не однозначно.

Однако несмотря на широкое распространение христианства на Руси, население в массе своей, согласно Макарию, оставалось языческим. И прежде всего потому, что княжеская власть в лице Игоря, была к новой религии холодна. «Язычество, по-видимому, покрывало всю Россию и почиталось религиею господствующею, потому что сам великий князь был язычник. Надлежало ещё святой вере взойти на великокняжеский престол, стать на этой высокой свещнице, чтобы соде-

¹¹³ Исчерпывающий историографический обзор по данному вопросу см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси... С. 211–222.

¹¹⁴ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 19.

¹¹⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 208.

¹¹⁶ См. сноску № 489 там же. С. 307.

¹¹⁷ Там же. С. 208.

латься видимою от всех и окончательно разогнать мрак идолопоклонства»¹¹⁸. Таким образом, по мнению Макария, окончательную победу христианства может принести только крещение главы Руси, великого князя.

Голубинский, как и его предшественники, прямо указывает, что мирный договор Руси с Византией является неоспоримым свидетельством бытования христианства на Руси. Тем не менее тут же со свойственной ему скрупулезностью он начинает проверять на прочность всю доказательную базу, посвященную этому историческому эпизоду. И первым под огонь его критики попадает сам договор 944 года.

Следуя по пути скептиков, Голубинский сомневается в подлинности текста, приведенного в летописном своде. Опираясь на выводы Н.А. Лавровского¹¹⁹, он считает, что текст договора представляет собой достоверную копию греческого перевода этого дипломатического соглашения¹²⁰. Однако последовательность изложения материала в самом соглашении вызывает у Голубинского недоверие. Его внимание привлекает то, что согласно тексту договора, преобладающей силой в русском обществе того времени были христиане. «В официальном договоре с другим народом киевские Варяги позволяют, чтобы сторона христиан, которая была не господствующею, везде была поставлена выше стороны язычников, которая была господствующею»¹²¹, – отмечает Голубинский. Мало того, продолжает он, в договоре четко проводится линия, что христиане во всем первенствуют над язычниками и именно им принадлежит право вершить государственные дела: ««Мы же елико насъ крестилися есмь»... – говорят они о себе, а о язычниках – в третьем лице (и как бы пренебрежительно) – «а не крещенная Русь полагают»»¹²². Другими словами, согласно тексту договора, в древнерусском обществе, христиане составляют преобладающее большинство. Язычники же находятся в меньшинстве и, как следствие, на втором плане. Но здравый смысл говорит историку обратное.

Таким образом, либо текст договора представляет собой более

¹¹⁸ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 209–210.

¹¹⁹ См.: Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853. С.139–140.

¹²⁰ См. сноску: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 66.

¹²¹ Там же. С. 68.

¹²² Там же.

позднюю фальсификацию, либо религиозное состояние русского общества той поры было не так однозначно, как это принято считать. Так как сам текст договора, безусловно, является подлинником, следовательно, христианство в сороковые годы X века было широко распространено. Распространение это прежде всего коснулось варяжских дружин, составлявших военные контингенты как в Византии, так и на Руси. Их переход на службу к киевскому князю пополнял его дружину христианами. По мнению Голубинского, это и сыграло свою роль в широком распространении христианства в ближайшем окружении Игоря и, как следствие, сделало его самого приверженцем новой веры. Игорь характеризуется автором как «внутренний» христианин, вынужденный на людях демонстрировать свои языческие предпочтения.

Причины этого двуличия для Голубинского очевидны. Как и раньше он получает ответ, анализируя динамику развития общества. «В глазах своих подданных Славян он все ещё остается таким же чуждым пришельцем, какими были Олег и Рюрик. По всему этому он ещё не мог чувствовать себя на своем престоле слишком твердо. Но не чувствуя себя твердо на престоле, он не мог отважиться и на такое важное дело как перемена веры... Впоследствии положение Владимира было совсем не то, что положение Игоря. Он успел уже превратиться из Варяга в Славянина, так что Славяне смотрели на него, как уже на своего природного государя»¹²³. И так, «внутреннее» христианство Игоря, объясняется тем, что само общество не готово ещё к принятию новой веры, а политическая власть князя ещё не способна ввести новую религию сверху. «Таким образом, не желая серьезно рисковать престолом, Игорь и остался наружным язычником, хотя сделался внутренним христианином»¹²⁴.

Продолжая свою мысль о «внутреннем» характере христианства в Древней Руси, Голубинский, в отличие от своих предшественников, по-иному квалифицирует и статус Ильинской церкви в Киеве. Он читает её название дословно, так, как оно написано в летописи, «сборная». Считая это определение рабским переводом с греческого, Голубинский утверждает, что речь идет об обыкновенной приходской церкви¹²⁵. Наличие же церковной структуры, предполагающей бытование собор-

¹²³ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 71.

¹²⁴ Там же. С. 71.

¹²⁵ Там же. С. 71–72.

ной церкви и периферийных храмов, ученый отвергает как не имеющее под собой основания.

Подобный взгляд на религиозное состояние русского общества времен князя Игоря, можно считать весьма оригинальным. Не располагая достаточной источниковой базой, и, как следствие, вынужденный использовать метод исторического синтеза, автор расширяет современные ему константы церковной истории. Голубинский идет дальше своих предшественников, не увидевших за «церковью» кардинальных изменений в общественном быте Киевской Руси. Они видели церковь в истории только как религиозно-иерархическую институцию. В отличие от предшественников, рассматривающих церковь в истории только как религиозно-иерархическую институцию, Голубинский впервые начинает рассматривать христианство как историю мировоззренческих изменений внутри общества, целиком связанных с его развитием. Это был новый взгляд на данную эпоху не только с позиций церковного историка, но и с позиции светской исторической науки, подававший этот период стандартным изложением русской летописи.

Взгляды Голубинского на «внутренний» характер христианства самого Игоря из последующих историков без оговорок поддерживал только М.Д. Прислков. «Договор 945 года заключался в тот момент, когда у власти в Киеве стояла партия христианская, желавшая приобщения Киева к христианской культуре. К ней принадлежал и сам князь Игорь, официальное положение которого не позволяло ему лично перейти в новую веру, пока не будут выяснены приемлемые условия установления церковной иерархии в его державе»¹²⁶, — отмечает он в своей работе. Последующие историки, либо сомневались, либо принимали тезис Голубинского лишь частично. Ярким примером неприятия приведенных выводов является работа Н. Полонской, которая отвергает положение Голубинского о главенствующей роли христиан в политической жизни Руси¹²⁷. М.В. Левченко в своей работе, посвященной русско-византийским отношениям, детально разбирая этот вопрос с точки зрения политических связей Руси и империи, разделяет мнение Голубинского лишь частично. Он не соглашается с выводом о широкой христи-

¹²⁶ Прислков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. ... С. 12.

¹²⁷ Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // Журнал министерства народного просвещения. Пг., 1917. № 9. С. 60

анизации руссов. По его мнению, договор ярко свидетельствует лишь об успехе христианства как религии в тот период времени на Руси. Но в массе своей Русь была и оставалась языческой¹²⁸. Мнение Левченко разделяет и Б.Д. Греков, считающий, что договор между Византией и Русью говорит лишь о том, что христианство в этот период было хорошо известно на Руси¹²⁹. Подобное же замечание делает в своей работе Б.Я. Рамм. «Летописный рассказ 945 года убедительно свидетельствует о том, что последователей христианства было на Руси тогда уже не мало. Вместе с тем в этом же тексте имеется и указание, из которого необходимо сделать вывод, что в целом Русь придерживалась ещё старых религиозных верований»¹³⁰, – замечает он.

Б.А. Рыбаков характеризует эпоху Игоря как переломную в отношении к христианству. Он интерпретирует текст договора как бесспорное свидетельство того, что христианство как религия утверждается на Руси. Согласно Рыбакову, торговые отношения между Русью и Византией способствовали проникновению новой религии в верхушку феодального общества. Однако к мнению Голубинского о христианстве князя Игоря академик не присоединяется. Игорь, по его мнению, жил и умер язычником. Тем не менее христианство пустило на Руси уже столь глубокие корни, что Рыбаков определяет Ильинскую церковь как соборную и предполагает наличие других христианских храмов¹³¹. Тему распространения христианства при князе Игоре можно завершить мнением Н.С. Гордиенко, который указывает на необоснованность характеристики Игоря как христианина. Однако не подвергает сомнению широкое распространение христианства на Руси в этот период. «Княжеско-боярская верхушка Киевской Руси присматривалась к христианству и частично приобщалась к нему, все больше убеждаясь в пригодности христианской религии для выполнения их социально-политического заказа»¹³², – подытоживает он.

¹²⁸ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 165–166.

¹²⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 477.

¹³⁰ Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1969. С. 29.

¹³¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 367–368.

¹³² Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1986. С. 69.

Не нашло подтверждения и другое предположение Голубинского, высказанное им в «Истории русской церкви». Преувеличивая роль иностранцев, в частности норманнов, в истории Руси, он заявляет о распространении грамотности среди варяго-руссов, что, по его мнению, было связано с их христианизацией¹³³.

Таким образом, несмотря на критику большинства положений Е.Е. Голубинского о широком распространении христианства на Руси, высказанная им гипотеза прямо не противоречила исторической объективности. Голубинский в своей работе пытается оторваться от исторического стандарта, изложенного в «Повести временных лет». Несмотря на явные преувеличения, допущенные им в работе, он раскрывает значение договора 944 года не только как дипломатического документа, но и как дополнительного свидетельства христианизации Руси. В этом он идет дальше своих предшественников, подвергая через текст договора анализу и критике всё сказанное до него об эпохе князя Игоря. Бесспорным остается его вывод о том, что христиане уже играют значительную роль в Киевском государстве. Это, в свою очередь, говорит о том, что как сам Игорь, так и языческая верхушка Киевской державы были заинтересованы в христианах, проживающих на этой территории.

После трагической смерти князя Игоря верховная власть в Русском государстве сосредотачивается в руках его вдовы Ольги, которая, по преданию, становится первой русской христианкой. Несмотря на важность такого шага, как личное принятие христианства, светская историческая литература весьма холодно отнеслась к летописным событиям, освещающим этот эпизод истории. И прежде всего под огонь критики попали данные о сватовстве византийского императора к Ольге.

Уже В.Н. Татищев, опиравшийся в своих реконструкциях на летописные памятники и в частности на Иоакимовскую летопись, отмечает всю важность крещения княгини. Однако скептически относится к данным о её возможном втором браке, отмечая, что на момент посещения Константинополя Ольге было не менее шестидесяти восьми лет¹³⁴. М.В. Ломоносов считал, что нелепое сватовство обидело Ольгу, и усматривал в этом причину плохого приема византийской миссии в Киеве¹³⁵. М.М. Щербатов оценил сюжет о сватовстве как народную сказ-

¹³³ См. текст и сноски: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 73–74.

¹³⁴ Татищев В.Н. История Российская... Т. II. С. 47.

¹³⁵ Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского на-

ку¹³⁶, чем во многом сформировал отношение к этому историческому эпизоду у многих поколений историков, которые тем не менее не устали повторять её в своих работах. А.Л. Шлецер саркастически оценивал сюжеты не только дипломатических переговоров в Византии, но и сам факт крещения Ольги в столице империи¹³⁷. Н.М. Карамзин, как и его предшественники, считал, что «народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку»¹³⁸. Тем не менее история принятия христианства получила в его работе наибольшее освещение по сравнению со всей предшествующей литературой¹³⁹. Несмотря на это тема принятия Ольгой христианства в изложениях светских историков всегда уходила на второй план. На первом месте в их исследованиях стояли дипломатические задачи, которые русская княгиня выполняла в Константинополе¹⁴⁰. Как следствие, тема нуждалась в дополнительном освещении с позиций церковной истории.

Филарет (Гумилевский) в своей «Истории русской церкви» удостоил первую христианку незначительным по объему упоминанием, которое в своих оценках не выходило за рамки летописного и агиографического канона: «Одаренная светлым, пронзительным умом, Ольга видела непорочную жизнь христиан и понимала, что язычество не воспитывало таких людей... И сердце её пленилось евангельскою истиною»¹⁴¹. За возвышенным стилем повествования исчезла и та историческая составляющая, которую приоткрыл Карамзин. В результате подробное описание деяний первой русской христианки стало для церковной истории просто необходимым. Эту задачу и берет на себя митрополит Макарий.

Перед преосвященным историком стояла достаточно сложная задача. В русском христианстве имя княгини Ольги всегда стояло вровень с таким историческим персонажем, как святой князь Владимир.

рода до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952. Т. 6. С. 236.

¹³⁶ *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1901. С. 222–223.

¹³⁷ *Шлецер А.* Нестор. Русские летописи... Ч. III. С. 363, 373, 397, 411–412.

¹³⁸ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 109.

¹³⁹ Там же. С. 108–109, 112.

¹⁴⁰ См. историографический обзор: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 262–270.

¹⁴¹ *Филарет (Гумилевский).* Указ. соч. С. 21.

Как и он, Ольга удостоилась называться святой и равноапостольной. Православная церковь всегда отводила ей важную роль в утверждении христианского вероучения на Руси. Как следствие Макарий подходит к проблеме со всей ответственностью. Разбирая вопрос о крещении Ольги, он пытается разрешить три основные проблемы. Прежде всего проблему, которая так интересовала светских историков, о причинах дипломатической миссии в Константинополь. И ещё два важных вопроса, окончательные ответы на которые до сих пор не даны¹⁴². Это вопросы о месте и времени крещения русской княгини. Принимая во внимание, что по этой теме со времен Макария в научный оборот не введен ни один новый источник, автор, несмотря на всю сложность решения поставленной проблемы, дает совершенно определенные ответы на поставленные вопросы.

С первых строк своего исследования Макарий показывает прекрасное знакомство со всей предшествующей его исследованию историографией. Он отмечает, что на момент его исследования уже сложился круг мнений о проблеме, поэтому идти по пути Филарета, и просто опереться на летописные сведения автор не может. Прежде всего он хочет разобраться в причинах, побудивших Ольгу к поездке в византийскую столицу. Версия Татищева¹⁴³, согласно которой Ольга отправилась в Константинополь для крещения, так как не могла совершить этот обряд в Киеве из-за сопротивления языческого большинства, Макария не устраивает. «Если в Киеве открыто исповедовали святую веру даже простые жители, имея у себя храмы и пастырей, и народ это терпел, народ не смел восставать на христиан при веротерпимости великого князя, то ужели могла поопасаться народа одна только супруга этого князя?»¹⁴⁴ – вопрошает Макарий. Ответ дается тут же. В сложившихся условиях, после смерти Игоря, вся полнота власти была в руках княгини и, следовательно, Ольга была сильнее любой оппозиции. Кроме этого, в Киеве той поры уже достаточно и христиан, и храмов.

Следует заметить, что подобный вывод Макарий делает на основании своего же предположения о соборности храма Святого Илии Про-

¹⁴² См. историографический обзор: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 114–119.

¹⁴³ *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 47.

¹⁴⁴ *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 211.

рока, который он упоминает, рисуя бытность князя Игоря. Автор как бы забывает, что эта мысль ранее высказывалась им как предположение, которое требовало доказательств¹⁴⁵. Однако рассуждая о временах княгини Ольги, Макарий оперирует положением о широком распространении христианства в Киеве как фактом.

Не привлекает Макария и объяснение столь дальнего вояжа чисто дипломатическими целями, которое высказал М.М. Щербатов¹⁴⁶. Мысль же А.Л. Шлецера¹⁴⁷ относительно того, что Ольга предприняла путешествие как царь Петр Великий «для одного только внешнего просвещения и образования», вызывает у преосвященного историка возмущение¹⁴⁸.

Более всего привлекает автора точка зрения, высказанная Н.М. Карамзиным, которую Макарий цитирует дословно. «Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец её перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека»¹⁴⁹. Подобная трактовка причин как нельзя более подходила для церковно-исторического произведения, написанного историком-клириком. Далее развивая повествование, историк-митрополит подчеркивает, что Ольга приняла крещение ещё в Киеве из рук своего духовника отца Григория¹⁵⁰. Другими словами, принятие христианства язычницей не было стихийным явлением на фоне ослепительного благолепия константинопольских храмов. Это был обдуманый шаг, который привел Ольгу в лоно церкви. Макарий лишь подчеркивает, что русская церковь как вечное, не преходящее явление, как часть

¹⁴⁵ «В том же самом месте летописи говорится о киевской церкви святого Илии, где давала присягу христианская Русь, и эта церковь называлась соборною. Такое имя заставляет *допустить* (курсив мой. – Н.С.), что в Киеве были тогда и другие церкви». (Там же. С. 208).

¹⁴⁶ *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен... С. 222–223. См. также: *Болтин И.Н.* Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. 237.

¹⁴⁷ *Шлецер А.* Нестор. Русские летописи... Ч. III. С. 364–365.

¹⁴⁸ *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 212.

¹⁴⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 108. См. также: *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 212.

¹⁵⁰ *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 213.

вселенской церкви существовала всегда и готова была принять к себе страждущую душу. Жизнь церкви не зависит от воли сильных мира сего, но сильные в свою очередь целиком зависят от церкви, к которой прибегают в трудные для себя часы. Тем самым Макарий лишней раз подчеркивал, что русская церковь уже учреждена богом и существует как таковая, ожидая, когда же государство в лице княжеской власти обратит наконец на нее должное внимание. Именно поэтому Макарий и подчеркивает мысль, что Ольга прибывает в Константинополь уже христианкой, да ещё и в сопровождении священника, которого автор считает славянином¹⁵¹.

Второй вопрос, который волновал Макария, это дата посещения княгиней Ольгой Константинополя и, следовательно, её византийского крещения. В определении даты исследователь придерживается мнений, высказанных его современниками, и прежде всего И.Г. Штриттером¹⁵² и А.Л. Шлецером¹⁵³. Макарий опирается на расчет пасхалий, выполненных историками, и приходит к выводу, что посещение византийской столицы было возможно для Ольги только в 957 году, а не в 955, как полагал цитируемый им Карамзин¹⁵⁴. «И значит, совершителем над нею святого таинства был не патриарх Феофилакт, скончавшийся в 956 г. 27 февраля, а знаменитый ученостью и добродетелями преемник его Полиевкт»¹⁵⁵, – приходит к заключению историк.

И, наконец, последний вопрос, поднятый Макарием, это проблема посещения Руси епископом Адальбертом, посланцем императора Оттона I. Западноевропейская хроника Продолжателя Регинона Прюмского приписывают инициативу этого визита княгине Ольге, которая обратилась к немецкому императору с просьбой прислать ей пресвитера.

В рассмотрении этого вопроса Макарий ссылается на мнения историков-предшественников, показывая две позиции, которые были сформированы по этому вопросу. Прежде всего, это позиция А.Л. Шлеце-

¹⁵¹ См. сноску № 504: *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 309.

¹⁵² *Штриттер И.Г.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Собраны и хронологическим порядком расположены И. Штриттером. СПб., 1770–1775. Т. 3. С. 47–55.

¹⁵³ *Шлецер А.* Нестор. Русские летописи... Ч. III. С. 403–408.

¹⁵⁴ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 108.

¹⁵⁵ *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 215.

ра¹⁵⁶, митрополита Евгения (Болховитинова)¹⁵⁷ и П.Г. Буткова¹⁵⁸, которые считали, что известие хроники относится к киевским руссам, и отождествляли королеву ругов Елену с Ольгой. Второе мнение, принадлежит Карамзину и ряду других исследователей, которые считают, что речь в хронике идет об острове Рюген и жителях, там обитающих¹⁵⁹. Историческую версию Карамзина Макарий берет за основу и вводит в свое исследование. Он приходит к выводу, что миссия Адальберта посетила не Русь, а остров Рюген, где с ней и приключились события, описанные в хронике. Далее преосвященный историк не без основания заявляет, что если бы Ольга и являлась инициатором подобного приглашения, «ужели бы она допустила, чтобы его изгнали из России, и с таким бесчестием?»¹⁶⁰. Характерно, что сам факт дипломатических сношений Ольги с Оттоном I Макарий не отрицает, однако делает необходимое в этом случае замечание: «Послы нашей княгини могли быть у Оттона по каким-либо делам политическим, а совсем не по делам веры». Оттон же, «известный своей необычайной ревностью в распространении римской веры», предпринял попытку укрепления позиции римской курии на Руси¹⁶¹.

Подводя черту под этой частью своего исследования, Макарий сводит свои размышления к стандартному упреку, адресованному папскому престолу. «Вообще, как ни маловажно в нашей церковной исто-

¹⁵⁶ Шлецер А. Указ. соч. С. 452.

¹⁵⁷ Евгений (Болховитинов), митрополит. Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825. С.58.

¹⁵⁸ Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков... С. 443.

¹⁵⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 112. См. также: Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах: О значении имени руссов // Маяк. 1842. Т. 5. № 9. Отд. 1; Савельев-Ростиславич Н.В. Этнографико-историческое объяснение Тацитовой Германии и решение вопроса: кого называть готфами и гутонами? // Славянский сборник. СПб., 1845. С. 290–301; Соколов. Исследования о времени и месте крещения княгини Ольги. Опыт воспитания 5 курса // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1832. Вып. I. С. 192; Гедеонов С.С. Отрывки исследований о варяжско-русском вопросе // Записки Академии наук. 1862. Кн. I. С. 112.

¹⁶⁰ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 216–217.

рии это событие, т.е. посольство к нам немецкого епископа Адальберта, но оно, неоспоримо, принадлежит ей и останется памятником того, как рано начались попытки поборников римской веры к распространению на Руси своего влияния¹⁶². Решив, таким образом, вопросы исторические, Макарий углубляется в житийные сюжеты, связанные с дальнейшей биографией Ольги и её отношений с сыном Святославом.

Изложение этого исторического сюжета Макарием можно смело назвать эталонным для подобного рода исследования. Автору удалось выдержать точный баланс между агиографией и историей и провести свою исследовательскую линию через все коллизии современной ему исторической науки. Главное же, что удалось историку, это при всей научности изложения не разрушить легендарной сути данного сюжета, ни на шаг не отойти от канонического образа, созданного русским национальным историческим сознанием, не поколебать в читателе уверенности в истинности и правдоподобию летописного образца.

Исходя из вышесказанного, можно было ожидать, что продолжатель дела Макария в церковно-исторической литературе беспощадный критик Е.Е. Голубинский обрушится на преосвященного автора со всей силою своего «критического молота», дабы оправдать свое новаторство в церковной истории. Но этого не происходит. Весьма плодovitый в синтезе новых взглядов на проблемы, жесткий и даже жестокий в сравнительном анализе автор вдруг сводит свое исследование к серии констатаций, более напоминающих реферат, чем научное исследование темы. Неудивительно, например, что впоследствии А.Н. Сахарову в своем историографическом обзоре, остается только заметить, что Голубинский в своей работе только повторяет мнения предыдущих исследователей¹⁶³. Такого же мнения придерживается и О.М. Рапов¹⁶⁴ в работе, посвященной крещению Руси. Суть подобного явления следует рассмотреть подробно.

Единственное отличие от мнения большинства предшественников Голубинский демонстрирует в первых строках своего исследования. Здесь он со свойственной ему последовательностью снова констатирует, что Ольга, варяжка по происхождению, была «такая же отделенная

¹⁶¹ Там же. С. 216.

¹⁶² Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 217.

¹⁶³ Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 264.

¹⁶⁴ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства... С. 177–178.

от Славян иностранка, как предшествующие Варяги-христиане и как все вообще Варяги времен Игоря»¹⁶⁵. Этими словами, автор ещё раз подтвердил свой уже отмеченный норманизм, но не внес в исследование ничего большего. Ольга для Голубинского «внутренняя христианка», яркая представительница латентного периода установления новой веры на Руси. «События принятия Ольгой христианства изъясняются так же просто, как просто предполагается внутреннее обращение к нему её мужа Игоря»¹⁶⁶. Заметно с первого взгляда, что автора не волнуют вопросы, которым Макарий посвящает значительную часть своего исследования: когда и где крестилась княгиня Ольга, прибыла она в Константинополь христианкой или язычницей.

Чуть большее внимание Голубинского привлекает дата прибытия Ольги с миссией в Константинополь. Вдохновение как бы возвращается к исследователю, и он одаривает читателя прекрасным историческим анализом источников, по окончании которого приходит к выводу, что крещение княгини следует датировать 954 годом¹⁶⁷.

«На третий год после своей поездки в Константинополь, т.е. в 959-м году, Ольга послала посольство к Немецкому королю (впоследствии императору) Оттону I или Великому»¹⁶⁸ – этими словами Голубинский открывает сюжет о сношениях киевской княгини с Западом и визите римского епископа. Оставляя без критики хронологию автора, отметим, что и в этой части своего сочинения исследователь ведет себя достаточно сдержанно и не пытается внести каких-либо изменений в канонический образ этого сюжета. Голубинский не сомневается, что посольство было послано именно от Ольги, а не от какой-то другой княгини, однако объяснить точные цели посольства автор не может, да

¹⁶⁵ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 74.

¹⁶⁶ Там же. С. 75.

¹⁶⁷ Голубинский опирается в своем исследовании на свидетельство Мниха Иакова, который пишет, что Ольга прожила в христианстве пятнадцать лет. Так как её смерть датируется тем же автором 969 годом, Голубинский делает вывод, что крещение должно было произойти в 954 году. «Много ниже мы увидим, что этот монах Иаков заслуживает в своих летописных показаниях всей нашей веры; а потому, с весьма большою вероятностью и со всем правом и можно остановится на его годе», – объясняет свой вывод Голубинский. (См. Там же. С. 79).

¹⁶⁸ Там же. С. 81.

и не хочет. Вопрос «для чего было послано посольство, должен навсегда остаться неразрешимой загадкой, если только не объяснят дела какие-нибудь новые, пока не известные свидетельства»¹⁶⁹, – заявляет он. И ниже, практически цитируя Макария, объясняет, что ответный визит епископа Адалберта преследовал цели распространения влияния римской церкви на Русь¹⁷⁰. Отказ Ольги от услуг римского миссионера Голубинский объяснил достаточно просто исходя из своего положения о «внутреннем христианстве» княгини. «Сама, приняв христианство, она не хотела, потому что не имела возможности, распространять его в народе: на что же стала бы она просить епископа?»¹⁷¹ – этим утверждением практически заканчивается повествование данного исторического эпизода. Как и Макарий, подытоживая сюжет, Голубинский приводит летописную форму характеристики княгини, «предрекшей подобно заре» общее крещение Руси.

Изложение Голубинским этого периода истории уже позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно тех взглядов на историю русской церкви, которых он придерживался.

Показывая историю зарождения первых форм религиозного христианского мировоззрения на территории Руси, Голубинский совершенно очевидно разделяет понятия христианства как совокупности религиозных представлений и церкви как таковой. Изложенный отрезок истории для него не первый этап русского церковного строительства, как это представлено в работе Макария (Булгакова), а некий латентный период, во время которого христианство проникает на Русь и утверждается там как «частная» религия части варягов, стоявших у государственного руля. Из этого положения вытекает и понятие «внутреннего христианства», которым автор определяет отношение к новой религии. Русское общество через варягов-христиан постепенно впитывает основы религиозного христианского миропонимания, проникается основами новой религии. Этому процессу всячески способствуют связи Киевской Руси с Византией, патронирующей русских христиан. Через религиозное подвижничество, военные, торговые, дипломатические

¹⁶⁹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 82.

¹⁷⁰ «Оттон I, известный ревностный распространитель христианства, и именно – распространитель его между Славянами, пользуясь, случаем посольства, решил отправить к Русским непрошеного епископа» (Там же. С. 82–83).

¹⁷¹ Там же. С. 83.

отношения, византийское христианство проникает на Русь, заставляя общество эволюционировать, отходить от примитивных языческих представлений.

Тем самым, во главу угла исследования Голубинским ставится эволюция общества, воспринимающего христианство по мере своего «взросления». Уровень общественного развития ярче всего проявляется в государственном строительстве, и, соответственно, эта тема и становится ведущей в исследовании автора. В отличие от представлений митрополита Макария, для которого церковь, как тело Христово, существует вне времени, для Голубинского церковь – это общественная институция, вызревающая как следствие эволюции социума. Продемонстрировать эту эволюцию он и берется в этой части сочинения. Автор как бы тестирует древнейшую русскую историю на протяжении достаточно длительного периода. В отличие от Макария, он не ищет доказательств участия десницы божьей в истории русского христианства. Именно поэтому Голубинский практически выбраковывает из истории легенду о миссии святого апостола Андрея. Его привлекает история общества, вызревание в нем государственных отношений и появление церкви как результата этой эволюции.

Исходя из этих положений Голубинский и рассматривает русскую историю. В своем изложении он стремится подчеркнуть, что на данном этапе говорить об истории церкви не приходится. Церкви как таковой ещё не существует, она ещё не нужна обществу, её время ещё не пришло. Понадобится ещё княжение Святослава, окончательно объединившего мечом славянские племена, чтобы в новых условиях, при новом правителе, в условиях сложившегося русского государства возникла русская церковь как одна из несущих конструкций нового славянского социума.

Глава IV. Крещение Руси и возникновение русской церкви в концепции Е.Е. Голубинского

Принятие христианства князем Владимиром и последовавшее за этим крещение киевлян нашло широкое отражение в русской исторической литературе. Редкий историк не рассматривал подробно этот исторический эпизод. Тем не менее, качество изложенной информации оставляло желать много лучшего. Историки не шли далее стандартного комментария к летописным данным, а зачастую просто повторяли сообщения «Повести временных лет» об этих событиях¹. «Дошед до событий самых достоверных, каково крещение Владимира, мы все-таки не избавились от так называемых народных повестей. Напротив, перед нами повесть этого рода, которая может быть названа таковою по преимуществу и по превосходству...»² – язвительно замечает Голубинский, открывая повествование об этом историческом эпизоде.

Не довольствуясь простым пересказом источника, Голубинский тщательно, с присущей ему педантичностью проверяет сообщения летописца. Согласно датировке Иакова Мниха, которой придерживается Голубинский, Владимир Святославович вступил в Киев 11 июня 978 года, после бегства из столицы Руси своего старшего брата Ярополка³. После окончательного захвата власти и умиротворения Руси, во

¹ См., например: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 124–126.

² *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 105.

³ «Владимир занял престол не в 980-м, а в 978-м году, ибо по самой же летописи всех лет его правления 37 (в общей хронологии под 852 годом), а у монаха Иакова находим совершенно определенное показание, что он сел в Киеве месяца Июня в 11 день в лето 978. Когда летопись говорит, что Ярополк княжил 8 лет (под тем же 852 г.), то годы княжения нужно разуместь не с 972-го г., в котором умер Святослав, а с 970-го, в котором он посадил Ярополка при своей жизни; когда монах Иаков говорит, что Владимир сел в Киеве в восьмое лето после смерти отца Святослава, то у него нужно видеть ошибку, происшедшую от забвения, что Ярополк занял великокняжеский престол не после смерти, а при жизни Святослава». (См. *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 106, сноска).

время которых князь в полной мере проявил свои военные и дипломатические способности, настал черед проявить себя и на религиозном поприще.

Важным мероприятием нового великого князя стало сооружение нового языческого святилища в Киеве⁴. «Владимир в первые годы своего правления не только занят был кровавыми войнами, но жил как самый нечистый язычник... Владимир думал облегчить душу тем, что ставил новые кумиры на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, закалал тучных жертвы перед ними, мало того, – пролил кровь двух христиан на жертвеннике идольском»⁵, – отмечает в своей работе архиепископ Филарет (Гумилевский). «Когда по смерти Ярополка воцарился в Киеве Владимир (980 г.)⁶, казалось, настали последние минуты для христианской веры в России»⁷, – вторит ему митрополит Макарий (Булгаков). Нарочитое язычество Владимира в первое десятилетие его правления проходит красной нитью через исторические повествования научных предшественников Голубинского. По мнению П.В. Знаменского, столь важный эпизод призван был свидетельствовать о том, что «самая ревность князя к языческой вере должна была повести только к большому обнаружению её несостоятельности...»⁸. Так или иначе языческие пристрастия князя Владимира на заре его политической карьеры лучше всего, по мнению историков церкви, подчеркивали величину духовного подвига киевского князя, нашедшего в себе силы принятием христианства перечеркнуть не только свое прошлое, но и прошлое всей Руси.

В отличие от предшественников, Голубинский не прельщается описанием уровней развития древнерусского язычества. Сведения о нем отсутствуют в предшествующей части работы, автор «упускает» возможность рассмотреть эту тему и в этот раз. Для него значительно более важно не то, от чего ушла Русь, в духовном плане, а к чему при-

⁴ См.: Повесть временных лет // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. II. С. 673–674; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 430.

⁵ *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви... С. 24.

⁶ Митрополит Макарий (Булгаков) в своей работе придерживается датировки, данной в «Повести временных лет».

⁷ *Макарий (Булгаков)*. Указ соч. С. 223.

⁸ *Знаменский П.В.* История русской церкви... С. 13.

шла. Скорее всего, Голубинский просто игнорировал тему языческих верований, справедливо считая, что весь божественный дохристианский пантеон славян к истории церкви Христовой отношения не имеет. Морализаторством же, показывающим «бездну языческой прелести», историк заниматься не собирался, тем более что сведения исторических источников на эту тему крайне скудны и сколько-нибудь полной картины дать не могут.

Внимание Голубинского привлекает летописный эпизод, посвященный выбору веры князем Владимиром. «Прискорбна обязанность, посягать на то, относительно чего весьма многие так привыкли, и так хотели бы не сомневаться, и в чем тщеславие этих весьма многих находит такое себе удовлетворение. Но неумолимый долг историка заставляет нас сказать, что повесть эта не заключает в себе ничего истинного, что она есть позднейший вымысел, по всей вероятности, не русский, а греческий»⁹. Целиком следуя этому заявлению, исследователь приступает к детальному анализу летописного повествования, вычлняя текстологические нестыковки и несоответствия, допущенные летописцем.

Выбор веры князем Владимиром и религиозные прения по этому вопросу неотъемлемой частью входили во все предшествующие исторические сочинения. Историки не подвергали сомнению канонический летописный текст, посвященный столь значительному историческому событию, снабжая его подобающей риторикой. «Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец, вся и торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседними...»¹⁰ – пишет Н.М. Карамзин, начиная повествование названного эпизода. «Это событие есть, без сомнения, важнейшее из всех, совершавшихся когда-либо на лице земли Русской»¹¹, – вторит ему митрополит Макарий (Булгаков). Как светских, так и церковных историков не настораживала излишняя подробность текста летописного диалога великого князя с миссионерами¹².

⁹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 105.

¹⁰ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 124.

¹¹ *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 226.

¹² См., например: *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. I. С. 44–49; *Полевой Н.* История русского народа. М., 1997. Т. I. С. 158–159.

«Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер должны были говорить с Владимиром...»¹³ – утверждает Карамзин. Точно так же относится к спорам о вере и Булгаков: «Живо чувствовал всю близость к нам сего великого события наш древний благочестивый летописец и, как видно, с особенною любовью старался собрать и записать для памяти потомков все, даже малейшие подробности священного предания»¹⁴.

Как видно, сомнения в подлинности исторического известия скрыты в обоих случаях за «угадыванием» и «чувствованием» летописца. Однако если Карамзин оставляет без критики этот эпизод, возлагая ответственность за подлинность легенды на самого летописца, то Макарий сообразно своим научным воззрениям принимает сюжет безоговорочно. Мало этого, Булгаков пытается справиться и с возможной критикой данного повествования, подчеркивая историчность представленных сведений¹⁵. Как историк-клирик он не может усомниться в их подлинности, кроме этого яркая апологетическая составляющая данного летописного сообщения не располагала Макария и его современников к какой-либо критике. «Поэтому известия летописца о крещении великого князя Владимира с внешней стороны заслуживают всего нашего вероятия. И нам остается только, по порядку перебирая их, рассматривать, главным образом их внутреннюю сторону...»¹⁶. Подобное отношение к словам летописца легло в основу историографической традиции. Как следствие, сюжет о религиозном выборе князя Владимира, практически дословно попадает во все работы, посвященные этому периоду русской истории.

Трудно утверждать, что Голубинский стал первым, кто действительно усомнился в исторической достоверности летописного свиде-

¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 125.

¹⁴ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 226.

¹⁵ «Надобно заметить, что преподобный Нестор, писавший спустя один век после крещения Владимирова, мог почерпнуть и, конечно, почерпнул свои известия о нем из самых достоверных источников: 1) из устных сказаний очевидцев великого события, каков, например, преподобный Иеремия, хорошо помнивший крещение России в 988 г., когда и сам крестился и живший в одной обители с преподобным Нестором... 2) из письменных повествований о сем событии, которые без сомнения были...» (Там же. С. 226).

¹⁶ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 226–227.

тельства, однако именно его перу принадлежит столь детальный критический анализ этого эпизода. Характерен факт, что критика именно этого единственного сюжета дала основания исследователям его творчества говорить об особом «критическом» методе, присущем этому автору.

Как и его предшественники, Голубинский открывает повествование, посвященное религиозному выбору киевского князя, излагая полный текст летописной легенды. Его комментарии в этой части сочинения крайне скупы, автор пытается пересказать летописный текст как можно ближе к оригиналу, вставляя свои дополнения только для того, чтобы сделать изложение понятней. Но как только ставится последняя точка, автор жестко и бескомпромиссно, практически одной фразой приковывает внимание читателя к тому, ради чего он и переписывал летописный сюжет. «Кто любит занимательные и замысловатые повести, не заботясь ни о чем другом, для кого сказка предпочтительнее всякой действительной истории, лишь бы имела указанное качество, того сейчас переданная повесть о крещении Владимира должна удовлетворять вполне, ибо достоинство замысловатости ей принадлежит бесспорно. Но немного критики, немного просто некоторой меры в вере, – и с пространною повестью тотчас же случится такое чудо, что от нее останется только голый остов, а потом и от этого голого остова останется только половина»¹⁷. Подобное заявление требовало жесткой аргументации, поэтому Голубинский разделяет свои критические размышления на несколько уровней.

На первое место он ставит критику содержательной достоверности источника. Как бы полемизируя с митрополитом Макарием, Голубинский отвергает его мысль о возможности передачи подлинной исторической информации летописцу непосредственными свидетелями событий. По его мнению, ни приведенный Булгаковым в качестве свидетеля печорский монах Иеремия, ни «боярин киевский Ян Вышатич, который умер в 1106 году, имея около 90 лет, и о котором летописец говорит: «От него и аз много словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь»»¹⁸, не могли столь дословно передать все перипетии религиозных диспутов. Для доказательства своего утверждения Голубинский прибегает к излюбленному полемическому приему, приводя пример современный ему исторической ситуации. «Вот вам остающийся до сих

¹⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 110–112.

¹⁸ См. сноску: Там же. С. 111.

пор в живых какой-нибудь петербургский уроженец и житель, родившийся в год смерти Екатерины Великой, который знает прошедшее по собственной памяти, а не по книгам; спросите его о каких угодно знаменитых беседах, когда-либо в продолжение царствования веденных Екатериной, что он вам ответит, т.е. что он в состоянии будет вам ответить?»¹⁹. Подобный аргумент, конечно, не исключал возможности устной передачи информации летописцу, но подрывал веру читателя в её объективность. Голубинскому как критику это необходимо, так как далее он указывает на смысловые пробелы в тексте летописной легенды.

Автор как бы задается вопросом: в чем видели свою миссию проповедники религиозных конфессий, посетившие Владимира, в чем смысл той информации, которую они ему предоставили. Парадоксально было бы считать, отмечает Голубинский, что проповедники явились к киевскому князю только за тем, чтобы рассказать о недостатках присутствующих их религиозных конфессиям²⁰. «Весьма понятно для нас, как все читаемое нами в повести мог написать позднейший и несколько наивный Русский (или как все это могло сложиться у позднейших Русских): но чтобы все это могло быть так в действительности, принимать это было бы более чем странно»²¹, – резюмирует Голубинский.

Не может согласиться историк и с сообщением о посылке княжеских послов, которые должны были проинспектировать преимущества и недостатки религиозных конфессий на местах. Прежде всего, критик осведомляется, а, что, собственно, должны были увидеть послы киевского князя. «Какую же разумную цель имело бы со стороны Владимира отправление посольства смотреть на непонятные и не имевшие ровно ни чего сказать действия...? Идите, посмотрите – у какого народа лучше совершается церковная служба. Но что тут может значить – лучше совершается: у кого она веселее совершается, у кого она пыш-

¹⁹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 111.

²⁰ «Неужели проповедники магометанские могли приходиться к Владимиру затем, чтобы держать перед ним возможно срамные речи и таким образом доказать ему, что вера их есть самая срамная в мире? Неужели проповедники еврейские приходили затем, чтобы сказать, что Евреи суть народ, Богом отверженный? Неужели проповедники папские только и могли сказать то, что влагает им в уста повесть...» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 112).

²¹ Там же. С. 112.

нее обставлена?»²². Голубинский первым из историков задумывается над вопросом, а как мог оценить язычник скромность или красоту религиозного обряда, если для него этот обряд не имеет никакого смысла. «Что такое обряд? Внешние условные действия, которые сами по себе не имеют значения, которые сами по себе ни худы ни хороши... которые не дают и решительно не могут дать ни малейшего понятия о вере, коей они составляют внешнюю принадлежность»²³. Ответ напрашивается сам собой: язычник, безусловно, не смог бы дать никакой объективной оценки увиденному. В то же время человек, живший в более позднюю эпоху, будучи уже христианином, мог сравнивать религиозные обряды друг с другом, делать какие-либо выводы об их достоинствах и недостатках. Таким образом, автор вновь подводит читателя к мысли о более позднем происхождении летописного сюжета о «испытании вер».

Отвергает Голубинский и предположение В.Н. Татищева и митрополита Платона²⁴, которые, чтобы придать данному летописному отрывку смысл, предполагали, что посольство было отправлено «не для соглашения обрядов, а для испытания догматов»²⁵. Исследователь считает, что религиозные догматы конфессий, участвовавших в дискуссии, были уже изложены ранее – послами.

Не находит подтверждения история с отправкой послов и с психологической точки зрения. Этим не совсем историческим аргументом Голубинский заканчивает комплекс критических замечаний, относящихся к выбору веры князем Владимиром. Весьма пространное объяснение ситуации автор приводит в сноске²⁶, отвечая на вопрос, который, по его мнению, был не до конца раскрыт в первом издании его «Истории...». Голубинский вновь вступает в полемику со своими противниками, заставляя их задуматься над самим механизмом принятия человеком того или иного решения. «Человеческое мышление подчинено, между прочим, закону достаточного основания, – *principium rationis sufficientis*: как никто не примет нового убеждения без достаточного

²² Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 113.

²³ Там же.

²⁴ «Татищев. Истор. Росс. кн. II, прим. 180, стр. 406; Платон. Кратк. Церк. Росс. Ист., I. 24» См. сноску. Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 113.

²⁵ Там же. С. 113.

²⁶ Там же. С. 117–119.

основания, так никто без того же основания не откажется и от старого. Таким основанием в последнем случае может быть только убеждение...»²⁷ – пишет Голубинский. «Невозможно представить дело таким образом, чтобы Владимир, прослушав всех проповедников и не убежденный ни одним, принял, однако, решение оставить язычество, признавал и сам автор повести. Поэтому у него дело представлено так, что его убедил в ложности язычества проповедник греческий. (Но если проповедник греческий убедил Владимира в ложности язычества, то вместе с тем должен был убедить и в истинности христианства, ибо в первом мог убедить через то, убедил во втором; а если так, то не нужны и посольства...)»²⁸. Таким образом, вывод напрашивается сам собой: исследование обрядов и догматов на местах мало что могло добавить к уже осмысленной князем информации. Летописная легенда – «выдумка, с одной стороны, пожалуй, затейливая, а с другой стороны вовсе несостоятельная, чтобы не сказать более, с которой серьезной науке пора, наконец, расстаться»²⁹, – подводит общую черту под своей критикой исследователь.

Критика летописной легенды, которую начал Голубинский, в дальнейшем была продолжена в ряде работ. Исчерпывающий источниковый анализ был сделан А.А. Шахматовым³⁰. По его мнению, весь рассказ о посольствах в иные страны есть не что иное, как искусственная вставка, сделанная для того, чтобы как-то заполнить промежуток в летописи между двумя рассказами: беседой греческого философа с Вла-

²⁷ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 118.

²⁸ Там же. С. 118–119.

²⁹ Там же. С. 113.

³⁰ А.А. Шахматов обратился к данной теме в статьях и монографии: См.: Шахматов А.А. Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира // Сб. ст. по славяноведению, посвященных профессору М.С. Дринову. Харьков, 1908. С. 63–74; *Он же*. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 75–103; *Он же*. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. ст., посвященный почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1908. Ч. 2. С. 1029–1153; *Он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 131–161. Цит. по современному изданию работ А.А. Шахматова. См.: Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. В 2 кн.

димиром, помещенной под 6494 (986) годом и повестью о походе киевского князя на Корсунь, помещенной в летописи под 6496 (988) годом³¹. Шахматов не соглашается с замечаниями Голубинского о греческом происхождении легенды, однако целиком принимает тезис, что она представляет собой более позднюю летописную вставку, сделанную не ранее XV века и содержащую элементы греческой традиции³². В целом легенда, по мнению академика, не может быть признана достоверным источником; более поздняя её редакция должна была восполнить неизбежный недостаток информации по теме. «Как, при каких обстоятельствах, под влиянием чего происходило крещение – все это было забыто; пришлось строить здание на песке, пришлось прибегать к заимствованиям и аналогиям»³³.

На мифологичность приведенной легенды исследователи будут указывать и далее. Историки разных школ и направлений сойдутся в одинаковом отношении к летописному преданию³⁴. «Голубинский нашел в себе мужество признать, что как летописи так и «жития» Владимира об обстоятельствах принятия Владимиром христианства являются благочестивым вымыслом»³⁵, – напишет в своей работе Н.М. Никольский. Критика Голубинского и его последователей была столь убедительна, что представитель следующего поколения историков церкви А.В. Карташев, яростный оппонент Никольского, полностью исключает легенду о выборе веры из своей работы, опуская её как не заслуживающую внимания. «Владимир – неистовый фанатик, вдруг становится каким-то апатичным, почти индифферентным искателем вер. И даже не сам лично торопится исследовать их, а посылает в разные стороны своих

³¹ См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1. С. 105–123.

³² См. текст и сноску: Шахматов А.А. Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира // Шахматов А.А. История русского летописания... Т. I. Кн. 2. С. 299.

³³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших... С. 118.

³⁴ См., например: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. ... С. 20–21; Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 48–50; Жданов Р.В. Крещение Руси и начальная летопись // Исторические записки. 1939. № 5. С. 11–14.

³⁵ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 21.

послов наподобие коммерческих агентов или политических разведчиков. Это – ненатуральная сказка для детей»³⁶. Можно уверенно констатировать, что подобная отповедь церковного историка становится следствием той работы, которую проделал Голубинский, разбив одну из легенд русской церковной истории.

Следующим историческим эпизодом, последовательно вытекавшим из предыдущего, стал сюжет о собственном крещении князя Владимира в Корсуни. В состав «Повести временных лет» летописцем конца XI – начала XII века включен рассказ о крещении Руси, получивший в исторической литературе название «Корсунская легенда». Согласно ему, князь Владимир Святославович без видимых на то причин совершил в 988 году поход на византийский город Херсонес (Корсунь – в древнерусских источниках), захватил его и заставил императоров Василия и Константина выдать их сестру за него замуж. Условием этой сделки стало личное крещение Владимира, которое и произошло в Корсуни. Совершение этого религиозного акта стало началом процесса христианизации Руси.

Однако неточности и противоречия летописных источников³⁷, говорящих об этом событии, породили в исторической литературе спор о том, где и когда крестился киевский князь. Как следствие, представители исторического сообщества потратили много труда, времени и остроумия, чтобы доказать правильность показаний того или иного исторического свидетельства, объяснить причины и значение корсунской акции киевского князя.

Н.М. Карамзин, полностью доверяя летописи, видел в походе Владимира прежде всего политический акт, желание показать грекам могущество молодого русского государства. «Он вздумал, так сказать,

³⁶ *Карташев А.В.* Очерки... С. 107.

³⁷ Например, принимая корсунский вариант крещения Владимира, различные летописи расходятся в деталях. Лаврентьевская летопись говорит о крещении Владимира в Корсуни в церкви св. Василия. Ипатьевская – в церкви св. Софии. По Радзивиловскому (Академическому) списку – в церкви св. Богородицы, по Архангелогородскому летописцу, названному М.Н. Тихомировым «Владимирским», – в церкви Спаса. См.: *Тихомиров М.Н.* Летописные памятники бывшего Синодального (Патриаршего) собрания // Исторические записки. Т. 13. С. 258. См. так же: *Будовниц И.У.* К вопросу о крещении Руси // Вопросы религии и атеизма. Сб. ст. М., 1955. Т. III. С. 411–415.

завоевать Веру христианскую и принять её святыню рукою победителя»³⁸. Такого же мнения придерживались М.П. Погодин³⁹, Н.А. Полевой⁴⁰, Н.Г. Устрялов⁴¹ и многие другие историки XIX века, практически копируя речитативы Карамзина. Удачно сформулированная Карамзиным причина корсунского похода попадает и в церковно-историческую литературу. «Воинственный князь, только что решивший принять новую веру, не мог ещё столько возвыситься в душе, чтобы отрешиться от всего земного: смиренно просить наставлений в новой вере у греков казалось ему не приличным для знаменитого победителя князя и народа... Владимир, спустя год после совета, решился завоевать веру оружием»⁴², – вторит великому историографу архиепископ Филарет (Гумилевский). Остается только добавить, что столь блестяще сформулированная причина похода источником никак не подтверждается. Летопись не говорит ни слова о том, каков был резон великого князя киевского в нападении на Херсонес и, что послужило поводом для похода.

Митрополит Макарий (Булгаков) со свойственной ему дотошностью попытался по-своему разрешить это летописное несоответствие. Целиком следуя летописному сценарию событий, он, как и его предшественники, приступает к изложению материала, рассказывающего о корсунском походе Владимира⁴³. «В следующем (988) году, – повествует летописец, – Владимир собрал войско и предпринял поход на Херсон»⁴⁴, – начинает преосвященный историк свое изложение. Однако в отличие от других историков Макарий все же попытался разобраться в побуждениях князя-крестителя подробней. Прежде всего, он задает источнику вопрос, до этого историками не ставившийся. «Непонятно, с чего вздумалось великому князю, занятому делами рели-

³⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского... С. 126.

³⁹ *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига... С. 48–49.

⁴⁰ *Полевой Н.* История русского народа... С. 160–161.

⁴¹ *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997. С. 72.

⁴² *Филарет (Гумилевский).* История русской церкви... С. 26.

⁴³ «Наконец, третья часть повествования Несторова об обращении Владимира описывает поход на Херсон, самое крещение его в этом городе, бракосочетание с греческою царевною Анною и возвращение в Киев» – *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 236.

⁴⁴ Там же. С. 236.

гии, вдруг поднять оружие и начать брань»⁴⁵. К сожалению, ответ на этот вопрос не отличается оригинальностью. Историк сводит его к личной инициативе князя Владимира, якобы разрешившего этим походом дискуссию со своими боярами⁴⁶. Подобная формулировка очень напоминает изложение этого материала М.П. Погодиным⁴⁷, хотя сам Макарий критикует его работу за неверное освещение причин корсунского похода⁴⁸.

В конечном итоге в своей работе Макарий как бы просто подытоживает все то, что было сказано до него предшественниками. Владимир разрешил в Херсонесе свои политические и религиозные задачи, продемонстрировав грекам свою военную мощь. «Во-первых, он принял здесь крещение, и принял со всею торжественностью и великолепно; во-вторых, получил руку греческой царевны и, в-третьих, взял с собою из Херсона множество икон, сосудов церковных и пастырей для просвещения своих подданных – все вместе и могло быть истинною причиною похода Владимировна на вольный греческий город»⁴⁹. Демонстрация военной мощи русского государства понадобилась князю, дабы пресечь дипломатическую надменность греков. «Византийский двор, при всей своей слабости, надменно и с презрением обходился с варварами, когда они являлись при нем или обращались к нему без оружия. Владимир знал, как принята была в Константинополе его бабка Ольга... и справедливо мог ожидать, что не лучше поступят и с ним...»⁵⁰ – объясняет ситуацию Макарий, практически копируя изложение этого материала Филаретом (Гумилевским)⁵¹. Таким образом, Ма-

⁴⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 237.

⁴⁶ «Преподобный летописец, сказавши, как спросил Владимир бояр своих: «Где крещение приемем?» и как бояре ответили ему: «Где ти любо», непосредственно продолжает: «И минушу лету в лето 6496 иде Володимир с вои на Корсунь», и таким образом, очевидно, связывает оба сии события в самом начале» (Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 238).

⁴⁷ Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига... С. 48.

⁴⁸ См. сноску 575: Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 238.

⁴⁹ Там же. С. 239.

⁵⁰ Там же. С. 240.

⁵¹ «Тогдашний двор византийский, к сожалению, был пышен несоразмерно с своею слабостью и слабостью народа, презирал варваров, когда являлись к нему без оружия, хотя трепетал их, когда видел меч; даже бл. Ольга испытала это на себе» (Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 26).

карию, как и его предшественникам, не удалось подняться над летописной легендой. Полностью доверяя источнику, он смог только более многословно рассуждать над уже известными сюжетами, апологетическая ценность которых была несомненна. Ставя апологетическую составляющую летописного предания значительно выше исторической критики, он не мог подвергнуть сомнению работу преподобного Нестора.

История церкви для Макария – это воплощение промысла божия, а летописный сюжет как нельзя лучше демонстрировал это. Поэтому подробнейшим образом вникая во все перипетии принятия Владимиром новой веры, входя во все дипломатические и военные тонкости, Макарий в конечном итоге приходит к единственно возможному для богослова выводу: «Здесь так много очевидного участия истинного Виновника всех благ – Бога! Кто устроил, что проповедник греческий пришел ко Владимиру после всех прочих и потому имел случай... показать недостатки других... Кто устроил потом, что послы русские так сильно поражены были величием греческого богослужения... Кто расположил так, а не иначе весь последующий ряд обстоятельств? Нужно же было, чтобы осада Херсона сделалась продолжительною и неудачною, и это исторгло у Владимира решительный обет принять святую веру... Таким образом, Отец Небесный, восхотевши привлечь ко Христу Спасителю мира великого князя русского, а через него и всю Россию...»⁵². Ход истории для историка-клирика предопределен десницею божьею, как следствие, предопределено и отражение этой истории в источнике. Стало быть, историк может бесконечно разбираться в хитросплетениях человеческих поступков, отраженных в истории, однако истинная причина происходящего всегда будет лежать вне их. Эту основополагающую истину Макарий как историк-богослов и демонстрирует в своей работе.

Исследовательская позиция Голубинского прямо противоположна. Рассматривая исторический процесс как результат жизни социума, он нетрепетной рукой касается его сюжетов. Это дает ему возможность сомневаться, проверять исторические данные, сравнивать их показания, интерпретировать и, главное, сомневаться в их достоверном изложении в источниках. С этих позиций он и начинает исследование корсунских событий⁵³.

⁵² Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 243.

⁵³ «Если бы завоевание Владимиром веры было действительно правдой, то оно представляло бы собой исторический казус весьма оригинальный и

Как и в предыдущем сюжете, автор начинает повествование, приводя изложение самой корсунской легенды. После чего со свойственной ему прямоотой заявляет о полном недоверии к ней. Следствием этого сомнения становится постановка исследовательской задачи. «Покончим с тем, чего не было, обращаемся теперь к тому, что могло быть, и на самом деле было... Начнем с последнего: «от кого, когда и где»⁵⁴. Для решения этого вопроса Голубинский привлекает такие источники XI века, как «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха и «Житие Бориса и Глеба». Нельзя сказать, что автор обращается к этим источникам первым. Макарий (Булгаков), открывая свое повествование, указывает на них как на весьма информативные и достоверные⁵⁵. Однако сравнивать информацию, изложенную в них, с летописными данными не решается. Понять мотивы Макария как исследователя можно, иначе бы его «История...» оставляла бы больше вопросов, чем давала ответов. Голубинский же вполне намеренно подчеркивает проблему разночтений в источниках. Особенно ценным для него становится сочинение Иакова Мниха, в котором имеется ряд дат, не встречающихся более нигде. Голубинский акцентирует внимание читателя на этой информации. «Повесть, помещенная в летописи, относит крещение Владимира к 988-му году. Но и это оказывается не совсем точным. По свидетельству монаха Иакова (в Похвале Владимиру) и преп. Нестора Печерского (в Житии Бориса и Глеба), Владимир крестился в 987-м году; именно – первый из них говорит, что Владимир, умерший в 1015-м году, прожил после крещения 28 лет, а прямо говорит, что оно было в лето 6495 от сотворения мира. В пользу Иакова и Нестора говорят и летописцы греческие... а по сейчас названным летописцам это могло быть не позднее начала 989-го года»⁵⁶. Упомянув о греческих летописцах, Голубинский имеет в виду «Извлечения из записок Яхьи Антиохийского», переведенных В.Р. Розеном⁵⁷.

весьма недоуменный и столько же единственный в своем роде, как и выбор веры (так что и вообще наша церковная история была бы единственною в своем роде)» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 127).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 226–227.

⁵⁶ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 130.

⁵⁷ Голубинский ссылается на первую публикацию и комментарии В.Р. Розена «Записок...» в Приложениях к XLIV тому Записок академии наук. См. сноску: Там же. С. 131. См. также: Розен В.Р. Император Василий Болгаро-

Сомнения Голубинского в достоверности хронологии корсунского похода и крещения имели под собой законные основания. Известный византист XIX века В.Г. Васильевский, анализируя известия византийского историка конца X века Льва Диякона и арабского историка второй половины XIII века ал-Макина, приходит к выводу, что Корсунь был взят русскими в начале 989 года⁵⁸. В.Р. Розен, привлечший для решения этой проблемы сведения сирийского историка, приходит к такому же мнению⁵⁹. Следствием подобных публикаций становится научная дискуссия, развернувшаяся в 80-х годах XIX века. П.Г. Лебединцев⁶⁰ и А.П. Соболевский⁶¹ стремились доказать правильность даты «Повести временных лет». Несмотря на то что, по мнению современного исследователя этой проблемы О.М. Рапова, правильность датировок Соболевского вполне объективна⁶², большое количество историков XIX – начала XX века придерживаются датировок Васильевского и Розена (989 год)⁶³, а некоторые отодвигают дату ещё дальше

бойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. Отрывок из «Записок...» Голубинский приводит в приложениях к данной главе своей «Истории...». См.: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 253.

⁵⁸ Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909. Т. II. Ч. I. С. 100–101.

⁵⁹ Розен В.Р. Указ. соч. С. 214–215.

⁶⁰ Лебединцев П. Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире? // Киевская старина. 1887. Т. XIX. №9. С. 176–178.

⁶¹ Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал министерства народного просвещения. 1888. №6. С. 399–401; Соболевский А.И. Год крещения Руси // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1889. Кн. 2. Отд. II. С. 1–6.

⁶² Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства... С. 223.

⁶³ См., например: Линиченко И. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1886. №12. С. 600. Левитский Н. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. (По поводу мнения проф. Соболевского). СПб., 1890. С. 165; Бертъе-Делагард А. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 294–295; Грушевський М.С. Історія України – Руси. Київ, 1913. Т. I. Изд. 3-е. С. 500–501.

(990 год)⁶⁴. Таким образом, Голубинский оказывается на острие научной полемики, которая в церковно-исторической литературе открывается его работой⁶⁵.

Хочется заметить, что выяснение датировки крещения киевского князя не являлось для Голубинского главной целью. Это была только одна небольшая деталь, подчеркивающая его видение всей проблемы появления христианства на Руси. Автор пытается представить ситуацию комплексно. В условиях, когда исследователь не доверяет летописным свидетельствам, альтернативная реконструкция событий становится для него главной. Именно ей он придает решающее значение в своем исследовании. Здесь как нельзя лучше проявляются элементы той исторической концепции, которой придерживается Голубинский. Автор постепенно подводит читателя к мысли, что латентный период в развитии русского христианства заканчивается. Общество, изменяясь в процессе своего развития, постепенно приходит к христианству как к единственно возможной религиозной конфессии. Это положение исследователь подчеркивает, не оставляя камня на камне от летописной дискуссии о выборе веры. Массовая христианизация народов, прокатившаяся по Европе, приходит и на Русь, и русское общество готово принять её.

Количество христиан в окружении князя Владимира множится, мощь «христианской партии» возрастает, а «языческой» падает. Для Владимира наступает время выбора. Опираясь в начале своего княжения на языческие традиции, князь осознает, что как политический лидер начинает отставать от общественной жизни, а это, в свою очередь, приводит его в стан варягов-христиан. «Подобно своему деду Игорю и своей бабке Ольге, Владимир расположен был к принятию христианства киевскими Варягами-христианами; он крещен был, по всей вероятности, священником этих Варягов-христиан; год его крещения есть 987-й, который был девятым годом его правления»⁶⁶. Таким образом, согласно Голубинскому, Владимир, как и его предшественники, стано-

⁶⁴ *Завитневич В.О.* О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1888. № 1. С. 131; *Шмурло Е.Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой // *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862 – 1462). СПб, 2000. Т. I. С. 398–404.

⁶⁵ См.: *Линиченко И.* Современное состояние вопроса... С. 596–600.

⁶⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 131.

вится «внутренним христианином», определяя тем самым свои политические ориентиры.

Личное крещение Владимира, по мнению Голубинского, никоим образом не предполагало немедленное крещение всего остального населения Руси, о чем он и пишет со свойственной ему язвительностью⁶⁷. Между крещением самого великого князя, возможным крещением его приближенных и предстоящим крещением народа должен был пройти определенный промежуток времени. Общество должно было как бы протестировать новую идеологию на примере своего лидера. Доказывая это, Голубинский прибегает к европейским аналогам данного процесса. «Для убеждения тех, кому показалось бы странным и невероятным представлять дело таким образом, мы сошлемся на примеры, во-первых, не очень задолго до Владимира крестившегося польского короля Мечислава I, и во-вторых – весьма вскоре после него крестившегося венгерского короля Стефана I. Оба эти государя крестились и некоторое время были христианами именно в том скромном образе, как это предполагаем о Владимире»⁶⁸. Другими словами, процесс христианизации Руси аналогичен общеевропейскому и идет по тому же сценарию. Приходя к такому заключению, Голубинский удивительным образом предваряет выводы, к которым спустя примерно полвека придет основатель школы «Анналов», представитель позитивистского этапа её развития Марк Блок⁶⁹.

Итак, Голубинский делит процесс начальной христианизации Руси на два этапа, где первый составляет личное крещение князя Владимира, второй – принятие христианства всем остальным народом. Кроме этого, он четко разводит причины, побудившие князя сделать личный выбор в пользу новой религии, и причины, заставившие его крестить киевлян, а затем распространить христианство на всю Русь. Приходя к

⁶⁷ «Веря повести, помещенной в летописи, и забывая о всякой естественности, обыкновенно полагают, что приказание креститься всему народу стоило для Владимира так же мало, как для любого барина стоит приказание лакею переодеться из худого кафтана в хороший: приказал, и исполнено. В действительности, конечно, это не могло быть так. Переменить веру для народа – не шутка, а потому и приказать это не может быть шуткой» (Там же. С. 131–132).

⁶⁸ См. сноску: *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 132.

⁶⁹ См. *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003. Т. I. Ч. 1. С. 22–23, 39–43.

этому выводу, автор начинает размышлять над условиями личного выбора Владимира. Рассматривая этот вопрос, он обращается к современной ему историографии: «Обращаясь к речи о том, что расположило Владимира принять христианство, сначала скажем о мнениях, с которыми мы не согласны»⁷⁰.

Прежде всего, Голубинский не может согласиться с историческим наследием, оставленным историками-клириками⁷¹. И здесь под огонь критики попадает архиепископ Филарет (Гумилевский), ставивший на первый план в побуждениях Владимира моральные причины⁷². Голубинский справедливо считает, что рассматривать моральные нормы следует с точки зрения нравственности современного Владимиру времени. Братоубийство и сластолюбие, в котором Филарет обвиняет Владимира, были реальностью этого исторического периода. Братоубийство как способ политической борьбы было распространено и позднее, при князьях-христианах, причем никто из них преступником себя не чувствовал, отмечает Голубинский⁷³. Чрезвычайное сластолюбие же,

⁷⁰ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 144.

⁷¹ Характерно, что версию о божьем промысле как о причине, толкнувшей Владимира на принятие христианства, Голубинский не рассматривает вообще, несмотря на то что подобная трактовка событий присутствует в историографии. См., например: «Перемена в таком пламенном язычнике, и перемена внезапная, совершается тайно, без всяких внешних побуждений, сильный перелом в убеждениях религиозных на самой высшей степени их развития ничем иным не могут быть объяснены, как только сверхъестественным действием Божьей благодати» (*Макарий (Булгаков)*). Указ. соч. С. 242).

⁷² «Ужасное братоубийство, победы, купленные кровью чужих и своих, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести даже язычника. Владимир думал облегчить душу тем, что ставил новые кумиры на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, заклал тучные жертвы перед ними, мало того, – пролил даже кровь двух христиан на жертвеннике идольском. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе, – душа искала света и мира» (*Филарет (Гумилевский)*). История русской церкви... С. 24). То же см.: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 144.

⁷³ «Сын Владимиров, христианин Ярослав, подобно отцу и совершенно по такому же, как он, побуждению, поднимая руку на брата, не только не считал себя преступником, а, напротив, с упованием призывал себе на помощь правду Божию...» (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 144).

приписываемое князю, скорее всего очередная летописная гипербола. «Несообразное известие, очевидно, выдуманно с целью, чтобы Владимира-язычника как можно резче противопоставить Владимиру-христианину...»⁷⁴, – пишет он. Другими словами, киевский князь был не более и не менее грешен, чем все его современники и, как следствие, вряд ли должен был страдать угрызениями совести по поводу своих поступков. Но даже если бы таковые и возникли «и в ложных религиях, так же как и в истинной, люди находят мир и утешение своим смущаемым совестям, хотя и воображаемое»⁷⁵, – резюмирует он. Кроме этого, исходя из элементарной логики, прежде чем понять, что он грешен, Владимиру следовало стать христианином, уверовать, чтобы понять всю глубину своего греха. Таким образом, следствие у Филарета стоит впереди причины. Моральный фактор принятия христианства, который приводит Филарет, по мнению Голубинского, не может быть принят как причина крещения.

Отвергает Голубинский и политические причины, сформулированные С.М. Соловьевым, по мнению которого переход Владимира от язычества к христианству был продиктован симпатиями и антипатиями ближнего окружения великого князя к той или иной религии. Но в большей степени, Голубинский критикует Соловьева за то, что тот так и не смог расстаться в своем повествовании со сказочной легендой о выборе вер и несостоятельности русского язычества перед всеми остальными религиозными направлениями. «Соловьев думает, что Владимир убедился в ничтожестве и ложности язычества, а потом в истинности христианства, то он представляет дело, как мы говорили выше, совершенно неверно и совершенно невозможным образом со стороны психологической. Владимир мог убедиться в том и другом только одновременно, но никак не сначала в одном, а потом в другом...»⁷⁶. Более того, считает Голубинский, уже с самого начала своего правления Владимир был человеком, хорошо понимавшим все плюсы и минусы новой христианской религии и, судя по имеющейся информации, умело совмещавшим христианские и языческие мировоззренческие принципы⁷⁷. Поэтому ни о каком откате в первозданное язычество, как это утверждает Соловьев, после княжения Ярополка, поборника христианства, речи

⁷⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С.145.

⁷⁵ Там же. С. 148.

⁷⁶ Там же. С. 148–149.

⁷⁷ Там же. С. 151.

идти не может⁷⁸. Будучи практически ровесниками, получив одинаковое воспитание, с детства видя перед глазами христиан в лице княгини Ольги и её ближнего окружения, будущие политические конкуренты воспитывались на одних религиозных принципах и были в равной степени и язычниками, и христианами. Как следствие, видеть в их последующей политической борьбе противостояние нарождающегося христианства и язычества, как это делает С.М. Соловьев, по мнению Голубинского, было бы ошибочным.

Напротив, считает автор «Истории...», Владимир уже с глубокой юности симпатизирует христианам. Никакого отката от христианства времен Ярополка к язычеству времени начала княжения Владимира не происходит. Отношение к христианам на Руси было и остается доброжелательным, о чем свидетельствуют матримониальные акты великого киевского князя. «Из пяти законных жен Владимира, называемых летописцем (под 980 г.), четыре были христианки: гречанка, две Чехины и Болгарка. Если бы Владимир в самом начале своего княжения считал себя обязанным казаться и на самом деле быть усердным язычником, то с одной стороны, что за средство угождать язычникам – брать в жены христианок, а с другой стороны – усердный язычник и в тоже время решительное предпочтение христианкам»⁷⁹. Снова и снова Голубинский обращает внимание читателя на факт медленного, но неуклонного внедрения христианства в жизнь и быт Древней Руси. Чем дальше шел процесс социализации славян, процесс складывания у них государства, тем сильнее становились позиции христианской «партии» в Киеве, тем более становились расположенными к христианству русские князья. Владимир не выбирал веру и не испытывал религии, он просто форсировал процесс принятия христианства, придав ему официальной статус. «Владимир, очевидно, сам шел навстречу христианству, сам искал окончательного сближения с ним»⁸⁰, – подводит итог сказанному Голубинский. Таким образом, не политика и не душевные терзания, а неуклонный процесс развития общества и есть настоящая причина принятия христианства князем Владимиром, что и подчеркивает Голубинский, завершая эту часть своего исследования.

«Народы, предназначенные к исторической жизни, живут благоустроенными государствами. Народы, только что начинающие жить госу-

⁷⁸ См.: текст и сноски. *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 149–150.

⁷⁹ Там же. С. 152.

⁸⁰ Там же. С. 153. Также см. сноску. С. 153–154.

дарственно, обыкновенно примыкают к народам, которые, начав жить давнее, служат в данном месте представителями этой государственно-сти, чтобы по примеру историческому быть их наследниками. Новая история нашей части света или Европы состоит в том, что новые, явившиеся в ней для государственной жизни, народы примкнули к составляющим на лицо представителям этой жизни – Грекам и Римлянам... от тех или других получили христианство, а с другой стороны или наоборот – это значит, что у каждого из народов христианство было введено теми государями, которые сознавали необходимость водворения в своих странах государственной жизни. Такой государь в лице Владимира явился у нас на Руси»⁸¹. Подводя этими словами, своеобразный итог сказанному, Голубинский ещё раз подчеркивает основу своей исторической концепции: социальный организм, проходя последовательно стадии своего развития, обретает необходимые для своего функционирования институты: сначала государство, а потом и церковь. Существование у славян государства ко временам княжения Владимира у автора сомнения не вызывает. Впервые в работе Голубинский употребляет по отношению к Владимиру термин «государь» и далее обосновывает это⁸². До этого ни один из князей, упоминавшихся в произведении, не получал такого титула. Таким образом, «органический» процесс государственного развития приводит к вызреванию в обществе потребности в новом осмыслении мироздания. Эта потребность и воплощается в христианстве. Исходя из всего выше сказанного, остается только ещё раз отметить авторскую смелость, перечеркнувшую своими выводами, наверное, самый живописный сюжет русской церковной истории.

Учитывая все вышесказанное, становится понятно сомнение Голубинского как в дате, так и самом смысле «курсунского крещения» киевского князя. Владимир выступает на Корсунь уже будучи христианином. Таким образом, целью похода становится не завоевание христианства, как это трактует Карамзин, а обретение Русью церковной иерархии, которую Владимир и требует у греков, демонстрируя военную силу. Создавая русскую церковь как институцию, великий князь демонстрирует Константинополю мощь молодого русского государства. Полемицируя с Карамзиным, нарисовавшим Владимира гордым воином, не пожелавшим пойти на унижение и быть просителем новой веры у греков, Голубинский замечает, что «гордость Владимира, правда одержав-

⁸¹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 154.

⁸² См. Там же. С. 154–155.

шего много побед, но побед не особенно достославных, и считавшего себя сильным, брать дань только с народов, носящих лапти, а не сапоги, – если эта гордость действительно была в нем, долженствовала быть весьма умеренною...»⁸³. Подобную гордость князь мог бы и смирить, прося крещения лично для себя, как смирила её Ольга. Могущество Византии в тот момент неоспоримо, высокомерие огромно, однако «совершенная неправда, будто это высокомерие, доходя до крайней глупости, дозволяло себе положительно оскорблять варваров, когда они появлялись к Грекам в виде просителей...»⁸⁴. Если бы Владимир искал личного крещения в Константинополе, то, возможно, он бы стал ещё одним крестником императоров, как и его венценосная бабка. Этот акт вряд ли задел бы его честь и достоинство. Дело в другом, Владимир добивается не личного крещения, а поставления на Русь митрополита и клириков. Правитель нового русского государства стремится взять это силой, и действует намеренно для того, чтобы не попасть в длинный перечень народов, которых Византия считала своими вассалами⁸⁵. Эта задача была не личной, а государственно-политической и Владимир подходит к ней со всей ответственностью политического мужа, привлекая к её решению все имеющееся в его распоряжении силы, как политические, так и военные. Приводя в жизнь столь затейливую интригу, киевский князь старается, с одной стороны, получить церковную иерархию из рук Константинопольского патриарха, с другой стороны, возможность подчинить будущую церковь себе, избавив Русь от контроля Византии. «Греки имели стать цивилизаторами Руси, и для Владимира чрезвычайно важно было, чтобы они имели добросовестную охоту быть цивилизаторами возможно усердными, чтобы они без задних мыслей имели расположение желать Руси всего лучшего»⁸⁶. Выполняя эту задачу, Владимир и нападает на Херсонес, мало того, требует в жены сестру императоров Анну. Умело выбранное место и время удара дают

⁸³ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 159.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Императоры константинопольские, как мы имеем право думать по некоторым указаниям, включая имена народов, содержавших православную веру, в свой титул, считая их как бы вассальными себе и как бы притязая быть по отношению к ним тем же, чем был император западно-римский или немецкий по отношению к своим курфюрстам и князьям» (Там же. С. 160).

⁸⁶ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 161.

возможность полностью реализовать задуманное. Византии приходится согласиться на требование князя. Тем самым «женившись в Корсуни на сестре императоров и затем или на самом деле получив или – как должно думать... – только обнадеженный получить немедленно вслед за этим митрополита и епископов для будущей Русской церкви... Владимир возвратился в Киев, чтобы приступить к крещению своего народа»⁸⁷.

Объясняя таким образом смысл корсунского похода, Голубинский вновь и вновь подчеркивает, что Русь крестилась не одномоментно, как об этом привыкли думать. Крещение Руси процесс органический, вытекающий из последовательной эволюции общественных отношений. Церковь в своей деятельности всегда будет требовать опоры. И опорой этой выступает государство, преследующее цели насаждения новой идеологии и интегрирующей её в общество через создание новой, полноценной социальной институции. Голубинский подчеркивает, что процесс этот есть процесс развития всего социального организма, процесс постепенной эволюции общественного сознания от более простых религиозных форм к более сложным. Именно поэтому процесс христианизации выписан автором так подробно и последовательно. Именно это и заставляет Голубинского беспощадно критиковать тех историков, которые сводили христианизацию к сиюминутному прозрению князя Владимира и последующего вслед за этим общего крещения.

Личное крещение Владимира, победа под Корсунью и появление его в Киеве в окружении греческих священников имели далеко идущие последствия. Русь становится христианской страной. Начало этому процессу положило крещение киевлян и новгородцев. Предшествующая Голубинскому историография подавала этот исторический сюжет весьма однообразно как акт торжества новой веры над посрамленным язычеством. Традиция полной идеализации крещения народа прекрасно читается в работе Н.М. Карамзина. «Явился Владимир, провозжаемый собором греческих священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда обряд торжественный совершился; когда священный собор нарек всех граж-

⁸⁷ Там же. С.162-163.

дан киевских христианами, тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: ”Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать тебя...”⁸⁸. Подобная трактовка события следовала летописной традиции и повторялась не единожды в работах историков первой половины XIX века⁸⁹. Не отходили от данной трактовки событий и историки церкви. Архиепископ Филарет (Гумилевский), следуя сложившейся традиции, практически копирует слова своих предшественников⁹⁰. Митрополит Макарий (Булгаков) следуя по той же проторенной дороге, берет на себя смелость лишь придать полумлетописным речитативам более литературную форму⁹¹. Подобный подход к описанию событий может быть объяснен лишь тем, что летописная форма изложения материала была практически безупречна с точки зрения апологетики данного события. На-

⁸⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 128.

⁸⁹ См., например: «Поутру вышел Владимир на Днепр с попами Царицыными и Корсунскими, с сыновьями и боярами. Народу множество без числа толпилось на берегу, – начался торжественный обряд крещения. Священники читали молитвы, лики пели: во Христа крещаются, во Христа облакаются, – все люди, мужчины и женщины, старые и молодые, бросились в воду, и стали кто по шею кто по грудь, дети близь берегов, младенцы на руках у матерей. Великий князь, подняв глаза к небу, воскликнул: Господи Боже сотворивший небо и землю! Призри на новых людей твоих, и дай им увидети тебя, Бога истинного, как увидели прочие народы христианские...» (Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига... С. 49); «На другой день открылось великое зрелище. Берег Днепра был покрыт народом... Видя Владимира, тожественно идущего с знаменами веры, при пении ликов, предшествуемого священниками, и ним княгиню Анну, бояр, старцев, дружину, с благоговением поклоняющихся перед крестами и иконами. Осветили Днепр, народ вошел в воду, и крещение было совершено...» (Полевой Н. История русского народа... С. 163).

⁹⁰ Филарет (Гумилевский). История русской церкви... С. 28.

⁹¹ «Тогда открылось торжественное зрелище, какое редко повторяется на земле: все эти массы народа – мужи и жены, старцы, юноши и дети – по данному знаку благоговейно вступили в реку: одни по шею, другие по перси, третьи по колена, многие родители с младенцами в руках, а служители Бога вышнего, стоя на берегу, совершали над ними величайшее таинство» (Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. II. Т. II. С. 19).

зидательность и помпезность сюжета придавали ему не столько достоверность, сколько полезность для читателя, которую поддерживал вес русской летописной традиции.

Следствием подобной, весьма архаичной формы подачи материала становится целый комплекс упущений, свойственный этим работам. Прежде всего – события захвата Корсуни, возвращение Владимира в Киев и последующее крещение, подавались как практически одномоментный акт, где крещение князя личное немедленно переходило в крещение киевлян. У читателя складывалось полное впечатление, что все события произошли в одном году. Наконец, христианизация Руси подавалась как бесконфликтный переход от одной религии к другой. За исключением Филарета (Гумилевского), процитировавшего В.Н.Татищева, конфликт при утверждении христианства в Новгороде был проигнорирован исследователями⁹².

Нежелание Голубинского следовать за летописной традицией, заставляет его вновь взвешивать в своей работе источниковые данные, стараясь дать объективную картину названного процесса. Прежде всего он останавливается на дате крещения киевлян. Следуя своим предыдущим рассуждениям о невозможности одномоментной христианизации, автор выстраивает следующую хронологическую цепь событий. Личное крещение Владимира произошло в 987 году. «Корсунь была занята им через два лета на треть после крещения в 989-м году»⁹³. После захвата Корсуни следовал период переговоров об установлении иерархии и о браке, что потребовало некоторого времени. Следовательно, он «возвратился из нее в Киев или только в самом конце 989 г.,

⁹² «Иоакимова летопись прямо говорит, что новгородцы открыто восстали на проповедников веры, сожгли дом Добрыни, умертвили жену его и что для усмирения мятежа надлежало употребить меч» (Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 30–31). См. также сноску: Там же. С. 31.

⁹³ См. текст и сноску: «По свидетельству монаха Иакова, Владимир взял Корсунь через два года на третий после своего крещения, которое имело место в 987-м г., а по свидетельству летописцев греческих и арабских, он оказал военную помощь императорам Константинопольским, что было после взятия Корсуни, или до Апреля месяца 989-го года или в этом месяце. Стоящий в летописи 988-й год, если принять за справедливое известие жития Владимирова, что он осаждал Корсунь шесть месяцев, будет действительным годом его отправления в поход» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 163).

или даже в следующем 990 г.»⁹⁴. Таким образом, крещение киевлян могло свершиться не ранее 990 года, «вообще представляется необходимым принять за год этого крещения (*киевлян – Н.С.*) 990-й год (четвертый от собственного крещения Владимира)»⁹⁵.

Данный хронологический ряд событий, в свете обозначенной выше дискуссии, был принят рядом ученых. В частности, А.Л. Бертъе-Делагард относил крещение к 989 году⁹⁶, а В.З. Завитневич, полностью соглашаясь с Голубинским, к 990 году⁹⁷. Дальнейшая разработка хронологии данного исторического эпизода приводит А.А. Шахматова к следующей последовательности дат. Крещение Владимира происходит в 6495 (987) году, взятие Корсуни 6497 (989) году, закладка Десятинной церкви 6499 (991/992) году. Следовательно, крещение киевлян произошло не позднее 991 года⁹⁸. В 1927 году, обобщая практически весь историографический материал по данной теме, Е.Ф. Шмурло дает схожую хронологию событий: Владимир принимает решение о походе на Корсунь в 987 году, наносит поражение Варде Фоке под Абидосом 13 апреля 989 года, берет Корсунь в конце 989 года и летом 990 года проводит крещение киевлян⁹⁹. И.У. Будовниц в своей работе также берет за дату киевского крещения 990 год¹⁰⁰. В 1988 году в своей работе О.М. Рапов, опираясь на хронологические принципы, изложенные в

⁹⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С.164.

⁹⁵ Там же. С. 164.

⁹⁶ Бертъе-Делагард А. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 294–295.

⁹⁷ Завитневич В.О. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1888. № 1. С. 148.

⁹⁸ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. В двух книгах. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1. С. 37–38; Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Там же. С. 317.

⁹⁹ Шмурло Е.Ф. Когда и где крестился Владимир Святой // Записки русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Т. I. С. 140–144; Шмурло Е.Ф. Когда и где крестился Владимир Святой // Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование русского государства. СПб., 2000. С. 403.

¹⁰⁰ Будовниц И.У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы религии и атеизма. Сб. ст. М., 1955. Т. III. С. 420.

работе А.И. Соболевского¹⁰¹, относит крещение киевлян на конец лета 990 года¹⁰². Таким образом, хронология событий, предложенная Голубинским, не только в значительной степени подтверждается в ученых дискуссиях, но и выдерживает проверку временем.

Как уже говорилось, факт массового крещения, предпринятого Владимиром по возвращении из корсунского похода, в предшествующей Голубинскому литературе был отражен как абсолютно бесконфликтный акт. По словам митрополита Макария (Булгакова), «радовались крестившиеся, радовались крестившие, радовались все свидетели величественного зрелища»¹⁰³. Несмотря на то что предположить подобное развитие ситуации было весьма трудно, с точки зрения апологетики самого события это выглядело безупречно. Факт торжества христианства над язычеством сам собою подтверждался массовым и добровольным обращением жителей Киева и других русских городов к новой вере. Однако то, что было хорошо для апологетики, не всегда вписывалось в здравую логику размышлений над самим событием. На этот факт и обращает внимание Голубинский, размышляя над процессом крещения народа: «Совершенная покорность Русских в деле перемены веры воле князя и так называемое мирное распространение христианства на Руси есть не что иное, как невозможная выдумка наших неумеренных патриотов, желающих приносить здравый смысл в жертву своему патриотизму»¹⁰⁴. В конечном итоге, по мнению автора, все, на что был способен великий князь-креститель, это, проведя публичные церемонии крещения, объявить язычество вне закона и приступить к долгому процессу целенаправленного внедрения новой веры. Несмотря на то что летописи не дают нам права говорить об активном сопро-

¹⁰¹ См. Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал министерства народного просвещения. 1888. № 6.

¹⁰² «В конце лета 989 года он (Владимир. – Н.С.) осадил Херсонес и после девятимесячной осады в апреле (мае?) 990 г. овладел городом. Летом того же года его посольство добилось прибытия Анны в Херсонес, где произошла свадьба Владимира. Затем русские войска вернулись в Киев, после чего имело место крещение киевлян не позднее конца лета 990 г.» (Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства... С. 241).

¹⁰³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. II. Т. II. С. 19.

тивлении крещению, считает Голубинский¹⁰⁵, говорить о мирном и быстром внедрении христианства в русскую жизнь не приходится.

Анализируя дальнейшую деятельность князя Владимира на поприще насаждения христианства на Руси, исследователь предполагает, что за следующие после собственного крещения двадцать пять лет правления князь имел возможность довести дело до конца. Однако автор отмечает: «Мы не имеем положительных сведений о том, что успел Владимир сделать; но мы имеем положительные сведения о том, чего он не сделал, и что было сделано уже после него»¹⁰⁶. Рассматривая этот вопрос, Голубинский приходит к выводу, что великий князь и не ставил себе цель распространить христианство повсеместно. Автор подчеркивает, что дело тут было не в сопротивлении некоторых областей, якобы инспирированном волхвами¹⁰⁷. «Сословие наших волхвов не было сословием организованным... Они представляли борцов немалочисленных, но разрозненных и одиночных, а при таком положении дела правительству, как оно поступило после, не было затруднения освободиться от них...»¹⁰⁸. Дело было в том, что большинство населения было просто не готово принять новую веру. Владимир не считал возможным пробовать на прочность недавно сколоченную в государство коалицию славянских племен, водворяя новую веру мечом. Это касалось как районов Руси Северо-Восточной и Северо-Западной, так и данников Русского государства, финно-угорских и летто-литовских племен. Тем самым Голубинский опять пытается натолкнуть своего чита-

¹⁰⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С.175–176.

¹⁰⁵ События, описывающие вооруженное столкновение язычников и христиан в Новгороде, изложенные в Иоакимовой летописи, Голубинский считает недостоверными, в тексте работы автор упрекает В.Н. Татищева и С.М. Соловьева ссылавшихся на этот источник. См.: Там же. С. 149. Как следствие подобного подхода, в работе Голубинского отсутствует описание новгородских событий, связанных с принятием христианства, автор ограничивается лишь кратким замечанием: «О крещении Новгородцев сохранилась пословица, что «Путята крестил их мечом, а Добрыня огнем». Это, очевидно, и значит, что в Новгороде новая вера была встречена открытым возмущением, и что для подавления последнего потребовались и были употреблены самые энергические меры» (Там же. С. 176).

¹⁰⁶ Там же. С. 172.

¹⁰⁷ См. об этом, например: *Филарет (Гумилевский)*. История русской церкви... С. 37–41.

теля на мысль, что социальный организм ещё не везде созрел для того, чтобы ему потребовалась такая институция как церковь. Князь киевский ещё не насадил на указанных территориях государственную власть, так что говорить о религиозных структурах просто не приходится. Христианство будет вырастать в этих обществах медленно, постепенно как выросло оно у днепровских славян. Автор подчеркивает, что принятие новой религии и вызревание нового христианского мировоззрения – это процесс, протекающий аналогично «органическому» процессу развития социума.

Однако если во взглядах на развитие социума Голубинский мыслит по-новому, то, описывая личность князя Владимира, целиком следует сложившейся агиографической традиции. Пресловутый «критицизм» автора полностью исчезает за житейной фразеологией. Описывая личность князя Голубинский прибегает к умилительной фразеологии. «Он (*Владимир – Н.С.*) был, во-первых, из числа тех безгранично щедрых людей, которые считают все принадлежащее им столько же собственностью своею, как и всех их окружающих; во-вторых, он был из числа тех истинно гуманных натур, которые не понимают, как можно быть довольну самому, когда не столько же довольны и все окружающие... потребность его натуры щедро довольствовать людей выразилась в христианской добродетели безграничного милосердия к нищим и убогим»¹⁰⁹. Автором забыты и отброшены и подчеркнутые выше братоубийство, и жесткая прагматичность политической линии, и трезвый, холодный расчет действий, и неразборчивость в средствах их исполнения. Написанный портрет святого так не вяжется с портретом политика, что вызывает крайнее удивление, разрешить которое можно, только рассмотрев ещё раз особенности критики Голубинского.

Приведенный сюжет являет собой яркое доказательство тому, что «критический молот» Голубинского действует не так грубо и беспощадно, как это ему приписывали исследователи его творчества. Автор «Истории русской церкви» четко разделяет критику истории вокруг князя Владимира и критику самого Владимира. Голубинский как историк церкви беспощаден к легендам, он полностью отвергает апологетические сказания, описывающие эпоху великого князя, он спорит по поводу хронологии и тонкостей прочтения источников. В этом случае его критика продуктивна, она поднимает церковно-историческую науку на

¹⁰⁸ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 177.

подобающий ей уровень и разрушает извечную заданность изложения этих исторических сюжетов. Тем не менее, когда дело касается русского святого, историк церкви Голубинский не позволяет себе даже намек на критику. С одной стороны, он как глубоко верующий человек не может подвергнуть сомнению истинность добродетели канонизированной русской церковью личности. Князь Владимир для него часть пантеона русской церкви. С другой стороны, по той же причине он не может не доложить своим читателям причины, приведшие к его канонизации. Раз князь Владимир причислен к лику святых, а этот факт лежит вне критики, значит, тому были свои причины. Причины канонизации изложены в источниках. Источники дают возможность предполагать и время канонизации, которое автор выводит со свойственной ему дотошностью¹⁰⁹. Таким образом, если объективно второе, следовательно, объективно и первое. Нельзя отрицать факт канонизации Владимира, стало быть, нельзя отрицать и условия, которые к этому привели.

Голубинский становится тут заложником собственных исторических представлений. Исторический позитивизм автора заставляет его следовать за фактом, а бесспорная фиксация факта в источниках, заставляет принять их без критики. По той же причине, завершая главу, посвященную жизни и деятельности великого князя Владимира, Голубинский оставляет своих читателей не просто без выводов, но даже без краткого итога деятельности этой исторической личности. Как историк-позитивист он не может взять на себя смелость собственной интерпретации событий. Это нарушило бы чистоту исследования, в котором за историка должны говорить источники, где чистая наука не может подменяться даже самыми добросовестными домыслами. Следствием такого подхода становится просто краткое перечисление событий, изложенных в главе. Автор как бы приглашает читателя думать о

¹⁰⁹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 183.

¹¹⁰ «Служба Владимиру написана по признакам в период домонгольский, но не в конце XI или в начале XII века или ещё ранее, как думает преосв. Филарет и как, наконец, думает преосв. Макарий, а, вероятно, в конце XII или в начале XIII века, ибо для современных автору её русских князей Владимир – не дед и не прадед, а уже праотец; затем, сколько имеем сведений в настоящее время, он называется в летописи святым в первый раз под 1254-м годом (Ипатьевск., ср. там же под 1229-м годом), а о праздновании памяти его как святого в первый раз упоминается в летописи

значении событий самому, оставляя себе только право представления очищенного критикой и тонко препарированного анализом источника.

Следование за летописным источником определяет и характер следующей главы повествования, описывающий время княжения Ярослава. Исторический материал, посвященный теме, не давал возможности уйти от проторенного предшественниками курса. Однозначность летописных свидетельств о жизни этого киевского князя приводит Голубинского к стандартной характеристике его личности, мало чем отличающейся от оценки его предшественников¹¹¹. Как и они, главную заслугу Ярослава он видит в насаждении книжности и грамотности. Князь предстает перед читателем ревнителем христианской мудрости, углубившим все преобразования эпохи Владимира. «Он был усердным продолжателем и докончателем начатого, но не оконченого Владимиром»¹¹², – характеризует Голубинский князя. Ярослав предстает в описании Голубинского фигурой одномерной. Несмотря на то что автор все же оставляет за собой право сомневаться во многих достижениях эпохи Ярослава, портрет этой исторической личности очень близок к некоему агиографическому канону. Например, автор как бы нехотя упоминает, что, заняв престол не по праву старшинства, Ярослав имел за собой «нехорошее прошлое»¹¹³, омраченное распрей с отцом и войной с братом. Этим скупым сообщением и ограничивается информация о светской жизни киевского князя. Текст повествования пронизан апологетикой и крайне бледен. Складывается основательное впечатление, что перед нами вновь появляется часть лекционного курса, задача которого показать эпоху, не подвергая её факты глубокому анализу.

Однако, несмотря на подобные недостатки, в тексте все же присутствует свойственная Голубинскому новизна и оригинальность. Эпоха Ярослава для Голубинского – это не только время окончательного утверждения христианства на Руси, как это было у его предшественников. Это не только время расцвета книжности и установления церковной иерархии, это, прежде всего, эпоха, в которую завершилось складывание русского государства и, как следствие, начался первый период жизни русской церкви – Киевский. Голубинский старательно под-

под 1263-м годом (Лаврент.)» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 185).

¹¹¹ См. Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 45–48; Макарий (Булгаков). История русской церкви... Кн. II. Т. II. С. 62–65.

¹¹² Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 188.

черкивает факт, что Киев становится не только политическим центром русских земель. Труды Ярослава город превращается в некое подобие Константинополя. Расширена территория городского кремля, заложены первые монастыри¹¹⁴. «Подражая Константинополю, который был и долженствовал быть для нас идеалом, Ярослав назвал главные въездные ворота в город Золотыми... сделав Киев малым Константинополем, как столицу государства, Ярослав хотел затем сделать его таким же и относительно святости христианской. В новом городе он воздвиг храм Софии – Премудрости Божией, в соответствии знаменитой Софии Константинопольской»¹¹⁵. Таким образом, за расцветом государства следует расцвет церкви. Политическое стремление Киевской Руси стать неким подобием Византии приводит страну к расцвету церковности, обеспеченному подъемом государственного строительства. Государственные амбиции Ярослава приводят к тому, что за централизацией политической следует централизация церковная. Русская церковь оформляется как часть Константинопольского патриархата, получает иерархическую структуру, становится, наконец, неотъемлемой частью того социума, развитие которого стало причиной её возникновения.

Эпохой Ярослава Голубинский завершает общеисторические наблюдения за историей русской церкви. Обозначив первый этап её истории как Киевский, автор начинает со свойственной ему дотошностью повествовать о церковном управлении, епархиальном суде, кафедрах, положении духовенства и прочем. Обозначив место Киевского этапа истории русской церкви в жизни русского общества, он принимается заполнять его положенной информацией, переходя от истории общей, светской и церковной, к собственно церковной. После того как явление раскрылось во всей своей полноте, Голубинский начинает наблюдать его составляющие, это рассмотрение в свою очередь завершает первую половину первого тома его сочинения.

Таким образом, приведенные исторические эпизоды, как нельзя лучше иллюстрируют факт глубокой последовательности и неизмен-

¹¹³ Там же. С. 188.

¹¹⁴ «Близ церкви Софии Ярослав построил два княжеских или – если так выразится – придворных монастыря, мужской – в честь ангела своего св. Георгия, и женский – в честь ангела супруги своей св. Ирины» – Там же. С. 196.

¹¹⁵ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 195–196.

ности исторических представлений Е.Е.Голубинского. Декларированные ещё во введении принципы исторического позитивизма были последовательно развиты в работе. История представляет собой органический процесс постепенного и последовательного развития живой материи социума. Показывая этот процесс, Голубинский, в отличие от своих ученых предшественников, нарочито старается стирать грани исторических явлений. В его истории ничего не оканчивается вдруг и ничего не возникает неожиданно. Новое вырастает в старом, крепнет, набирает силу для того, чтобы прийти на смену отжившему. Показанное в работе вызревание христианства в русской среде как нельзя лучше иллюстрирует этот процесс. Голубинский проводит своего читателя через всю историю развития христианского мировоззрения на Руси. Начиная от первых упоминаний этого явления в источниках до первых адептов и, наконец, до полного и окончательного утверждения его как религии государства; везде он рисует картину постепенного его прорастания сквозь почву русской действительности.

Утверждение христианства в русской жизни – это возрастание нового живого организма в живом теле истории. Через понимание этого, вслед за С.М.Соловьевым Голубинский приходит к единству закономерностей в историческом развитии отдельных народов. Впервые русский историк церкви сравнивает процесс христианизации Руси с аналогичными процессами, в частности, в Польше, Венгрии и Скандинавии. Отсюда следует закономерность самого исторического развития Руси как части всемирно-исторического процесса в его эволюции от простого к более сложному. Раскрывая эту закономерность, автор показывает эволюцию общества через процесс самоорганизации, приводящий его сначала к оформлению государственных институтов, а потом к появлению церкви. Иллюстрируя эти положения, Голубинский в своей работе смело объединяет исторические сюжеты в определенной последовательности, что дает ему возможность показывать процесс во всем многообразии и конкретности, раскрывая непрерывную связь и взаимообусловленность явлений. Тем самым исторический позитивизм автора разорвал одномерность и обусловленность, присущую русской церковной истории, связал её со светской исторической наукой, вывел из апологетического тупика, придав ей научность и объективность.

Все эти концептуальные новации привели русскую церковно-историческую науку в лице Голубинского на передний край научных исследований того времени. Идеи, сгенерированные автором в «Истории

русской церкви», как открывали научные дискуссии, делались предметами яростных споров, так и становились краеугольными камнями в понимании некоторых исторических эпизодов. Несмотря на неизбежные недостатки, фактическая полнота и концептуальная зрелость работы во многом определили характер последующих исследований по истории русской церкви.

Глава V. Особенности исторической методологии

Е.Е. Голубинского

Рассмотрев изложение Е.Е. Голубинским древней истории русской церкви, можно конкретизировать методологию его исследования. Как историк-исследователь, Голубинский входит в историческую науку именно с первой половиной первого тома своей «Истории русской церкви». Она была представлена оппонентам при соискании им докторской степени, и именно она вызвала ту бурю эмоций в церковно-историческом сообществе, которая привлекла внимание к личности самого автора. Публикация работы быстро закрепила за ученым репутацию ниспровергателя авторитетов, разгромившего русскую историю церкви «критическим молотом» своего исследования. Исходя из этого, анализ исторического материала, изложенного в первой половине первого тома позволит более объективно рассмотреть претензии критиков.

Как уже отмечалось, основные замечания к работе Голубинского формируют уже его оппоненты Н.И. Субботин и В.О. Ключевский¹ во время докторского диспута 16 декабря 1880 года². Это во многом определяет дальнейшее отношение к автору, за которым быстро закрепляется обвинение в гиперкритицизме. «Вооруженный молотом критики... пересмотрел и перетрогал все здание своей науки и немало камней, даже лежащих в её фундаменте, разбил своим беспощадным молотом... Критицизм ученого переходит в скептицизм, когда он касается оценки источников своей науки»³ – так характеризует исторические воззрения Голубинского один из его биографов С.И. Смирнов. О кри-

¹ См.: Ключевский В.О. Мнение о сочинении экстраординарного профессора Голубинского «История Русской Церкви» (тома I половина 1-я) // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998. С. 236–237.

² См.: А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 149–178. Корсунский И. Отчет о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 декабря 1880 года // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1880. Ч. III. № 12. (декабрь) Отделение II. С. 473–489.

³ Смирнов С.И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. Спб., 1912. С. 505.

тицизме и скептицизме исследователя в дальнейшем будут неоднократно упоминать протоиерей Г. Флоровский⁴ и Н.Н. Глубоковский⁵ изучавшие его творчество. О «выдающемся критическом таланте» автора напишет в своих «Очерках по истории русской церкви» А.В. Карташев. Тем не менее, по его мнению, Голубинский все же «принес редкую услугу исторической науке»⁶. Оценка Карташева становится ещё более ценной в свете современной публикации, касающейся жизни и творчества Голубинского. Излишний критицизм автора и его «критический метод» были снова упомянуты в новой редакции «Православной энциклопедии»⁷. По мнению авторов, это стало своеобразным недостатком первого тома работы. Во втором томе «изложение становится более объективным, исследовательский критицизм автора предстает в сглаженном виде, критический метод отошел на второй план»⁸. Всё это ещё раз заставляет вернуться к теме критики в работе Голубинского, рассматривая её как методологическую основу.

Методология как основа любого исторического исследования призвана сформировать его основную, созидательную часть. Метод становится тем средством, которое исследователь применяет для разрешения стоящих перед ним научных задач. Исходя из этого, критика способна решить только небольшую часть задач, стоящих перед исследователем. Прежде всего, критика не в состоянии решить главной задачи любого исследования – синтеза нового либо подтверждения старого взгляда на историческое событие или явление. Критика не отвечает задачам созидания нового, а лишь создает возможности для этого в исследовании. Как следствие, играя значимую роль в исследовательском процессе, критика является только этапом, неотъемлемой частью какого-либо метода. Наиболее ярко критический этап присутствует в историко-сравнительном методе исследования, который и следует считать методологической основой работы Голубинского.

Сравнение являет собой весьма важный и наиболее распространенный метод научного познания. В сущности, без сравнения не обо-

⁴ *Флоровский Г.* Пути русского богословия... С. 372–373.

⁵ *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Б.м.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1992. С. 79–83.

⁶ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви... Т. I. С. 31.

⁷ *Православная энциклопедия.* М., 2006. Т. XI. С. 719–721.

⁸ Там же. С. 720.

дилось ни одно историческое исследование и до Голубинского. О сравнении данных, предлагаемых источниками, писали практически все исследователи истории русской церкви. Сравнительный метод в работе с источниками декларирует во введении в свою «Историю русской церкви» Филарет (Гумилевский)⁹. В том же ключе сравнивает источниковую информацию при написании своей работы и Макарий (Булгаков). Даже в предисловии к весьма несовершенной и мало научной «Истории российской церкви» А.Н. Муравьева заявлено о некоем сравнении источников¹⁰. Следует сразу оговориться, что применение метода в этих работах несло в себе скрытую ограниченность. Как следствие, говорить о сравнительном методе в работе Голубинского как о новации не приходится. Однако в последнем случае применение метода значительно отличалось от использования его предшественниками.

Логической основой историко-сравнительного метода, как пишет И.Д. Ковальченко, в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является аналогия как общенаучный метод познания, позволяющий на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делать заключения о сходстве других признаков¹¹. Это позволяет раскрыть сущность исследуемого явления на основе имеющихся фактов, то есть выявить общее и повторяющееся, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Можно считать, что подобный принцип, но в его упрощенной схеме лежал уже в основе первых летописных сводов. С одной стороны, сущность этих произведений требовала от авторов суммирования как положительных, так и отрицательных, по сути, исторических иллюстраций и примеров на основе выборки и сравнения. С другой стороны, апологетическая составляющая сюжетной линии требовала господства положительного, то есть свидетельства победы добра над злом. В силу этого обстоятельства сравнение источниковых данных постоянно расширяло круг положительных свидетельств, созда-

⁹ «Между источниками надобно делать выбор, – надобно отличать достоверные от недостоверных, современные от поздних, надобно уметь различать в них отзывы какой либо немощи человеческой от отзывов осмотрительности, несогласное в них соглашать, недосказанное и неясное досказывать и объяснять по соображению» (*Филарет (Гумилевский)*). Указ. соч. С. 8).

¹⁰ *Муравьев А.Н.* История российской церкви. М., 2002. С. 29–30.

¹¹ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 187.

вая некий мистический ореол назидательности. Неизбежные несоответствия, которые имели место при таком подходе, зачастую опускались либо искажались, чтобы органически войти в текст повествования.

Подобная схема использования сравнительного метода так сплелась с церковной литературой, что неизбежно переключалась в церковно-исторические произведения, более того, стала его составляющей частью. Суть сравнения источников, таким образом, сводилась к суммированию назидательных сюжетов, имеющих в разных источниковых комплексах на основе общего (например, биографии исторического деятеля или святого) и в замалчивании качественно отличного, что содержалось в каждом конкретном источнике. Такой подход позволял избежать разночтений, губительных для церковной апологетики. Все это и создало в конечном итоге ту парадигму в церковной истории, которая по наследству переходила от исследователя к исследователю, претерпевая некие изменения в деталях, но никогда не по сути. Глубоко мифологизированная история церкви как самоценность переходила от одного поколения историков к другому, позволяя ставить собственное исследование на твердый фундамент исторического канона.

Все это придавало историческому произведению известный вес и, главное, вновь и вновь подтверждало исконную значимость комплекса исторических свидетельств для церковно-исторической науки. Объективность исторических фактов всегда приносилась в жертву их легендарности. Легендарность в свою очередь исключала любую верификацию сложившейся исторической картины, достоверность которой была проверена временем. Таким образом, сложился своеобразный скелет исторического повествования, свободный от разночтений и критики. Это не исключало исторических новаций, однако они не должны были касаться несущих конструкций канонизированного изложения. Каждый из историков, принимающих за свой труд, провозглашал, что напишет его по-новому, но на деле приходил к устоявшейся уже апологетике и назиданию.

Яркий пример такой работы – «Руководство к русской церковной истории» П.В. Знаменского, где автор, следуя духу времени, с одной стороны, начинает говорить о причинности исторического процесса, с другой – не в состоянии отказаться от легенд и агиографических образов. Тем самым сложился порочный для научного знания круг, в котором история церкви должна была назидать, приносить пользу, быть учительницей жизни. Иная форма изложения не признавалась. Разорвать

этот круг в рамках старой – прагматической исторической концепции было невозможно, а выйти за её пределы – страшно. Заслуга Голубинского в том и состоит, что он смог в своем сочинении кардинально отказаться от старых схем и методологических основ.

Прежде всего, Голубинский пытается создать научную историю, закладывая в основу своего исследования нарождающейся в России позитивизм. История под его пером лишается своей богоопределенности, превращаясь в объективный исторический процесс эволюции общества. Но, если исторический процесс объективен, то он должен быть реконструирован только на основе объективной источниковой информации, а не на основе домыслов. Как представитель классического позитивизма XIX века, Голубинский считал, что историческое прошлое дано историку непосредственно в виде остатков – исторических источников. Историческое познание, таким образом, это тщательное воспроизведение историком фактов исторической действительности. Критерием истинности этих фактов должна стать их документальность. Сами факты представлялись элементарными, неделимыми, неизменными и изолированными друг от друга выражениями действительности, изложенной в историческом документе. Этими фактами и начинает оперировать Голубинский, проводя над ними не сложный по сути, но глубокий по содержанию сравнительный источниковый анализ.

Собственно этому анализу и посвящена первая половина первого тома его произведения. Выявление существенности признаков, на которых должен производиться историко-сравнительный анализ, а также типологизация сравниваемых явлений потребовала специальных исследовательских усилий в русле источниковедческого анализа. Это в свою очередь привело исследователя к использованию историко-типологического и системного источниковедческого подхода, которые выразились в выстраивании источников по степени достоверности и значимости. Изначальная нерушимость церковно-исторического канона, покоявшегося на летописной традиции, была бесцеремонно разрушена. Своеобразным оселком, на котором проверялась прочность исторической информации, стала критика исторического источника, в основу которой было положено в первую очередь сравнение.

Сравнение источников и их редакций, стало тем инструментом, который Голубинский использует для извлечения истины из хитросплетений летописной традиции, сравнивая летописи и жития. «Первоначальную редакцию повести составляет та её редакция, которая читается

в Житии Владимиром неизвестного автора, т.е. повесть первоначально являлась, подразумевается – первоначально сочинена, в том виде, в каком она находится в Житии... После первой редакции явилась вторая – та, которая читается в летописи... вторая редакция соответственно с этим обрабатывает и то готовое, что нашла в первой...»¹². Подобные размышления составляют значительную часть первой половины первого тома. Автор не экономит на размышлениях, от которых его предшественники пытались оборонить читающую публику. Исследовательская «кухня» у Голубинского представлена нарочито наглядно. Читатель приглашается соучаствовать в исследовании, пройти за автором все хитросплетения источниковедческого анализа, составной частью которого выступала критика. Подобный стиль подачи материала, с одной стороны, делал работу весьма научно насыщенной, с другой стороны – делал её непривычной для читателя, приученного видеть перед глазами связный, литературно обработанный историко-повествовательный текст. В результате первое привело к обвинению в излишней полемичности, второе – к обвинению в излишнем критицизме.

Характерно, что ни первое, ни второе не исчезают и во втором томе работы. Положение о том, что второй том стал менее критичным и более выдержанным, чем первый, сформулированное, в частности, авторами статьи в «Православной энциклопедии»¹³, не выдерживает критики. Голубинский остался верен себе как в плане публичного источникового анализа, так и в критичном отношении к его результатам. «К сожалению, вовсе нельзя сказать о житиях, чтобы они представляли собой источник сведений о жизни св. Петра вполне удовлетворительный. Прежде всего, они ничего не говорят об его церковно-правительственной деятельности, ограничиваясь в этом случае общими немногими фразами... Затем и другие их сведения, относящиеся к истории его жизни, заключают в себе недосказы и умолчания»¹⁴, – замечает он, рассматривая жизнь и деятельность митрополита Петра в начале книги. «В старое время не писали биографий знаменитых людей, а только жития святых, поэтому мы и не имеем нарочитого о нем сказания. Есть

¹² Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 133.

¹³ См.: Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 719–721.

¹⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. II. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. С. 99.

сказание об его немощи, преставлении и погребении... но сказание это именно и ограничивается только его предсмертной болезнью и погребением... Что касается до летописей, то новгородско-псковские, к нашему счастью говорят об его деятельности в сане архиепископа новгородского, а летописи московские совершенно ничего не говорят об его деятельности в сане митрополита...»¹⁵ – сетует Голубинский на недостаток свидетельств о жизни митрополита Макария в конце своего труда.

Не изменяется и характерный для автора весьма язвительный тон изложения некоторых исторических сюжетов, о чем уже говорилось выше, и чему в тексте работы находится ещё масса примеров. Характеризуя одного из персонажей Жития митрополита Петра, самозванного владимирского «митрополита» игумена Геронтия, дерзнувшего самовластно искать себе престол в Константинополе, Голубинский столь же полемичен, критичен и язвителен, как и в первом томе своей работы. «Чтобы на Руси мог найтись лишенный разума игумен, который бы возымел надежду, что придет он в Константинополь к патриарху, изъявит свое желание занять кафедру русской митрополии и его заявят в митрополиты, есть дело совершенно невозможное. Но если бы и нашелся подобный главоболюющий игумен, то, во всяком случае, нам ясно дается знать, что не был таким игуменом наш Геронтий»¹⁶. Подобных примеров ещё немало в тексте работы. Можно уверенно говорить, что стиль и отношение автора к своему творчеству не изменились ни в первом, ни и во втором томе. Несмотря на это, мнение о внутренней смене установок Голубинского, которая произошла к моменту написания второго тома, все же присутствует в литературе, и этому следует дать объяснение.

Еще на докторском диспуте, во время защиты Голубинским диссертации, один из неофициальных оппонентов редактор журнала «Душеполезное чтение» протоиерей В.П. Нечаев сформулировал претензии, в которых как в капле воды отразилось все непонимание современников. По его мнению, диссертант допустил «несоответствие названия содержанию книги, которая есть история не прагматическая и

¹⁵ Там же. С. 744–745.

¹⁶ Там же. С. 100.

¹⁷ А.Б. Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 176.

не хронологическая, а критическая с примесью публицистики»¹⁷. Обращаем внимание, Нечаев обвиняет Голубинского в том, что его работа написана не так как, было принято ранее. Его «История...» не назидает, не учит, не поет панегириков, то есть не имеет прагматического – дающего практическое применение – смысла. В данном контексте следует понимать, что она не апологетична по содержанию и не хронологична по структуре, то есть не такая, какую привыкли видеть в сочинениях по церковной истории современники. Таким образом, Голубинский, по мнению Нечаева, написал «неправильную» историю, неправильность которой заключалась в её непонятности. В свою очередь непонятность вытекала из научности представленных сведений. Читателю впервые не подали историю готовой, в виде бесконфликтного повествования, а заставили задуматься. Открыто сопоставили документы, давно известные по названию, но не прочитанные до конца и не осознанные по смыслу. Именно смысловое осознание источников, представленных Голубинским в сравнении, породило бурю внутренней критики старого исторического наследия, которую читатель невольно перенес на автора работы. Несообразность многих исконных представлений о церковной истории стала очевидна. Как историк-позитивист Голубинский избегал выводов, собственного осмысления событий, но поданные им источники заговорили так отчетливо и ярко, что даже ярые церковные апологеты были смущены. Это смущение в конечном итоге и рождает миф о «гиперкритицизме» Голубинского. То, что в умах современников не могло быть связано с собственным осознанием истории, связалось с личностью историка, «виновного» в этом. Впечатление от первой половины первого тома работы было столь ярким, что вошло в историографические анналы и стало переписываться из сочинения в сочинение, поставив на историке клеймо критика-разрушителя.

Как уже говорилось, во втором томе своей работы, Голубинский как автор меняется мало. Неизменной остается и манера подачи материала и отбора источников, и хлесткий, язвительный стиль изложения. Тем не менее отношение ко второму тому работы было более мягким и терпимым. Публика не увидела в нем прежнего автора. Это, в свою очередь, породило представление о некоей нравственной перемене в Голубинском, которая выразилось в изменении его отношения к истории церкви как к предмету.

На самом деле изменился не столько автор, сколько сама читающая публика. С момента выхода первой половины первого тома до

появления второго тома проходит без малого двадцать лет. За эти годы русская историческая наука изменяется кардинально. Это было время развития конкретно-исторического знания, опиравшегося, прежде всего, на рост материальной научной базы. Развитие источниковедения, расширение круга вспомогательных исторических дисциплин повышает требования к самой исторической работе, основным критерием которой становится научность. Расширение материальной базы, полнота и всесторонность в изучении отдельного исторического явления определили ещё одну существенную черту в развитии конкретного исторического знания. Каждое явление, взятое обособленно, стало рассматриваться с предельной научной конкретностью. Историк стал подходить к изучению самых глубинных жизненных явлений, тем самым поднимая на поверхность ранее скрытые стороны исторического процесса в их конкретных экономических, политических и социальных проявлениях¹⁸. Как следствие, то, что ранее в церковной истории показалось новацией, к началу XX века было уже нормой, стандартом подачи научно-исторического материала. Таким образом, изменяется не Голубинский, а отношение к нему как историку.

Ярким примером этого изменения, можно считать письма, написанные К.П. Победоносцевым, темой которых стала публикация второго издания «Истории русской церкви»¹⁹. Обратим внимание, что сама инициатива этого издания принадлежала обер-прокурору Синода. «Желал я, конечно, сделать второе издание, но не видел возможности исполнить свое желание, и вдруг совершенно неожиданно указал эту возможность человек, от которого всего меньше можно было ожидать этого – К.П. Победоносцев. Не знаю, кто это переменял мысли Константина Петровича на I том моей «Истории» и внушил ему желание, чтобы том этот был переиздан»²⁰, – напишет Голубинский в своих «Воспоминаниях». Удивление историка легко понять: после первой публикации работы Победоносцев обрушивает на него самые яростные упреки по поводу написанного и всячески саботирует присвоение автору докторской степени. Теперь же по прошествии времени (1 сентября

¹⁸ Об этом подробнее см., например: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография... С. 488–494.

¹⁹ Письма К.П. Победоносцева Е.Е. Голубинский приводит в своих мемуарах. См.: *Голубинский Е.Е.* Воспоминания... С. 218–219.

²⁰ Там же. С. 218.

1900 года) в письме к председателю Императорского Общества истории древностей российских Е.В. Барсову Победоносцев пишет: «Читаю с удовольствием и с интересом изданный вами II том «Истории» Голубинского... Но вот что приходит на мысль. I тома давно уже нет в продаже, а многие желают иметь его. Для чего бы вам не издать его тем же путем – на этот раз тем удобнее, что первое издание прошло уже через духовную цензуру»²¹. В дальнейшем в письме от 24 августа 1901 года, написанном уже самому Голубинскому, Победоносцев напишет: «Искренне радуюсь появлению в печати вновь I тома вашей «Истории» и благодарю заранее за ожидаемое получение его от вас»²². К приведенным строкам остается только добавить, если эпоха восьмидесятых и девяностых годов XIX века меняет взгляды на церковно-историческую науку у столь консервативного человека, то что же говорить о научном сообществе историков-профессионалов и любителей. Второй том «просто» соответствует духу времени и тем требованиям, которые предъявляются в этот период к научной работе. Другими словами, как и в истории с первым томом работы, отношение читателя к написанному было перенесено на самого автора. Как следствие, если второй том работы не изменил в корне исторические представления современников, как это сделал первый, то читатель связал это не с изменениями в себе, а с некой научной девиацией автора, попеняв на его поменявшееся отношение к предмету. Было бы конечно весьма скоропалительно утверждать, что двадцать лет жизни Голубинского совершенно не изменили исследователя-историка как человека и ученого, но то, что он остался верен себе и своим научным взглядам, можно говорить с высокой долей уверенности.

Кроме этого, завершая сравнение томов «Истории...», хочется обратить внимание ещё на одну особенность первой половины первого тома исследования Голубинского, которая осталась в тени в работах предыдущих исследователей. При анализе первой половины первого тома «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского становится очевидным, что работа как бы повторяет сюжеты «Истории христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви» митрополита московского Макария (Булгакова) и представляет собой полемику с маститым историком. Обращаясь к

²¹ Голубинский Е.Е. Воспоминания... С. 218–219.

²² Там же. С. 219.

тем же самым историческим сюжетам, Голубинский проводит в жизнь принципиально другой взгляд на историю. Прежде всего, он, как уже подчеркивалось, решительно разрывает связь истории и богословия. История христианства на Руси не может быть введением к истории русской церкви, так как церковь не вечное, определенное божественным провидением учреждение. Для Голубинского первое и второе представляют собой два разных параллельно протекающих исторических процесса. Развитие христианства автоматически не приводит к возникновению церкви. Церковь возникает в обществе только с завершением процесса социализации как один из институтов, необходимых и поэтому инициированных общественным сознанием. Именно поэтому исследователь и отвергает тезис о христианском просвещении Киевской Руси. Христианство приносит на Русь грамотность, но не просвещение²³. Руководствуясь при разрешении этого вопроса теми же историческими представлениями, Голубинский подчеркивает: общество ещё не созрело для просвещения, как следствие, ни один князь не сможет его насадить.

В результате те исторические сюжеты, которыми так гордилась русская церковная история, вообще не могут быть зачитаны как подлинные, что автор и показывает в своем исследовании. История русской церкви, согласно Голубинскому, начинается только во времена князя Ярослава Мудрого, умиротворившего государство, завершившего христианизацию страны и наделившего Русь твердой церковной иерархией. Этой эпохой он и завершает первую половину первого тома, чтобы дальше начать повествование собственно об истории русской церкви.

Доказательство приведенных тезисов потребовало от автора огромного психологического напряжения. Будучи глубоко религиозным человеком, Голубинский спорит в работе не только с предполагаемыми оппонентами, но и с самим собой, со своим церковно-историческим опытом, пытаясь прежде всего себе доказать правильность своих же исторических взглядов. Во многом эта внутренняя полемика и определяет стилевые особенности этой части его произведения. Голубинский бросает перчатку действительно выдающемуся церковному историку, митрополиту Макарию, к которому относился с глубоким уваже-

²³ Об этом подробнее см.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома... С. 701–727.

нием²⁴. Стремясь к объективному, чистому знанию, показывая по-новому русскую церковную историю, он, прежде всего, ещё и ещё раз доказывает себе правильность своих концептуальных положений, постоянно проверяя их и сомневаясь во всем. Отчасти этот внутренний надрыв, замеченный современниками, и был отмечен ими как некая свойственная автору черта изложения, отсутствующая во втором томе работы, где Голубинский явно избавляется от нее. Годы исследований только укрепили его исторические представления. Как следствие, во втором томе работы эта уверенность в собственной правоте делает историческое изложение несколько иным по стилю, но не по сути.

Суть исследования Голубинского остается неизменной, объективная история по Голубинскому, представляется суммой формально выверенных конкретных исторических материалов. Задачей историка, как следствие, становится их сбор, систематизация и проверка, сведение воедино всего источникового материала и подытоживание всей исторической информации по конкретному вопросу. Этот формально-объективистский взгляд на задачи исторического исследования выливается у него в своеобразное источниковедческое направление всего исторического исследования, где на первый план выходят сравнительные методы источниковедческого исследования, позволяющие ранжировать источники по степени их достоверности. Таким образом, осмысление исследователем самой истории подменяется вопросами техники исследования, основанной на сравнении. Эта техника выделения объективной информации из источника, наглядно показанная в работе, принимается читателем за глубокую критику, а позднейшими исследо-

²⁴ «Высокопреосвященный Макарий есть один из знаменнейших наших духовных ученых и один из самых славных наших меценатов или благотворителей и поощрителей науки и духовной и светской. Но его отношение ко мне, которое заставляет меня посвятить его памяти настоящий том «Истории» (имеется ввиду первая половина второго тома «Истории русской церкви». *Н.С.*) свидетельствует о том, что вместе с другими качествами и достоинствами он отличался истинно высоким благородством души... Макарий составлял редкое и достойнейшее исключение, быв способен не только не воспылать гневом против человека, дерзнувшего выступить, до некоторой степени соперником ему, но и быть к этому человеку крайне благосклонным и прямо помогать и покровительствовать ему». (*Голубинский Е.Е.* Воспоминания... С. 211).

вателями за особый метод. Нет сомнений, что критическое начало в работе Голубинского присутствовало, однако применение исторической критики зачастую не подразумевает создание нового знания взамен разрушенного. Как историк-позитивист, Голубинский намеренно уходит от смыслового синтеза полученных в результате критического подхода материалов, заставляя делать выводы самого читателя. Эту черту исследователя подметил ещё Г. Флоровский: «Голубинский не был мастером исторического синтеза. Его сила в подробностях, в испытании и собирании фактов»²⁵, – заметит он в своей работе. Следовательно, о применении критики как исследовательского метода в полном объеме речи идти не может. Методом исследования критика так и не стала, превратившись в простой инструмент, которым автор вскрыл несоответствия прежних исторических представлений.

Своей версии исторических событий Голубинский не представляет. Исследователь намеренно уходит от исторического синтеза, избегая его как абстрактного теоретизирования. С этим связана ещё одна черта написанного им произведения. «История...» Голубинского практически лишена авторских выводов и обобщений, так как источник, по мнению исследователя, говорит за себя сам. Даже заканчивая изложение событий эпохи князя Владимира, разрушив фундаментальные представления прошлой церковно-исторической науки, автор ограничивается в заключение только кратким перечнем описанных событий. Вместо выводов о значении крещения Руси хотя бы в той форме, как это было у предыдущих церковных историков, в работе присутствует только краткое содержание главы²⁶, за которым следует небольшое резюме о самом князе Владимире²⁷. Позитивистский взгляд на историю заставляет

²⁵ *Флоровский Г.* Указ. соч. С.373.

²⁶ «Такова история собственного крещения Владимира и крещения им Руси. К нему не приходили послы и миссионеры от разных народов с предложениями вер, хотя и могли приходить; он не посылал своих послов для осмотра вер на местах и для выбора лучшей между ними... он принял греческое православное христианство не каким-нибудь беспримерным образом в истории и не с какою-нибудь сказочную замысловатостью, а совершенно просто и естественно, как принимали христианство все европейские государи...» Подробнее см.: *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 179–181.

²⁷ «Он имел некоторые частные, резко выдававшиеся черты в своем характере, которые не могли оставаться без памяти в потомстве и о которых,

автора избегать демонстрации собственного мнения, сворачивать возможный исторический синтез до краткого предположения. Создается впечатление, что ученый сам обрывает себя на полуслове, не давая своей идее дальнейшей реализации.

Ярким примером этого может служить размышление Голубинского о первоначальной автокефалии Русской церкви во времена князя Владимира. «Он мог искать и требовать для Русской церкви независимости, опираясь не на право, которого не знал, а на пример, который видел. Перед ним находилась церковь Болгарская, которая была совершенно то же, что церковь Русская, т.е. столько же новая и недавняя. Так как последняя имела автокефального архиепископа, то естественно было Владимиру потребовать, чтобы Русской церкви дано было то же самое, что было дано ей»²⁸. В тексте «Истории...» это предположение автора развития не получает. Голубинский практически ограничивается в этом вопросе приведенными выше словами. Потерю же автокефалии автор связывал с церковной политикой князя Ярослава²⁹. Его исторические представления не позволяли ни обосновать эту гипотезу подробнее, ни развивать эту мысль далее. Однако впоследствии это историческое предположение было подхвачено и развито М.Д. Приселковым и получило свое воплощение в работе «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков»³⁰. Оставляя за рамками нашего исследования сопоставление достоинств и недостатков работы М.Д. Приселкова, отметим только, что предположение Голубинского, положенное в основу работы, было весьма продуктивно. Тем не менее, завершить его, создать на основе предположения сколь-нибудь целостную историческую реконструкцию, высказать свою версию возможного хода событий автор не решается.

так или иначе, упоминают все сказания, говорящие о нем...» Подробнее см.: Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 183–184.

²⁸ Там же. С. 266.

²⁹ «Временем посягновения Греков на самостоятельность Русской церкви нужно было считать первые годы правления Ярослава, когда он ещё не был тем великим Ярославом, каким стал впоследствии» (Там же. С. 268).

³⁰ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. В работе цит. по: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 37–43.

Предположения Голубинского иногда занимают значительную часть той или иной главы. Создается впечатление, что исследователь вынужденно идет на этот шаг, когда чувствует явный недостаток источникового материала по теме. Иногда размышления автора становятся весьма пространными. Описывая, например, причины, побудившие князя Владимира принять христианство, он пускается в долгое размышление о логике, лежащей в психологической подоплеке этого акта: «Если бы допускался выбор при машинальной перемене веры, то он был бы до некоторой степени возможен, именно – выбор веры более выгодной в том или в другом внешнем отношении: но совместимо ли понятие выбора с переменой по убеждению? Если я переменяю одно мнение на другое по искреннему убеждению, то, очевидно, поэтому, что одно мнение нахожу ложным, а другое истинным: каким же образом может быть тут место выбору, т.е. место выбору, когда у меня все уже решено, какое мнение истинное вместо моего прежнего ложного?»³¹. В другом месте работы, чуть ранее, Голубинский пытается построить историческое повествование, посвященное христианской вере на Руси во времена Святослава. Отсутствие источников практически загоняет автора в тупик. Получается весьма громоздкое размышление, где одно предположение строится на основе другого³². При всей порочности данного способа исторической реконструкции у автора получается весьма стройное повествование, завершающееся, однако, типичным для Голубинского финалом: «От смерти Игоря до Владимира самым худшим временем для христиан было правление Святослава. Но у нас есть положительное свидетельство, которое говорит, что и в это правление христиане не терпели гонений...»³³. Как в первом, так и во втором случае серия предположений так и не получает авторской законченности. В выводах Голубинский постоянно снимает с себя ответственность за вновь возникшее историческое знание. Это наглядно видно, например, в приведенной выше цитате, посвященной князю Владимиру: «К нему не приходили послы и миссионеры от разных народов с предложениями вер, хотя и могли приходиться...»³⁴.

В этой фразе заключено все недоверие автора «Истории...» к вновь возникающему историческому знанию. Складывается впечатление, что

³¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 116.

³² См. Там же. С. 89–93.

³³ Там же. С. 93.

³⁴ Там же. С. 179.

Голубинский не доверяет сам себе. Разгромив наиболее яркие свидетельства, повествующие о крещении киевского князя, историк вдруг очутился в информационной пустоте. Вместе с источником для него исчезла и история. Органический исторический процесс, показать который он так стремился, развалился на ряд исторических зарисовок, обеспеченных бесспорной источниковой информацией. Между этими сюжетами возникала неизбежная пустота, которая могла быть заполнена синтезированным историческим знанием, но пойти на это автор не решился. Согласно его историческим представлениям, исторический синтез не может быть объективным. Следствием этого становится глубокое внутреннее противоречие: с одной стороны, историк понимает, что исторический процесс непрерывен, с другой стороны, отразить эту непрерывность в историческом повествовании для него не представляется возможным. Разрешить это противоречие Голубинский пытается если не через исторический синтез, то через предположение. Именно поэтому, беспощадно критикуя летописцев за досужие исторические рассуждения, автор сам неизбежно прибегает к ним, пытаясь связать свое повествование воедино. Однако в отличие от своих древних предшественников да и от многих современников, Голубинский не формирует в своем предположении нового исторического знания. Оставаясь незавершенным, предположение, судя по всему, должно было связывать историческое повествование, но не отвлекать внимание от самого источника, заставляя читателя внимательнее вчитываться в его текст и проникаться его смыслом. Поэтому многие исторические предположения Голубинского поданы в работе через исторические аналогии, не всегда уместные, но всегда яркие и запоминающиеся. Например, критикуя Никоновскую летопись за свидетельство о посольстве, якобы посланное Владимиром для ревизии представленных ему вер на местах, Голубинский предполагает, что если такое мероприятие и имело место, то скорее оно напоминало бы путешествие Петра I в Европу³⁵. Как следствие, цели такого вояжа были бы далеки от религиозных. В своих рассуждениях о просвещении в Киевской Руси автор неоднократно

³⁵ «Посольство, о котором говорит Никоновская летопись, было по её свидетельству, не до крещения, а после него, и не для согляданья вер, а для согляданья жизни и быта народов, т.е. было подобно посольствам и поездкам Петра Великого в западную Европу или посольствам туда нынешних Китайцев и Японцев». См.: *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 135.

но сравнивает эпоху Владимира и с эпохой Карла Великого и Петра I³⁶, а самого князя с польским и венгерским королями³⁷.

Подобный прием отделял в повествовании одну эпоху от другой. Автор как бы подчеркивал независимость его размышлений по поводу исторического эпизода с самим историческим фактом, что должно было четко отделить авторские размышления от конкретного исторического повествования. Историческая аналогия помогала Голубинскому разрешить эту задачу, но навлекла на него бесконечные обвинения в излишней полемичности и публицистичности в подаче материала, о чем уже говорилось выше. Тем не менее приведенный прием позволил автору «Истории...», несмотря на все внутренние противоречия его образа мысли, привести свое повествование не к некой сумме тезисов, а к сбалансированному изложению истории как процесса развития общества.

Демонстрация общественного развития как главной силы исторического процесса становится краеугольным камнем в изложении исторической концепции Е.Е. Голубинским. Как уже отмечалось, взгляды автора «Истории русской церкви» в этом отношении были весьма близки к научным воззрениям С.М. Соловьева. Однако задача, которая стояла перед ним была несколько иной. Целиком следовать по стопам своего научного предшественника Голубинский не мог. Специфика церковно-исторического произведения заставляла его уделить большее внимание не самим общественным процессам, а рассмотрению их влияния на церковь как на социальный институт. Поэтому, рассматривая, как и Соловьев, государство со всеми его атрибутами как результат развития социума, Голубинский должен был определить место церкви как продукта идеологической самоорганизации общества. Стоит ли повторять, что подобные взгляды автора шли вразрез с предшествующим опытом церковной истории? Божественное провидение как основной и единственный фактор исторического развития было изгнано со страниц церковно-исторического произведения. Прогресс общества стал определяться его внутренними силами. Несмотря на всю необычность подобного исторического видения, эта особенность взглядов автора была обойдена стороной исследователями его творчества.

Предшественники Голубинского – преосвященные Филарет (Гумилевский) и Макарий (Булгаков) – видели причину общественного

³⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 714.

³⁷ См. сноску там же. С. 132.

развития в божественном провидении, которое и задавало динамику общественных процессов. Судьба русского государства и церкви была уже изначально predetermined. «Премудрая и благая воля Божия идет здесь в ряд с волею человеческою, но, включая в распоряжения об одном лице и народ распоряжения о многих»³⁸, – пишет в начале своей работы Филарет. Идея осуществления божественного замысла легла в основу исторической концепции историков-клириков. Жизнь общества, таким образом, представлялась как часть божественного плана, реализация которого и есть суть исторического процесса. Исходя из этих принципов, историческое повествование выстраивалось как последовательная цепь событий, каждое из которых было знаком присутствия божия в мирских делах. Этим обуславливался и сам характер этих исторических произведений, где ценность каждого исторического сюжета определялась местом в повествовании. Выписывая каждый исторический сюжет, историк тем самым ещё и ещё раз подтверждал руководящую силу десницы божьей в истории. Весь ход исторического развития был изначально predetermined, так как причина этого развития – бог – существовал вне истории и общества и не был с ним связан. Поэтому речь о развитии общества в работах клириков практически не шла. Общество развивалось в заранее заданных рамках, а его эволюция была связана в основном с внутренним духовным совершенствованием каждого отдельного его члена.

Голубинский в своей работе рисует принципиально иную картину. Восприняв идею органического общественного развития, заимствовав многие концептуальные положения у С.М. Соловьева, Голубинский видит исторический процесс как закономерное развитие общества во всей взаимной обусловленности исторических явлений. Согласуясь с позициями современного ему позитивизма, он видит его как развитие живого организма, проходящего стадии зарождения и взросления. Процесс этот линеен и неразрывен, следуя ему, общество эволюционирует в саморазвитии от простых форм к более сложным. Хочется отметить, что если подобная трактовка исторического процесса стала новацией для светской исторической науки, то в церковной она совершила гигантский переворот. В работе Голубинского впервые причина развития стала не внешней, а внутренней составляющей общества. Это концептуальное положение автор наиболее ярко развивает в первой поло-

³⁸ Филарет (Гумилевский). Указ. соч. С. 13.

вине первого тома своей работы, где его основное внимание как раз и приковано к процессу общественной эволюции.

Например, Голубинский был не первым церковным историком, который усомнился в возможности путешествия и следующей за ним проповеди апостола Андрея Первозванного. Подобные мысли до него высказывались уже митрополитом Платоном (Левшиным)³⁹. Но если Платон высказывает сомнение только в целесообразности маршрута святого и, как следствие, ставит под сомнение его присутствие на Руси, то Голубинский отвергает этот факт совершенно по другим и более глубоким причинам. Отмечая всю нелепость путешествия в Рим через территорию Руси, он обращает внимание на другой аспект проблемы⁴⁰. Даже если бы апостол и посетил Русь со столь значимой миссией, обитавшие там народы не смогли бы оценить значение его проповеди. Если общество не созрело для христианства, любая проповедь его не оставит следа и, следовательно, не оставит следа даже апостольская миссия⁴¹. Тем самым во главу угла в размышлениях Голубинского ставится не возможность или невозможность путешествия, а его целесообразность или нецелесообразность в исторических условиях славянской первобытности. Логика Голубинского как бы подталкивает читателя к мысли о том, что, если бы апостол и был на Руси, его пребывание не имело бы серьезных последствий и вскоре забылось бы, не оставив следа в виде легенд. Поэтому и существующая легенда не имеет под собой достаточного основания. Подобным размышлением в первую очередь отрицалась богом заданная предрасположенность Руси к предстоящему крещению, а вместе с этим обусловленность промысла божия, избравшего славян для апостольской проповеди. Таким образом, во главе исторического процесса, по Голубинскому, ставится внутреннее общественное развитие, эволюция социального организма от простых форм общественной жизни к сложным. Этот тезис, появившийся в самом начале работы, получает свое развитие в изложении исторических сюжетов и в дальнейшем.

Развитие общества, «историческая жизнь народов», неизбежно приведут их к христианству. Пройдя долгий путь саморазвития, подоб-

³⁹ См: Платон (Левшин), митрополит Московский. Краткая церковная российская история... С. 12–13.

⁴⁰ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 24.

⁴¹ Там же. С. 22–23.

но Греции и Риму, европейские народы создадут государства как вершину социальной организации. Это в свою очередь потребует единобожия, что и получит свое удовлетворение в христианстве. «У каждого из новых европейских народов настоящая государственная жизнь начинается со времени принятия ими христианства»⁴², – запишет Голубинский, резюмируя причины принятия Русью новой религии. Общественные процессы, приводящие народы к крещению, одинаковы и для Западной Европы, и для Руси. Киевская Русь приходит к христианству по тем же причинам и на той же стадии развития, что и её западные соседи, Польша и Венгрия. Тем самым Голубинский вслед за Соловьевым отмечает единство исторического развития разных стран. Тезис о богоизбранности русского народа, принявшего православие как истинную религию, был беспощадно разрушен. Новая религия является на Русь не как знак божественного расположения свыше, а как реализация социальной потребности славянских племен.

Подобное понимание исторического процесса могло быть раскрыто автором только с помощью историко-генетического метода. Сама идея изложения истории церкви как части истории русского общества, показанного в своей эволюции, определила методологическую основу исследования. Понимание общества как живого организма заставляло Голубинского внимательно отслеживать все этапы его развития от простых социальных форм к более сложным. Историко-генетический метод позволил историку показать причинно-следственные связи, отметить закономерности исторического развития, охарактеризовать исторические события и исторические личности в их индивидуальности и образности. Как отмечает И.Д. Ковальченко, историко-генетический метод позволяет наиболее ярко проявить индивидуальные особенности исследователя⁴³. Именно за историком остается право дозировать объем единичного особенного и общего в своем исследовании. Реализуя это право, Голубинский берет на себя всю полноту ответственности за представленный читателю материал. Как и свойственно историку-позитивисту, он нередко экономит на характеристике общеисторических проблем, переводя исследование в русло подробного рассмотрения частных, единичных фактов. Исповедуя принцип «говорящего источника», Голубинский зачастую затрудняется дать общую характеристику эпо-

⁴² Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 154.

⁴³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования... С. 184.

хи: во-первых, результатом каких событий прошлого она была, во-вторых, какие объективные, потенциальные возможности для будущего она содержала. Сравнительный источниковый анализ, становясь основой техники исследования, конкретизируя историческую информацию, приводит автора к иллюстрации частных проявлений исторического процесса, основанных на фактах, опирающихся на подтвержденные источником свидетельства. Следствием этого становится некоторое доминирование частного, конкретного над общим, особенно при описании Киевского периода истории русской церкви. Этот дисбаланс в исследовании становится меньше, когда ученый берется за описание Московского периода, однако полностью не исчезает.

Несмотря на это, Голубинскому полностью удалось реализовать свой методологический замысел. Историко-генетический метод становится генерализирующим в его работе. Это не исключило, конечно, использование автором всей совокупности познавательных-исследовательских методик для разрешения каждой конкретной задачи исследования. Можно отметить примеры восхождения авторской мысли от абстрактного к конкретному при реализации сравнительного источниковедческого подхода. Сам процесс в этом случае основывался на анализе соотношений разных информативных свойств исторического источника и присущих этому соотношению противоречий. Этот прием хорошо читается в размышлениях Голубинского по поводу многоуровневой исторической информации о принятии Русью христианства и сравнения этой информации с легендарными данными «Повести временных лет». Сопоставление реальной картины с её идеальным отражением в источнике позволило раскрыть некие общие тенденции, присущие этому комплексу исторических свидетельств, оценить их объективность. Налицо индуктивность авторского мышления Голубинского в разрешении этого вопроса. Несмотря на то что индуктивный анализ не позволял установить всеобщих закономерностей исторического процесса, автор широко пользовался им. То эмпирическое знание, которое он получал в результате анализа, вполне отвечало задуманной модели повествования и органически вписывалось в концептуальные положения позитивизма.

Другим широко применяемым автором общенаучным методом исторического исследования можно считать причинно-следственный анализ как часть системного подхода и как одну из форм целостного изучения исторической эволюции самого общества и определения ме-

ста церкви в этом обществе. Установлению причинно-следственных связей между отдельными периодами бытования христианского вероучения на территории Древней Руси посвящена большая часть первой половины работы. Рассматривая общество как объект, имеющий внутреннюю тенденцию к развитию, Голубинский не мог не задумываться о причинах, приводящих к этому. Отсюда внимание к самому процессу общественного развития, стремление не упустить ни одной, даже самой малой детали. Несмотря на то, что до глубоких обобщений, характеризующих причинно-следственные исторические связи, автор так и не поднялся, в целом аналитика этого вопроса занимает свое место в исследовании.

В заключение следует заметить, что автор «Истории русской церкви» уверенно оперирует всей гаммой общенаучных и специальных подходов, применяемых в историческом исследовании. Однако все они служат одной цели – подготовке исторической информации для использования историко-генетического метода. Именно на его основе автору удалось создать цельное, инвариантное изложение истории русской церкви. Таким образом, не критика, представленная так называемым «критическим» методом, а прослеживание эволюции исторического явления от его зарождения становится основой методологии произведения, новаторство которого позволяет считать его вершиной церковно-исторической литературы XIX века.

Глава VI. Историографическое значение работы

Историографическое значение «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского исключительно велико. Работа стала знаковым явлением в развитии всего церковно-историографического комплекса. Голубинскому удалось разорвать порочный круг традиции, по которой церковно-историческое произведение предстояло перед читателем в виде нравоучительного повествования, свода легенд и агиографических образов. Бесспорная научность произведения поставила его в один ряд с современной ему исторической литературой, определила на десятилетия исследовательские дискуссии по многим вопросам русской истории и истории русской церкви. Своими теоретическими взглядами и схемой подачи исторического материала Голубинский не только подвел итог формированию всего комплекса полномасштабных исследований по русской церковной истории, но и обозначил направление дальнейшего развития этого жанра исторического исследования. Однако главной заслугой автора как историка церкви следует считать решение вопроса концептуального построения церковно-исторического произведения.

Историографический канон церковно-исторического произведения, сложившийся в начале XIX века под воздействием романтического направления светской историографии, с одной стороны, и апологетического богословия, с другой, исчерпал себя. Прагматическая историческая концепция, назидательной функции которой отводилось ведущее место в трудах предшествующих Голубинскому историков, испытывала глубокий кризис. Развитие исторической мысли в 70–90-е годы XIX века выводит науку на новую, качественно более высокую ступень развития. Опираясь на успехи источниковедения и сформировавшийся комплекс вспомогательных исторических дисциплин, историческая наука начинает ставить перед собой задачи, масштаб которых выходил за рамки красивого литературного пересказа событий прошлого. В этих обстоятельствах концептуальные основы церковно-исторического изложения, созданные историками-клириками, не только не способствовали дальнейшему развитию историографического комплекса русской церковной истории, но и тормозили его. Богословская выверенность сочинений таких маститых церковных историков, как архи-

епископ Филарет (Гумилевский) и митрополит Макарий (Булгаков), практически исчерпывают тему апологетического церковно-исторического произведения. Это в свою очередь приводит к тому, что дальнейшее развитие комплекса упиралось в неизбежность постулатов, выработанных мастерами этого жанра. Следствием этого становится тиражирование их взглядов и выводов следующим за ними поколением историков церкви. Обогащая своими мыслями повествовательную часть исторического изложения, они были вынуждены сводить свои научные размышления к уже заданному мэтрами сценарию. Таким образом, круг церковно-исторических произведений расширялся, но качественного прорыва не происходило.

Русская церковная история предстала перед читателем в виде тяжеловесного подробного пересказа событий снабженных назидательным комментарием. Повествование в таком произведении напоминало каталогизацию сведений почерпнутых из исторических источников. Исторический процесс предстал как божественное домостроительство. Следствием этого становится отказ от анализа иных причин общественного развития, кроме извечной борьбы добра в виде благодати божьей и зла, возникающего в результате божественного попустительства. Да и само общество представлялось в богословско-догматической концепции историков-клириков как некая сумма лиц, приверженцев одной религиозной конфессии, численно формирующих социум. Как следствие, движущей силой исторического процесса становилась отдельная личность, мотивы поступков которой продиктованы провидением. Это населяло страницы произведений по церковной истории сонмом праведников и грешников, образы которых выписывались со всей тщательностью, так как в их конфликте и проявлялась движущая сила исторического развития. Статус праведника подтверждался легендарностью накопленных церковной историей свидетельств. Несмотря на греховность отдельных представителей и даже целых социальных слоев, общество в своем развитии преодолевает пороки силами праведников, опирающихся в нем на духовно чистое православное большинство. Это большинство и формирует всю неповторимость русского пути исторического развития, который противопоставлен всяким иным путям общественной эволюции, и в первую очередь европейскому. Духовной основой данного православного общества является церковь, воплощенная в тварном мире в виде богоучрежденной иерархии,

становлению и развитию которой и будет посвящено историческое изложение.

Подобные исторические положения, выпестованные идеями рубежа XVIII–XIX веков, уже к середине XIX столетия не могли разрешить тех вопросов, которые задавало русское общество к своей истории. Следуя за философскими воззрениями эпохи, читающее сообщество требует от историков-исследователей раскрытия внутренней обусловленности и закономерности исторического развития, научности представленных в работах выводов. Историческая наука становится органическим элементом нового научного мировоззрения, что подталкивает её к ещё большей динамике в эволюционных изменениях. Следуя по этому пути, светская историческая школа в период 60–80-х годов XIX столетия делает мощный рывок вперед, прирастая в научной сфере как количественно, так и качественно. Церковно-историческая наука следовать рядом не в состоянии. Даже осуществляющееся в это время издание столь значимого, масштабного и исторически полного сочинения как «История русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), не может поставить её вровень со светской историей. Построенная по старой концептуальной и методологической схеме, работа не может удовлетворить читающую публику. От «Истории...» Булгакова ждут большего, чем она способна дать. Это навлекает на произведение беспощадный огонь критики, а сам автор, выдающийся историк, удостоивается репутации ретрограда. Разрешить проблему отставания могла только коренная модернизация концептуальных положений церковно-исторических исследований. Несмотря на всю сложность поставленной задачи, русская церковная история с ней справляется. Разрешил её Е.Е. Голубинский в своей «Истории русской церкви».

К началу пятидесятых годов XIX века в европейской культуре сложился новый интеллектуальный климат. С одной стороны, на историографию продолжали оказывать влияние романтические идеи назидательной истории, с другой стороны, на первый план решительно выдвигается научный рационализм. Проникая в русское научное сообщество вместе со ставшими популярными в начале XIX века идеями Г. Гегеля, рационализм увидел в развитии общественной жизни историческую закономерность и полагал, что она может быть познана. Идея познанной закономерности в развитии общества воплощается в исторической концепции «органического развития», основы которой С.М. Соловьев озвучивает в работе «Наблюдения над исторической

жизнью народов». В этой работе Соловьеву удается совместить идеи гегельянского рационализма с новым философским взглядом на исторический процесс – позитивизмом. В дискуссии с Г.Т. Боклем, рождалась историческая концепция, положенная в дальнейшем в основу исторических изысканий С.М. Соловьева.

Как уже отмечалось, Голубинский близко воспринимает основные черты этих исторических положений. Практически дословно воспроизведенные в тексте его «Истории» основные тезисы работы Соловьева становятся основополагающими в сочинении церковного историка. Обозначив их во введении, он возвращается к ним неоднократно в самом тексте своей «Истории...», когда речь заходит о механизмах общественного развития, но слепо им не следует. Рационализм Голубинского стоит ближе к идеям нарождающегося позитивизма, чем к гегельянству С.М. Соловьева. Отсюда более глубокая социологизация исторических явлений. Если для Соловьева государство – только как отражение общественной жизни, то для Голубинского оно является продуктом общественного развития социального «организма» и вырастает внутри него в результате его созревания. Процесс этого созревания одинаков как для Руси, так и для стран Западной Европы. Уже один этот тезис ставит сочинение вне стандартного ряда исторических сочинений, но автор идет дальше, представляя и церковь как социальную институцию, служащую обществу и имеющую в нем свою «цель и назначение»¹. Это был не просто разрыв со старой историко-богословской традицией церковно-исторической школы, это был шаг вперед в понимании общественного развития в исторической науке вообще.

В работе Голубинского историческая наука окончательно порывает с прагматической исторической концепцией. Навлекая на себя обвинения в излишней публицистичности повествования, автор следует принципу научности зачастую в ущерб литературности изложения. Эта особенность работы также не останется без пристрастных комментариев. Тем не менее Голубинский осмысленно идет на это. По его убеждению, вместо историка в работе должен говорить исторический источник. Миссия историка состоит в том, чтобы очистить источник от легенд и домыслов, заставив звучать только объективную, «чистую» информацию. Этой задаче и подчинено изложение «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинского, это и заставляет его критиковать самого Со-

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. XXII.

ловьева, когда тот «представляет дело, приближаясь не по букве, а по смыслу»² к источнику. Историк не вправе оперировать смыслом истории, считает Голубинский, объективная наука требует только выверенного исторического знания, стоящего на фундаменте точнейшего источникового анализа. Следствием этого становится экономия автора на предположениях и явный уход от выводов. Преподнести читателю исторический факт, а не навязать свое мнение об этом факте – подобные тенденции хорошо прослеживаются в сочинении и, в свою очередь, ещё раз подчеркивают позитивистский характер представленной работы.

В заключение следует объяснить, почему столь серьезный исторический прорыв, совершенный Голубинским в концептуальных положениях церковно-исторического исследования, был оставлен современниками и последующими критиками его творчества без внимания. Суть этого явления можно объяснить некой схожестью требований, предъявляемых к историческому факту богословско-догматической и позитивистской исторической концепциями. Желание сохранить и каталогизировать каждое проявление промысла божия как части исторического прошлого изначально легло в основу богословского понимания истории. Отсюда трепетное отношение к любому, даже самому легендарному свидетельству, лелеяние даже самого надуманного факта. Тем не менее этот бесспорный минус с лихвой окупался широчайшим источниковедческим кругозором, свойственным церковным авторам. Ярким примером такого сочинения выступает многотомная работа митрополита Макария, практически не превзойденная по полноте привлеченного источникового материала. Как следствие, любовь к историческому факту, изложенному в источнике, была краеугольным камнем церковной истории. Поэтому читатели Голубинского не были удивлены объему представленной им источниковой информации, качеством переводов с древних языков в привлеченных иностранных свидетельствах. Это было традиционно для церковно-исторической школы. Не заметили они и нового взгляда на эволюцию общества. Голубинский, возможно, намеренно не афиширует своих взглядов на причины общественного развития, а в большей степени их скрывает. Да и сами причины, порождающие социальный организм и заставляющие его развиваться, для него остаются неразрешенной загадкой, постичь которую

² Там же. С. 149.

Голубинский и не пытается. Ни один исторический источник не содержит такой информации, а любое развернутое предположение будет уводить от «чистой» исторической информации. Таким образом, если историк-клирик отказывался анализировать исторический процесс, так как он был частью непознаваемого промысла божьего, то историк-позитивист Голубинский ушел от того же, опасаясь ненаучности абстрактного теоретизирования, не опирающегося на исторические свидетельства. Следует заметить, что подобный подход, возможно, минимизировал и моральные противоречия у Голубинского как у глубоко верующего человека. В силу концептуальных особенностей позитивизм не предполагал коренного пересмотра мировоззренческих позиций автора. Являясь по философской сути идеализмом, позитивизм стал органическим продолжением «логического провиденциализма» идей Канта, Шеллинга и Гегеля, которые разделяла подавляющая часть читающего российского общества второй половины XIX века. Как следствие, концептуальная новизна работы осталась в тени разоблачительного источниковедческого анализа, который так ошеломил читателей. Таким образом, за частным было пропущено общее, а историк Е.Е. Голубинский вошел в церковную историографию только как беспощадный критик и разрушитель устоев.

Список источников и литературы

1. *Cumont Fr.* Chroniques du Byzantins du manuscrit 11370 // *Anecdota Bruxellensia: Recueil des Travaux publiés par la Faculté des Philosophie et des Lettres.* Fasc. 9. Gand. 1894.
2. *Krug Ph.* Forschungen ältern Geschichte Russlands. SPb., 1848.
3. *Schlözer A.L.* Russische Annalen. Güttingen, 1802. Bd. 2. S. XIII. Цит. по: *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // *Летописи и хроники-1973.* М., 1974.
4. *Smolitsch I.* Zur Frage der Periodisierung der Geschichte der Russischen Kirche // *Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas / Hrsg. von Hans Koch.* 1940–41. Jahrgang 5. Heft 1–2. – S.70–71.
5. *А.Б.* Докторский диспут в Московской Духовной Академии 16 декабря 1880 года // *Православное обозрение.* 1881. № 1.
6. *Афанасьев В.В.* Евгений Евсигнеевич Голубинский // *Памятники Отечества.* 1988. № 1.
7. *Барсов Е.В.* Письмо профессору Е.Е. Голубинскому с возражениями на его книгу: *История Русской церкви.* Т. I. Период домонгольский. М., 1880.
8. *Бахрушин С.В.* К вопросу о крещении Руси // *Историк-марксист.* 1937. № 2.
9. *Бертье-Делагард А.* Как Владимир осаждал Корсунь // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.* СПб, 1909. Т. XIV. Кн. 1.
10. *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. Т. I. Ч. 1.
11. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леккрка. СПб., 1788. Т. I.
12. *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси. XIII–XVII вв. М., 1988.
13. *Бородович И.А.* Е.Е. Голубинский (Песков). Некролог. Харьков, 1912.
14. *Бронзов А.А.* Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб., 1901.
15. *Будовниц И.У.* К вопросу о крещении Руси // *Вопросы религии и атеизма. Сборник статей.* М., 1955. Т. III.
16. *Булгарин Ф.* (Иванов Н.А.) Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. СПб., 1937. Ч. II.

17. Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.
18. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. (В связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней). М., 1940.
19. Васильевский В.Г. Введение в житие св. Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. Пг., 1915.
20. Васильевский В.Г. Введение в житие св. Стефана Сурожского // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Июнь.
21. Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909. Т. II. Ч. I.
22. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
23. Гедеонов С.С. Отрывки исследований о варяжско-русском вопросе // Записки Академии наук. 1862. Кн. I.
24. Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механистических способах в исследовании истории // Гиляров-Платонов Н.П. Сб. сочинений. Т. I. М., 1899.
25. Гиляров-Платонов Н.П. Несколько слов о механических способах в исследовании истории // Русская беседа. 1858. Кн. I.
26. Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. Б. м.: изд-во Свято-Владимирского братства, 1992.
27. Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.
28. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Т. II. Первая половина тома. М., 1997.
29. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. I (192). М., 1900. 919 с.
30. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 1881.
31. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. второе, испр. и доп. // Чтения в Императорском Обществе истории и древно-

- стей российских при Московском университете. Кн. 2 (209). Кн. 3 (210). М., 1904.
32. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002.
33. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. I.: Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга 3 (198). М., 1901.
34. Голубинский Е.Е. Памяти заслуженного профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского // Православное обозрение. 1878. № 1.
35. Голубинский Е.Е. Речь перед докторским диспутом // Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. М., 2002.
36. Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1986.
37. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
38. Грушевський М.С. Історія України–Руси. Київ, 1913. Т. I. Изд. 3-е.
39. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.
40. Евгений (Болховитинов) митрополит. Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825.
41. Жданов Р.В. Крещение Руси и начальная летопись // Исторические записки. 1939. № 5.
42. Завитневич В.О. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1888. № 1.
43. Знаменский П.В. История русской церкви: Учебное руководство. М., 2002.
44. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории // Очерки отечественной истории. М., 1995.
45. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1882.
46. Иннокентий (Смирнов) архиепископ. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. М., 1834. Т. I.
47. Иоанн (Филевский), священник. Памяти академика-профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912.
48. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 2 книгах. Кн. I. Т. I–VI. СПб., 2003.

49. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. I.
50. *Клейн Л.С.* Перун на Кавказе // Советская этнография. 1985. № 6.
51. *Ключевский В.О.* Мнение о сочинении экстраординарного профессора Голубинского «История Русской Церкви» (тома I половина 1-я). // *Полунов А.Ю., Соловьев И.В.* Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.
52. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.
53. *Корсунский И.* Отчет о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 декабря 1880 года // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1880. Ч. III. № 12 (декабрь). Отделение II.
54. *Красносельцев Н.Ф.* Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. // Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1891. Т. 2.
55. *Кричевский Б.В.* Митрополичья власть в средневековой Руси. (XIV век). СПб., 2003.
56. *Куник А.* Тожество русо-язычников и норманнов, подтверждаемое посланием папы Николая I от сентября 865 г. // Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I. (Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена).
57. *Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
58. *Лебединцев П.* Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире? // Киевская старина. 1887. Т. XIX. № 9.
59. *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. (По поводу мнения проф. Соболевского). СПб., 1890.
60. *Левченко М.В.* Очерки русско-византийских отношений. М., 1956.
61. *Линиченко И.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1886. № 12.
62. *Липищ Е.Э.* О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. М., 1948.
63. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г. // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952. Т. 6.
64. *Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский.* Ис-

- тория русской церкви. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994. Т. I. С. 91.
65. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. М., 1996. Кн. II. Т. II.
66. *Малицкий П.И.* Руководство по истории русской церкви. М., 2000.
67. *Мальшевский И.И.* Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем // Тр. Киевской духовной академии. 1888. 6. Т. II.
68. *Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах: О значении имени руссов // Маяк. 1842. Т. 5. № 9. Отд. 1.
69. *Муравьев А.Н.* История российской церкви. М., 2002.
70. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.
71. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1983.
72. *Никон (Лысенко) иеромонах.* «Фотиево» крещение славяно-русов и его значение в предыстории крещения Руси // Богословские труды. М., 1989. Т. 29.
73. *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
74. *Павлов А.* О сочинениях приписываемых русскому митрополиту Георгию // Православное обозрение. М., 1881 Т. I. № 1.
75. *Папандопуло-Керамевз А.П.* Акафист божьей матери. Русь и патриарх Фотий // Византийский временник. СПб., 1903. Т. X. Вып. 3–4.
76. *Пархоменко В.А.* Начало христианства Руси. Очерк по истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913.
77. *Платон (Левшин) митрополит московский.* Краткая церковная российская история. М., 1805.
78. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, СПб., 2004.
79. Повесть временных лет // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 1.
80. *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. I.
81. *Покровский М.Н.* Русская история. СПб., 2000. Т. I.
82. *Полевой Н.* История русского народа. М., 1997. Т. I.
83. *Полонская Н.* К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // Журнал министерства народного просвещения. Пг., 1917. № 9.

84. *Полунов А.Ю.* Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. М., 1998.
85. Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI.
86. *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
87. *Рамм Б.Я.* Папство и Русь. М., 1969.
88. *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.
89. *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.
90. *Россейкин Ф.М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915.
91. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
92. *Рункевич С.Г.* Русская Церковь в XIX веке. Исторические очерки. СПб., 1901.
93. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
94. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
95. *Рыбаков Б.А.* Русские земли на карте Идриси // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1952. № 43.
96. *Рыбаков Б.А.* Славяне в Крыму и на Тамани // Крым. 1952.
97. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
98. *Савельев-Ростиславич Н.В.* Этнографико-историческое объяснение Тацитовой Германии и решение вопроса: кого называть готфами и гутонами? // Славянский сборник СПб., 1845.
99. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
100. *Смирнов А.П.* К вопросу о славянах в Крыму // Вестник древней истории. 1953. № 3.
101. *Смирнов А.П.* К вопросу об истоках приазовской Руси // Советская археология. 1958. № 2.
102. *Смирнов С. Е.Е.* Голубинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5.
103. *Смирнов С.И.* Голубинский Евгений Евсигнеевич // Богословская энциклопедия. Т. IV. СПб., 1903.
104. *Смирнов С.И.* Голубинский Евгений Евсигнеевич. // Богословская энциклопедия. Т. IV. Спб., 1912.
105. *Смирнов С.И.* Е.Е. Голубинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 5.

106. *Соболевский А.И.* В каком году крестился св. Владимир? // Журнал министерства народного просвещения. 1888. № 6.
107. *Соболевский А.И.* Год крещения Руси // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1889. Кн. 2. Отд. II.
108. *Соколов.* Исследования о времени и месте крещения княгини Ольги. Опыты воспитания 5 курса // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1832. Вып. I.
109. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
110. *Соловьев С.М.* Исторические письма // *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Исторические письма. Прогресс и религия. М., 2003.
111. *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов // *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Исторические письма. Прогресс и религия. М., 2003.
112. *Субботин Н.И.* Несколько замечаний на книгу профессора Голубинского // Русский вестник. 1881. № 1.
113. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. I.
114. *Тихомиров М.Н.* Летописные памятники бывшего Синодального (Патриаршего) собрания // Исторические записки. Т. 13.
115. *Устрялов Н.Г.* Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997.
116. *Федотов А.В.* Руссы, в 866 г. напавшие на Константинополь, точно ли были руссы киевские, как сказано в наших летописях // Тр. Общества истории и древностей российских. М., 1830. Ч. 5. Кн. I.
117. *Филарет (Гумилевский).* История русской церкви. (В пяти периодах). М., 2001.
118. *Филевский Иоанн.* Памяти академика – профессора Е.Е. Голубинского. Харьков, 1912.
119. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
120. *Флоровский Г.В.* Смысл истории и смысл жизни // *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. М., 1998.
121. *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. 1912. № 1.
122. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.

123. *Шахматов А.А.* Киево-Печерский патерик и Киево-Печерская летопись // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2.
124. *Шахматов А.А.* Киевский начальный свод 1054 г. // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2.
125. *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. ст., посвященный почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1908. Ч. 2.
126. *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906.
127. *Шахматов А.А.* Начальный Киевский летописный свод и его источники // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2.
128. *Шахматов А.А.* Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира // Сб. ст. по славяноведению, посвященных профессору М.С. Дринову. Харьков, 1908.
129. *Шахматов А.А.* Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.
130. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. В двух книгах. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.
131. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
132. *Шлецер А.* Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. (Сличенные, проверенные и объясненные А.Шлецером); Пер. с нем. Д.Языкова. СПб., 1809–1819. Ч. II.
133. *Шмурло Е.Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой // *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб, 2000. Т. I.
134. *Шмурло Е.Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой // Записки русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Т. I.
135. *Шриттер И.Г.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Собраны и хронологическим порядком расположены И. Шриттером. СПб., 1770–1775. Т. 3.

136. *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1901.
137. *Эверс И.Ф.Г.* Предварительные критические исследования для российской истории /Пер. с нем. М. Погодина. М., 1825. Кн. II.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Академик Е.Е. Голубинский и его научная деятельность.....	17
Глава II. Теоретические основы исторических взглядов Е.Е. Голубинского	31
Глава III. Е.Е. Голубинский о начале христианства на Руси	79
Глава IV. Крещение Руси и возникновение русской церкви в концепции Е.Е. Голубинского	123
Глава V. Особенности исторической методологии Е.Е. Голубинского	157
Глава VI. Историографическое значение работы	179
Список источников и литературы	185

Солнцев Николай Игоревич

**«История русской церкви» Е.Е. Голубинского:
теоретические основы и историографическое значение**
Монография

Научный редактор д.и.н. *А.А. Кулаков*

Компьютерный набор: *Н.И. Солнцев*
Компьютерная верстка и оформление: *Ф.А. Дорофеев*

использованы мотивы оформления «Богословского вестника» за 1902 год

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 13,3.
Заказ №
Тираж 500 экз.

Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского.
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23

Типография Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
Лицензия № 18-0099
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37